

ISSN 2409-8671

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-10-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-10-2025

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Ryzhov Igor' Valer'evich - doktor istoricheskikh nauk, federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo", zaveduyushchii kafedroi istorii i politiki Rossii, 603005, Rossiya, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2, of. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Василий Рудольфович Филиппов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1 fvrd@rambler.ru

Тиберио Грациани — директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин

(Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Фролов Дмитрий Борисович — доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой "Компьютерное право" НИЯУ МИФИ. 115409, г. Москва, Каширское ш., 31 fdb@mail.cbr.ru

Аринин Александр Николаевич - доктор политических наук, академик РАЕН, директор Автономной некоммерческой организации "Институт федерализма и гражданского общества". 115035, Россия, г. Москва, ул.Ордынка Б., 21.

Безбородов Александр Борисович - доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 103012, Россия, г. Москва ул. Никольская, 15, кабинет 20.

Борисов Николай Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, исторический факультет

Буданова Вера Павловна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН

Галлямова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. 690022, Россия, г. Владивосток, Пушкинская, 89

Данилов Александр Анатольевич - доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.

Ершова Галина Гавриловна - доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления итальянского Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия). 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

Мартынова Марина Юрьевна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии Российской академии наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),

профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96,
48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Editorial collegium

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru .

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Vasily Rudolfovich Filippov — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1 fvr@rambler.ru

Tiberio Graziani is the Director of the Institute for the Study of Geopolitics and Related Disciplines (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Frolov Dmitry Borisovich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of

the Department of "Computer Law" of NRU MEPhI. 115409, Moscow, Kashirskoe sh., 31
fdb@mail.cbr.ru

Arinin Alexander Nikolaevich - Doctor of Political Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Autonomous Non-profit organization "Institute of Federalism and Civil Society". 115035, Russia, Moscow g, Ordynka B. str., 21.

Bezborodov Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 103012, Russia, Moscow, Nikolskaya str., 15, office 20.

Nikolay Sergeevich Borisov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia before the Beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 119991, Moscow, Russia, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Faculty of History

Budanova Vera Pavlovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Lyudmila Gallyamova - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690022, Russia

Danilov Alexander Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. 88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.

Yershova Galina Gavrilovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov of the Russian State University for the Humanities. Director for Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico), Member of the Board of the Italian Center for American Studies (Circolo Amerindiano, Perugia, Italy). 125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6

Martynova Marina Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Dean of the Faculty of Law, 430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Osipenko str., 40, sq. -, yulenkam@mail.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

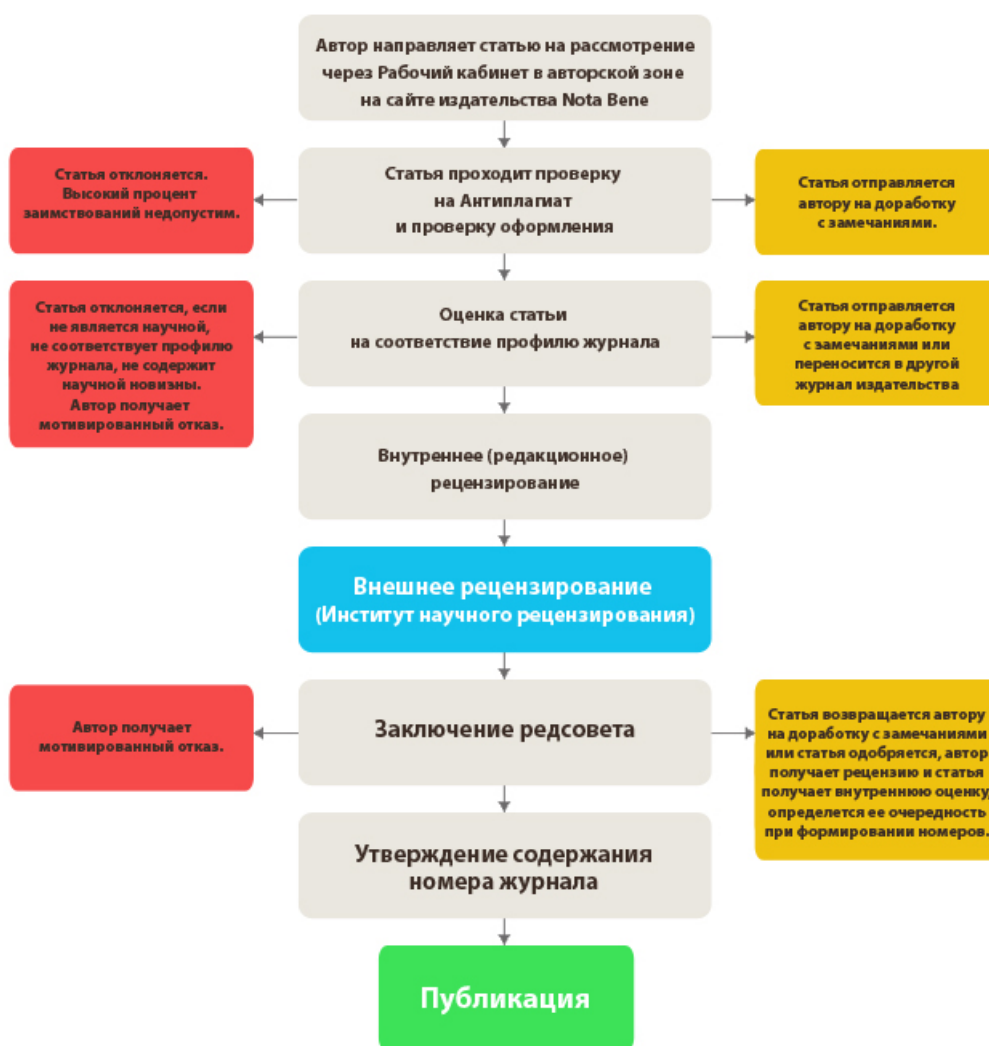
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ю Ю. Преемственность и новаторство внешнеполитических идей Си Цзиньпина	1
Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Маргарян Д.Л., Павлов А.Г., Сабиров Р.И., Хохлышева О.О. Роль России в межпалестинском урегулировании и перспективы палестинского фактора в мировой политике	16
Тихомирова К.С., Ручина В.М., Медонова А.А. Международное космическое право в контексте регулирования деятельности частных космических компаний на примере США	32
Пекшен Д. Реализм и конструктивизм в отношениях между Турцией и Фанарским Патриархатом: безопасность, идентичность и нормативные конфликты	55
Мутовкина А.Д. Миграционная политика современного государства: экономико-демографический подход	72
Лыков С.А. Процессы и институты энергетической дипломатии: структурно-функциональный анализ	84
Сербина А.С. Национальные перспективы реализации европейской политики «снижения рисков» в отношениях с Китаем	97
Англоязычные метаданные	127

Contents

You Y. Continuity and innovation of Xi Jinping's foreign policy ideas	1
Ryzhov I.V., Borodina M.Y., Margaryan D.L., Pavlov A.G., Sabirov R.I., Hohlisheva O.O. The role of Russia in inter-Palestinian settlement and the prospects of the Palestinian factor in world politics	16
Tikhomirova K.S., Ruchina V.M., Medonova A.A. International space law in the context of regulating the activities of private space companies, using the example of the United States	32
Peksen C. Realism and Constructivism in the Relations between Turkey and the Fanar Patriarchate: Security, Identity, and Normative Conflicts	55
Mutovkina A.D. Migration policy of the modern state: economic and demographic approach	72
Lykov S.A. Processes and Institutions of Energy Diplomacy: Structural-Functional Analysis	84
Serbina A.S. National prospects for the implementation of Europe's "De-risking" policy in relations with China	97
Metadata in english	127

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Ю Ю. Преемственность и новаторство внешнеполитических идей Си Цзиньпина // Мировая политика. 2025. № 3. С. 1-15. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75195 EDN: BXBKFN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75195

Преемственность и новаторство внешнеполитических идей Си Цзиньпина

Ю Юаньцзе

соискатель; факультет международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет

196070, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский р-н, ул. Победы, д. 6

✉ you_yuanjie@126.com

[Статья из рубрики "Современные внешнеполитические концепции и доктрины"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75195

EDN:

BXBKFN

Дата направления статьи в редакцию:

14-07-2025

Дата публикации:

21-07-2025

Аннотация: Особенность дипломатии Нового Китая состоит в неизменном следовании руководству внешнеполитической идеологии Коммунистической партии Китая (КПК), где концепции руководителей разных поколений партии составляют преемственную линию. В данном контексте внешнеполитические идеи Си Цзиньпина выступают развитием и продолжением данной партийной традиции. Первое поколение партийного руководства во главе с Мао Цзэдуном сформировало принципы «самостоятельной и независимой внешней политики» и выдвинуло «Пять принципов мирного сосуществования». Представляя второе поколение руководства ЦК КПК, Дэн Сяопин обозначил «мир и развитие как ключевую тему современности», предложив стратегию «держаться в тени, добиваясь реальных результатов». Цзян Цзэминь дополнил внешнеполитический курс концепцией «содействия совместному развитию», а Ху Цзиньтао провозгласил «путь

мирного развития Китая» с инициативой построения «гармоничного мира». После XVIII съезда КПК Центральный комитет партии под руководством Си Цзиньпина, сохраняя преемственность и внедряя инновации, всесторонне развивает дипломатию крупной державы с китайской спецификой, выдвинув концепции «сообщества единой судьбы человечества» и «нового типа международных отношений», что открыло новую главу в истории независимой и мирной дипломатии Китая. В статье использованы сравнительно-исторический и дискурс анализ (систематическое сравнение официальных документов (белые книги, доклады съездов КПК) и ключевых речей и выступлений лидеров разных периодов КНР по тематике внешней политики. Внешнеполитическая концепция Си Цзиньпина представляет собой не только воплощение идеологических принципов, сформулированных ЦК КПК под его руководством в сфере международной политики, но и служит концептуальной основой и основополагающим руководством к действию для дипломатической деятельности современного Китая в новую эпоху. Данный подход демонстрирует как органичное сочетание преемственности внешнеполитического курса предшествующих лидеров нового Китая с теоретическими инновациями, так и отражающими современные тенденции и особенности актуальной международной ситуации. Анализ устойчивых внешнеполитических идей и новаторских элементов, внесенных Си Цзиньпином в систему международных отношений современного Китая, обладает существенной научно-практической значимостью для осмысления эволюции руководящей идеологии и определения направленности инновационных преобразований во внешней политике Китая.

Ключевые слова:

внешнеполитические идеи, Китай, внешняя политика, ЦК КПК, внешнеполитический курс, Си Цзиньпин, мирное развитие, дипломатия великой державы, сообщество единой судьбы, китайская специфика

Особенность дипломатии нового Китая заключается в том, что она всегда основывается на внешнеполитической идеологии КПК, которая характеризуется преемственностью и способностью адаптироваться к изменяющимся условиям. В разные исторические периоды КПК, исходя из реальной ситуации в стране и международной обстановки, на основе тщательного анализа и оценки, своевременно корректирует свою дипломатическую стратегию, формируя внешнеполитические концепции и политические задачи, способствуя тем самым постоянному развитию и обновлению внешней политики Китая. Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина, как новейшее достижение в развитии внешнеполитических концепций КПК и основополагающие принципы и ориентир во внешней политике Китая, несомненно, являются результатом синтеза традиций и инноваций в международной деятельности Китая и требуют всестороннего понимания.

Преемственность внешней политики Китая в контексте идеологии КПК

Под руководством внешнеполитической идеологии КПК Китай демонстрирует характерную последовательность во внешней политике, первое поколение руководства центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) во главе с Мао Цзэдуном сформировало принципы «самостоятельной и независимой внешней политики» (独立自主) и выдвинуло «Пять принципов мирного сосуществования» (和平共处五项原则). Представляя второе поколение руководства, Дэн Сяопин обозначил тезис «мир и развитие как ключевую тему современности», предложив стратегию «держаться в тени, добиваясь реальных результатов» (韬光养晦, 有所作为). Цзян Цзэминь дополнил

внешнеполитический курс концепцией «содействия совместному развитию», а Ху Цзиньтао провозгласил «путь мирного развития Китая»(和平发展道路) с инициативой построения «гармоничного мира»(和谐世界).

1. Принцип независимой и самостоятельной внешней политики Китая

В период с 1840 по 1949 год в Китае последовательно сменяли друг друга правительства, включая правление «вдовствующей императрицы» Цыси(慈禧) из династии Цин, военного диктатора Юань Шикая(袁世凯) из Бэйян (北洋) и лидера Гоминьдана Чан Кайши(蒋介石), они осуществляли так называемую «дипломатию на коленях»^[1]. В результате этих правительств Китай потерял территории и выплатил значительные контрибуции, этот период истории называли «веком унижений» (屈辱外交). В связи с этим, с начала образования Китайской Народной Республики, разработка и реализация всеобъемлющих мер в соответствии с принципами и политикой нового государства стали важной задачей, требующей срочного решения. Для полного отказа от унижительной дипломатии старого Китая Мао Цзэдун на втором пленуме седьмого ЦК КПК предложил принять политику постепенного и полного уничтожения империалистического господства в Китае^[1].

Кроме того, в начальный период существования КНР, в условиях холодной войны между США и СССР, первое поколение китайских лидеров избрало внешнеполитическую стратегию ориентации на социалистический лагерь во главе с Советским Союзом, известную как «держаться одной стороны» (一边倒). Эта стратегия была сформулирована в «Общей программе Народного политического консультативного совета Китая» следующим образом: «Китайская Народная Республика объединяется со всеми миролюбивыми и свободолюбивыми странами и народами, в первую очередь с Советским Союзом, народными демократическими странами и угнетёнными народами, стоит на стороне международного лагеря мира и демократии, совместно противостоит империалистической агрессии и способствует установлению прочного мира во всём мире»^[2]. Китайский исследователь Гун Ли констатировал, что «держаться одной стороны» было прагматическим решением, принятым в условиях холодной войны, а также ответной мерой на враждебность западных держав по отношению к молодому Китаю и на их политику изоляции и блокады^[3, С. 19].

В декабре 1953 года на встрече с индийской делегацией в Пекине Чжоу Эньлай, представляя правительство Китая, подробно изложил «Пять принципов мирного сосуществования». Он заявил, что после образования Нового Китая были определены основополагающие принципы, регулирующие китайско-индийские отношения. Эти принципы включают: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода и мирное сосуществование ^[4, С. 63].

Вскоре после этого Мао Цзэдун более подробно сформулировал «Пять принципов мирного сосуществования» с точки зрения стратегического применения в долгосрочной перспективе. В октябре 1954 года, во время встречи с премьер-министром Индии Неру, он подчеркнул, что эти принципы должны быть распространены на отношения между всеми странами ^[1, С. 165]. После более чем семидесятилетней практики во внешней политике Китая, «Пять принципов мирного сосуществования» превратились из руководящих норм для взаимоотношений между странами с различным государственным строем в принципы регулирования международных отношений в целом, распространились из двусторонней сферы на многостороннюю, став основными нормами

международных отношений и базисными принципами международного права [\[5, С. 19\]](#).

В сентябре 1956 года, во время встречи с президентом Индонезии Сукарно, Мао Цзэдун чётко обозначил, что фокус в построении дружественных отношений должен быть сосредоточен на трёх континентах: Азии, Африке и Латинской Америке [\[1, С. 269\]](#). Это стало отправной точкой для развития дипломатических отношений нового Китая. На основе этого в 1960 году Мао Цзэдун сформулировал стратегическое видение «двух промежуточных зон» (两个中间地带), направленное на привлечение на свою сторону быстроразвивающихся стран Европы, Японии и Канады. Он считал, что существуют две промежуточные зоны: Азия, Африка и Латинская Америка, и другая – страны Европы, Япония и Канада, которые не удовлетворены гегемонией США [\[6, С. 343\]](#). И по сей день развивающиеся страны остаются основным направлением внешней политики Китая в новую эпоху.

В феврале 1974 года Мао Цзэдун, встречаясь с президентом Замбии Каундой, выдвинул дипломатическую концепцию «трёх миров» (三个世界). В соответствии с этой концепцией, США и СССР были отнесены к первому миру, страны Европы, Япония и Канада — ко второму миру, а Китай и другие развивающиеся страны — к третьему миру. Мао Цзэдун полагал, что Китай, как представитель третьего мира, должен стремиться к объединению с большинством стран третьего мира, привлекая на свою сторону государства второго мира, чтобы совместно противостоять контролю и угнетению со стороны сверхдержав.

Согласно официальным китайским изданиям, теория «три мира» в полной мере отражает его общее видение мировой экономической и политической ситуации, начиная с 1970-х годов, а также очерчивает основные контуры международной стратегии Китая на будущее [\[7, С. 1688\]](#). Се Сяо Цзюнь подчеркнул, что появление этой теории свидетельствует о том, что Мао Цзэдун окончательно отказался от традиционного подхода, основанного на конфронтации между двумя лагерями, а также от определения близости между странами на основе их социальной системы и идеологии. Эта теория стала важной теоретической основой для самостоятельного решения международных вопросов Китаем и внесла значительный вклад в развитие внешней политики Китая [\[8\]](#).

2. Тезис «Мир и развитие — ключевые проблемы современности» и концепция «сохранения сдержанности ради достижения успехов»

В 1980-х годах произошли значительные изменения в отношениях между США и СССР, что привело к качественному сдвигу в балансе сил на международной арене. В 1982 году Дэн Сяопин, встречаясь с Генеральным секретарём ООН Де Куэльяром, отметил, что, хотя факторы, вызывающие войну, существуют, также усиливаются и факторы, препятствующие ей [\[9, С. 105\]](#). В 1984 году Дэн Сяопин пришёл к выводу, что, хотя опасность войны всё ещё существует, силы, предотвращающие её, достигли обнадеживающего прогресса [Там же]. Основываясь на своих наблюдениях за мировой экономикой, Дэн Сяопин определил, что основными проблемами современного мира являются вопросы мира и развития [Там же].

Доклад XIII-го Национального съезда Коммунистической партии Китая резюмировал основную мысль Дэн Сяопина, которая заключалась в том, что мир и развитие являются ключевыми аспектами современного мира. Эта идея стала основой формирования внешнеполитических идей Дэн Сяопина [\[10\]](#).

Китайские ученые считают, что понимание международной ситуации является главным

фактором для формирования национальной стратегии безопасности и развития. Эта стратегия определяет приоритетные направления распределения ресурсов и оказывает значительное влияние на национальную безопасность и развитие государства. Тема «Мир и развитие» стала научной и логической основой для переориентации национальной стратегии Китая на экономическое развитие, что привело к серьезной корректировке и внешнеполитической деятельности, которая теперь, согласно национальной стратегии, была нацелена на экономическое строительство [\[11, С. 88\]](#).

В своём выступлении на симпозиуме, посвящённом 120-летию со дня рождения Дэн Сяопина, Си Цзиньпин дал высокую оценку деятельности выдающегося деятеля за его прозорливость и дальновидность. Он подчеркнул, что Дэн Сяопин ясно осознавал, что мир и развитие являются ключевыми проблемами современного мира, и это понимание позволило руководству партии своевременно скорректировать различные аспекты внешней политики, создав благоприятную среду для реформ, открытости и социалистической модернизации. Си Цзиньпин охарактеризовал Дэн Сяопина как выдающегося интернационалиста, чей вклад в дело мира и развития во всём мире неоценим [\[12\]](#).

В 1989 году произошло резкое ухудшение китайско-американских отношений. Соединенные Штаты проводили политику «использования давления для содействия переменам», направленную против Китая, и вынудили более двадцати западных стран ввести всеобъемлющие санкции в отношении Китая. Дэн Сяопин предложил стратегию реагирования, которая заключалась в том, чтобы «хладнокровно наблюдать; крепко стоять на ногах; спокойно решать проблемы; выжидать в тени; вести себя скромно; никогда не претендовать на лидерство». Под западными санкциями Китай должен был стабилизировать своё положение, «прежде всего, не допускать хаоса, а серьёзно и по-настоящему проводить реформы и политику открытости» [\[13, С. 527\]](#).

Кроме того, Дэн Сяопин подчеркнул, что Китай всегда будет выступать на стороне третьего мира. Китай не стремится к мировому господству и никогда не претендует на лидерство. Однако бездействие в международных вопросах недопустимо. Мы должны активно участвовать в формировании нового международного политического и экономического порядка [\[14, С. 1323\]](#). Реализация Китаем внешней политики, предложенной Дэн Сяопином «придерживаться принципа сохранения сдержанности ради достижения успехов», является важной адаптивной мерой для Китая в решении вопросов его международных отношений.

3. Отстаивание мира во всем мире и стимулирование всеобщего развития

После окончания холодной войны китайские руководители во главе с Цзян Цзэмином дополнили цели международной дипломатии страны важным пунктом — «содействие совместному развитию». Таким образом, обновленные дипломатические задачи Китая стали звучать как «поддержание мира во всем мире и содействие совместному развитию», что лучше соответствовало концепции «мира и развития».

В октябре 1992 года, выступая на XIV-съезде Коммунистической партии Китая, Цзян Цзэминь высказал важные мысли: «Миру необходим мир, странам—развитие, обществу—прогресс, экономике—процветание, а жизни людей—улучшение». В этом контексте он впервые сформулировал идею о том, что «содействие миру и развитию во всем мире является основной целью дипломатии Китая» [\[15, С. 35\]](#). В ноябре 1994 года на неформальной встрече лидеров АТЭС Цзян Цзэминь отметил: «Как лучше защищать мир

во всем мире, содействовать экономическому развитию и принести мир, процветание и гармонию в XXI век—это вопрос, который сейчас серьезно обсуждается во всех странах. Это также важная историческая миссия, возложенная на наше поколение лидеров» [16. С. 413]. Это был первый случай, когда китайский лидер на международном форуме поставил в один ряд содействие экономическому развитию и поддержание мира во всем мире, что свидетельствовало о новом понимании сути дипломатических целей Китая со стороны китайского руководства.

С тех пор Цзян Цзэминь акцентировал внимание на важности развития, особенно экономического развития развивающихся стран для всего мира. В ноябре 1995 года он выступил с речью на третьей неформальной встрече лидеров АТЭС, подчеркнув, что стремление к развитию в условиях мира и стабильности является приоритетом современного мира, а процветание экономик развивающихся стран станет важным вкладом в прогресс человечества [13, С. 512]. В июле 2001 года, на встрече, посвящённой 80-летию основания КПК, Цзян Цзэминь заявил, что внешняя политика Китая направлена на поддержание мира во всём мире и содействие общему развитию [17, С. 315].

Автор полагает, что причина, по которой в формулировке внешней политики не упоминалось противодействие гегемонии, заключается в том, что «поддержание мира во всём мире» уже подразумевает противодействие гегемонии, и нет необходимости отдельно это подчёркивать. Добавление пункта о содействии общему развитию обогащает и расширяет дипломатическую цель Китая. Ученый Ли Баочжэнь отмечает, Цзян Цзэминь, опираясь на мудрость китайского народа, построенную на принципе «гармонии» (和), разработал международную стратегию совместного развития, призывая к созданию мира, в котором в полной мере воплощаются культурные требования «гармонии», и нового международного порядка, обеспечивающего мирное сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество всех стран [18. С. 36-38].

4. «Путь мирного развития Китая» и концепция «гармоничный мир»

Вступая в новый век, китайские коммунисты во главе с Ху Цзиньтао, официально предложили концепцию «пути мирного развития Китая», которая была впервые зафиксирована в документах XVII Всекитайского съезда КПК и других значимых официальных документах, таких как «Белая книга» (白皮书).

В декабре 2005 года правительство Китая официально опубликовало первую «Белую книгу» под названием «Путь мирного развития Китая». В Белой книге были обобщены уроки и опыт подъема других великих держав и четко указано: «Мирный путь развития Китая — это совершенно новый путь, по которому человечество стремится к прогрессу цивилизации, и единственно верный путь для модернизации Китая» [19]. В книге подробно изложены основы и направления мирного пути развития Китая, а также выдвинута концепция построения гармоничного мира: «У человечества есть только один общий дом — планета Земля. Построение гармоничного мира, характеризующегося прочным миром и совместным процветанием, является общим стремлением народов всех стран мира и высшей целью мирного пути развития Китая» [19]. Китай считает, что гармоничный мир должен быть миром демократии, миром дружбы, миром справедливости и миром толерантности» [Там же]. Именно на этой идее основывается концепция сообщества единой судьбы человечества.

В представленной «Белой книге» была проведена корректировка формулировок Китая

относительно продвижения установления «нового международного политико-экономического порядка». Теперь эта позиция выражена следующим образом: «Китай активно способствует развитию международного политического и экономического порядка в направлении справедливости и рациональности, содействуя демократизации международных отношений» [\[19\]](#). Такая корректировка указывает на существенное изменение политики и в полной мере отражает решимость Китая неуклонно следовать по пути мирного развития, демонстрирует отношение Китая к международному порядку, то есть, вместо призывов к «разрушению старого и установлению нового» и оспаривания существующего мироустройства, Китай выступает за постепенный отказ от несправедливых и нерациональных элементов международных отношений путем внутренних реформ и демократических консультаций.

Гун Ли считает, что такая трактовка обладает большей конструктивностью и инклюзивностью, способствует минимизации и нейтрализации сопротивления, а также легче принимается всеми сторонами международного сообщества. Одновременно это демонстрирует миролюбивую природу китайской дипломатии и её уверенность в своей внешней политике. По мере мирного развития Китая его авторитет на международной арене и в глобальном управлении будет неизбежно расти, будет расти и его влияние на развитие международного порядка в направлении справедливости и рациональности [\[3, с. 31\]](#).

В октябре 2007 года на XVII съезде КПК концепт «путь мирного развития» был поднят до уровня важной государственной стратегии развития, руководящей внутренней и внешней политикой. В Отчёте XVII съезда партии под заголовком «Непреклонно идти по пути мирного развития» всесторонне изложены базовые ориентиры Китая и его внешнеполитический курс: «Китай будет неуклонно следовать по пути мирного развития. Это стратегический выбор, сделанный правительством и народом Китая в соответствии с тенденциями развития эпохи и коренными интересами страны» [\[20, с. 650\]](#). Ключевое словосочетание здесь — «стратегический выбор», указывающее, что приверженность мирному развитию является не временной мерой, а долгосрочным курсом, фундаментальным решением Китая.

В условиях глобализации народы мира сталкиваются с общими вызовами различного рода. «Совместное использование возможностей развития, совместное преодоление различных вызовов, продвижение благородного дела мира и развития человечества отвечают фундаментальным интересам народов всех стран и являются их общим желанием. Мы выступаем за то, чтобы народы всех стран объединили свои усилия для построения гармоничного сосуществования, основанного на условиях прочного мира и всеобщего процветания» [\[20, с. 649-650\]](#). Таким образом концепция «построения гармоничного мира» способствует формированию многополярного мира, где голос развивающихся стран имеет больший вес, укрепляет глобальное управление, стимулирует экономическое сотрудничество, снижая напряженность, что соответствует интересам не только Китая, но и всего мирового сообщества.

Новаторство внешнеполитических идей Си Цзиньпина

Пятое поколение лидеров во главе с Си Цзиньпином в условиях сложной международной обстановки, в дипломатической практике, придерживалось принципа сохранения верности традициям и в то же время генерировали новые идеи. Ускорение наращивания Китаем дискурсивной силы исследователи связывают с приходом к власти Си Цзиньпина. В сфере международных отношений сформулированы и реализуются важные проекты, а

именно: «пояс и путь», концепция «дипломатии великой державы с китайской спецификой», концепция «создания сообщества единой судьбы человечества» и концепция «построения нового типа международных отношений», инициатива глобальной безопасности, инициатива по глобальному развитию и прочее, а упоминание «сообщества единой судьбы человечества» в отдельных резолюциях ООН означает признание международным сообществом этой концепции. [\[21, с. 375\]](#) Все эти проекты напрямую связаны с именем Си Цзиньпина.

1. Всестороннее продвижение дипломатии великой державы с китайской спецификой

В ноябре 2014 года Си Цзиньпин на центральном рабочем совещании по внешней политике сделал официальное заявление: «Китай должен иметь свою собственную уникальную дипломатию великой державы» [\[22, с. 443\]](#). Фраза «дипломатия великой державы» точно транслирует «новое позиционирование» Китая своей собственной силы и международного статуса. Цзинь Цаньжун и Ван Хэйи проанализировали положение Китая в сфере дипломатии великой державы с точки зрения внутреннего развития страны и на основании исследований вынесли суждение об изменении статуса Китая в процессе международных отношений и считают, что Китай превратился из региональной державы в мировую державу. При анализе причин они выделили два основных аспекта: во-первых, с момента начала реформ и открытости Китай достиг постоянного развития и прогресса во всех сферах, во-вторых, благодаря структурным изменениям мирового порядка статус Китая значительно вырос [\[23\]](#).

В июне 2018 года на центральном рабочем совещании по иностранным делам Си Цзиньпин заявил: «Внешнеполитическая деятельность Китая должна руководствоваться идеями социализма с китайской спецификой в новую эпоху, стремиться создавать новую реальность в дипломатии великой державы, обеспечивать благоприятные условия и вносить должный вклад в построение общества среднего уровня благосостояния во всех сферах, и, в дальнейшем, в построение социалистической страны с сильной экономикой» [\[24\]](#). Фраза «стремиться создавать» или «усердно формировать (новую реальность)», имеет важное значение для стратегии внешней политики Китая при Си Цзиньпине. Она подчеркивает активный, инициативный и целеустремленный подход Пекина к формированию новой, более влиятельной и самостоятельной роли Китая на международной арене.

В октябре 2022 года Си Цзиньпин в своем докладе XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая отметил: «Мы всесторонне продвигаем концепцию дипломатии великой державы с китайской спецификой, инициировали и содействуем построению сообщества единой судьбы человечества, твердо отстаиваем международную справедливость и правосудие, а также выступаем за и осуществляем истинную многовекторность» [\[25, с. 11\]](#). Из вышесказанного мы можем ясно выделить историческую траекторию «дипломатии крупной державы с китайской спецификой», от «должно быть» к «стремиться создать», а затем к «всестороннему продвижению», что означает прогрессивное и непрерывное развитие.

Лексютина в своей работе даёт оценку, что при Си Цзиньпине усиливается великодержавный аспект идентичности Китая. Свидетельством этого также является выдвижение, например, такой базовой внешнеполитической концепции, как «дипломатия великой державы с китайской спецификой» (中国特色大国外交) [\[26\]](#).

В июле 2024 года на третьем пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва официально признаны наиболее важные достижения в «развитии дипломатии Китая как великой державы с китайской спецификой» и озвучены задачи на будущее: необходимо твердо проводить независимую и мирную внешнюю политику, содействовать построению сообщества единой судьбы человечества, продвигать общечеловеческие ценности, выступать за равноправный и упорядоченный многополярный мир и инклюзивную экономическую глобализацию, участвовать в реформировании и построении системы глобального управления, при этом твердо защищать национальный суверенитет, безопасность и интересы развития страны» [\[27\]](#).

Суть концепции сообщества единой судьбы человечества можно изложить следующим образом: в мире все страны взаимосвязаны и взаимозависимы настолько, что человечество можно ассоциировать с глобальной деревней, а значит будущее и судьба каждой нации и каждой страны тесно связаны. «Находясь в одной лодке» люди должны разделять успехи и неудачи, и стремиться превратить эту планету, где мы родились и выросли, в гармоничную большую семью» [\[24, С. 433\]](#). В 2013 году Си Цзиньпин выдвинул инициативу, чтобы «все страны обрели чувство общности единой судьбы, по-настоящему признали совместный эффект «совместного процветания, совместных потерь, сотрудничали в конкуренции и выигрывали в сотрудничестве» [\[28, С.38\]](#). С тех пор он последовательно предлагал построить сообщество общей судьбы со странами-соседями («общее будущее» Китая и Лаоса), региональных сообществ («Сообщество судьбы КНР и АСЕАН», «Сообщество судьбы КНР-Африка»), а затем официально предложил важную стратегическую идею «построения сообщества общей судьбы для человечества» на трибуне ООН.

Согласно концепции сообщества единой судьбы человечества Китай декларирует: что признает наличие определенных различий в интересах суверенных государств, выступает за толерантное отношение к различиям и, исходя из фундаментальных интересов всего человечества, стремится к достижению согласия в основных вопросах и к урегулированию локальных разногласий.

«Содействие построению сообщества единой судьбы человечества не означает замену одной системы другой, замену одной цивилизации другой, а означает, что страны с разными социальными системами, разными идеологиями, разными историей и культурой, разными уровнями развития будут взаимодействовать в международных делах на основе взаимовыгодного сотрудничества, совместного использования прав и совместного несения ответственности, формируя наибольший общий знаменатель для построения лучшего мира» [\[24, С. 475\]](#). Основным смыслом сообщества единой судьбы человечества заключается в «совместном создании прочного мира, всеобщей безопасности, общего процветания, открытости, инклюзивности, чистоты и красоты» [\[24, С. 475\]](#). Это проект нового мира «основанного на пяти принципах», гармоничного сосуществования и гармоничного развития.

В октябре 2022 года Си Цзиньпин в своем докладе XX Всекитайскому съезду КПК выделил идею «создания сообщества единой судьбы человечества» в качестве важнейшей исторической цели внешнеполитической работы, указав, что только когда все страны следуют великому пути мира, живут в гармонии и сотрудничают ради взаимной выгоды, можно поддерживать процветание и гарантировать безопасность [\[25, С. 52\]](#). Здесь же в докладе сформулированы и представлены задачи китайской дипломатии по реагированию и разрешению многочисленных глобальных проблем.

В своем выступлении Си Цзиньпин охарактеризовал международные отношения как неопределенные и нестабильные, лишённые доверия и чтобы содействовать построению сообщества единой судьбы человечества, предложил: «Китай настаивает на диалоге и консультациях на равных условиях для создания взаимовыгодного будущего, укреплении международной солидарности и универсальных режимов безопасности, предлагает продвижение открытости и инноваций для развития; настаивает на взаимовыгодном сотрудничестве для всеобщего процветания; предлагает обмены в практике взаимного обучения для содействия построению открытого и инклюзивного мира; настаивает на зеленой и низкоуглеродной повестке для сохранения чистого и прекрасного мира» [\[25, С. 52\]](#).

Китайской исследователь считает, что с точки зрения современного мира, приверженность принципам равноправного участия в обсуждениях, принципам совместного создания и совместного пользования, а также активное участие, продвижение и лидерство в реформировании системы глобального управления на основе идеалов справедливости и равноправия является оптимальной взаимовыгодной мерой сотрудничества для целей создания сообщества единой судьбы человечества [\[3, С. 31\]](#). Лексютина в своей работе отмечает, что как ответственная крупная страна, Китай осуществляет деятельность по усилению своей роли в глобальном управлении, наращивает свое участие в создании глобальных и региональных общественных благ иницирует вопросы новой повестки дня для мирового сообщества и предлагает решения, увеличивает финансирование международных организаций, предоставляет свои площадки для крупных международных мероприятий (так называемая дипломатия саммитов), формирует «группы поддержки» среди развивающихся и отдельных развитых стран и прочее [\[29, С. 18\]](#). В этом процессе Китай постепенно увеличивает свое институциональное влияние, предлагая свои решения в глобальное управление, сформулированные на основе на китайской мудрости, и стремится внести большой вклад в развитие человечества.

2. Создание нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, справедливости и взаимовыгодном сотрудничестве

В марте 2013 года во время своего визита в Москву Си Цзиньпин впервые выдвинул идею выстраивания нового типа международных отношений и в своем выступлении подчеркнул, что в условиях изменчивой международной обстановки взаимозависимость между разными странами становится беспрецедентно высокой, и при этом человечество сталкивается с множеством задач и вызовов, и поэтому назрела объективная необходимость в совместной работе, то есть: «Все страны должны сообща продвигать установление нового типа международных отношений, в основе которых лежит взаимовыгодное сотрудничество, а их народы-вместе встать на защиту мира во всем мире и содействовать всеобщему развитию» [\[30\]](#). В октябре 2017 года Си Цзиньпин в своем докладе на 19-м съезде КПК также предложил содействовать построению нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, справедливости, равноправии и взаимовыгодном сотрудничестве [\[24, С. 45\]](#). Добавленное выражение «взаимное уважение, справедливость и равноправие» усиливает формулировку нового типа международных отношений качественными аспектами.

В октябре 2022 года Си Цзиньпин в своем докладе на XX съезде КПК вновь заявил: «Китай добивается развития дружественных отношений со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования, оказывает активное содействие построению

нового типа международных отношений, способствует всестороннему развитию глобального партнерства, основанного на равенстве, открытости и сотрудничестве» [\[25, С. 50\]](#). Данное заявление отражает основную позицию Китая, заключающуюся в приверженности пяти принципам мирного сосуществования всех стран, в углублении и расширении глобального партнерства и в содействии формированию нового типа международных отношений.

Тогда же с трибуны XX съезда КПК, Си Цзиньпин обратился к мировому сообществу и отметил, что проводя независимую и миролюбивую внешнюю политику, Китай уважает суверенитет и территориальную целостность всех стран, настаивает на равенстве всех стран независимо от размера, силы, бедности или богатства, и решительно выступает против всех форм гегемонии и политики с позиции силы, против вмешательства во внутренние дела других стран и двойных стандартов [\[25, С. 50\]](#).

Заключение

С момента основания Нового Китая, от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина, китайская дипломатическая мысль сочетала в себе как преемственность и развитие традиций, так и инновации, адаптированные к новому историческому этапу в соответствии с особенностями эпохи. В новых исторических условиях углубленное изучение и исследование развития и инноваций в китайской дипломатической идеологии со времени основания Нового Китая имеет важное практическое значение для глубокого понимания дипломатической концепции Си Цзиньпина и дипломатической мысли Нового Китая, для более глубокого продвижения дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху, для поддержания мира во всем мире, содействия общему развитию, постоянного продвижения построения сообщества единой судьбы человечества и содействия прогрессу человечества.

Библиография

1. Мао Цзэдун. Избранные дипломатические произведения Мао Цзэдуна / Центральное издательство документов, Издательство "Мировые знания". – Пекин, 1994. – С. 80-269.
2. Избранные важные документы с момента основания государства. Том 1. – Пекин: Центральное издательство документов, 1992. – С. 3.
3. Гун Ли. Развитие и инновации в руководящих идеях внешней политики нового Китая // Исследования по модернизации государства. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 19-31. – DOI: 10.20200/j.cnki.gjxdh.2025.01.007.
4. Избранные дипломатические произведения Чжоу Эньлая. – С. 63.
5. Гуан Юпин. Продвижение принципов мирного сосуществования и содействие построению нового типа международных отношений [Газета] // Народная газета. – 2024. – 28 июня (№ 002). – С. 19. – DOI: 10.28655/n.cnki.nrmrb.2024.009028.
6. Собрание сочинений Мао Цзэдуна. Том 8. – Пекин: Народное издательство, 1999. – С. 343.
7. Биография Мао Цзэдуна (1949–1976). Том 2. – Пекин: Центральное издательство документов, 2008. – С. 1688.
8. Се Сяоцзюнь. Сохранение традиций и инновации: последовательность и развитие внешнеполитических идей Мао Цзэдуна Си Цзиньпином // Исследования Мао Цзэдуна. – 2024. – № 2. – С. 15. – DOI: 10.14130/j.cnki.mzr.2024.02.002.
9. Мир и развитие – две главные проблемы современного мира (4 марта 1985 года) // Избранные произведения Дэн Сяопина. Том 3. – Пекин: Народное издательство, [год издания, если известен]. – С. 105.
10. Чжао Цзыян. Доклад на XIII съезде Коммунистической партии Китая [Электронный

- ресурс] // Официальный сайт Правительства КНР. – 2008. – Режим доступа: https://www.gov.cn/test/2008-07/01/content_1032279.htm (дата обращения: 01.05.2025).
11. Ван Ивэй, Дуань Миннун. Китайская мудрость в дипломатической стратегической мысли Дэн Сяопина // Международный форум. – 2024. – Т. 26, № 6. – С. 88. – DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2024.06.005.
12. Си Цзиньпин. Выступление на заседании, посвящённом 120-летию со дня рождения товарища Дэн Сяопина [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства КНР. – 2024. – Режим доступа: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202408/content_6969972.htm (дата обращения: 01.05.2025).
13. Размышления Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой (сборник тематических выдержек). – Пекин: Центральное издательство документов, 2002. – С. 512-527.
14. Хронология жизни и деятельности Дэн Сяопина (1975–1997). Том 2. – С. 1323.
15. Избранные важные документы со времени XIV съезда (часть первая). – Пекин: Центральное издательство документов, 1996. – С. 35.
16. Избранные произведения Цзян Цзэминя. Том 1. – Пекин: Народное издательство, 2006. – С. 413.
17. Избранные произведения Цзян Цзэминя. Том 2. – Пекин: Народное издательство, 2006. – С. 315.
18. Ли Баочжэнь. Первые шаги в изучении идей "гармоничной" дипломатии в избранных произведениях Цзян Цзэминя // Теоретический обзор. – 2007. – № 10. – С. 36-38. – DOI: 10.19632/j.cnki.11-3953/a.2007.10.012.
19. Путь мирного развития Китая: белая книга (издание 2005 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства КНР. – 2005. – 22 декабря. – Режим доступа: https://www.gov.cn/zwggk/2005-12/22/content_134060.htm (дата обращения: 12.05.2025).
20. Избранные произведения Ху Цзиньтао. Том 2. – [город]: [издательство], [год]. – С. 650.
21. Лексютина Я.В., Юаньцзе Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 367-380. – DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380. – EDN PFSLWE.
22. Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 2. – Пекин: Издательство иностранной литературы, 2017. – С. 443.
23. Цзинь Цаньжун, Ван Хэи. Дипломатия Китая в новую эпоху: новое позиционирование и новые корректировки // Международное обозрение. – 2019. – № 4. – С. 44-57.
24. Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 3. – Пекин: Издательство иностранной литературы, 2020. – С. 45-475.
25. Сборник документов XX съезда Коммунистической партии Китая. – Пекин: Народное издательство, 2022. – С. 11-52.
26. Лексютина Я.В. О двойной международной идентичности современного Китая // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 63-76. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76. – EDN HSKCFL.
27. Третье пленарное заседание Центрального комитета Коммунистической партии Китая XX созыва прошло в Пекине // Женьминь жибао. – 2024. – 19 июля. – С. 1.
28. Си Цзиньпин о настойчивом продвижении построения сообщества с общим будущим для человечества. – Пекин: Центральное издательство документов, 2018. – С. 38.
29. Лексютина Я.В. Участие КНР в глобальном управлении: исторический фон и современный этап // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 2. – С. 18. – DOI: 10.31857/S013128120009750-6. – EDN ROPQZM.
30. Си Цзиньпин в выступлении в МГИМО подчеркнул необходимость построить

международные отношения нового типа на основе взаимовыгодного сотрудничества [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2013. – 23 марта. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zzjg/dozys/xwlb/201304/t20130401_931994.html (дата обращения: 12.05.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция внешнеполитических концепций Коммунистической партии Китая от принципов «независимой и самостоятельной внешней политики» Мао Цзэдуна до идей «дипломатии великой державы с китайской спецификой» и «сообщества единой судьбы человечества» Си Цзиньпина в контексте преемственности и инноваций китайской дипломатической мысли. Научная актуальность и практическая значимость данной статьи связана с возрастающей ролью Китая в системе международных отношений и необходимостью понимания концептуальных основ китайской внешней политики для анализа современных глобальных процессов и прогнозирования развития международной системы. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной в процессе работы методологии. Но из контекста можно понять, что исследование основывалось на историко-хронологическом методе, позволяющем проследить эволюцию китайской дипломатической мысли через анализ официальных документов КПК, выступлений китайских лидеров и «Белых книг» правительства КНР. Кроме того, применялся также сравнительно-исторический анализ для выявления элементов преемственности и новаций в внешнеполитических концепциях разных поколений китайского руководства. Наконец, использовались методы концептуального и дискурс-анализа для раскрытия содержания ключевых дипломатических доктрин Китая и их теоретических оснований. В качестве эмпирической базы выступили официальные документы Коммунистической партии Китая, выступления лидеров КНР, нормативные формулировки внешнеполитических концептов и программные документы («Белые книги», съездовые отчеты и др.). Особое внимание было уделено трактовке понятий «путь мирного развития», «сообщество единой судьбы человечества» и «новый тип международных отношений». Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о выявленном механизме трансформации китайских дипломатических концепций от стратегии «держаться в тени» Дэн Сяопина к активной «дипломатии великой державы» Си Цзиньпина в зависимости от изменения международного статуса КНР. Определенный научный интерес представляет также обоснование качественной трансформации китайской внешней политики при Си Цзиньпине от реактивной к проактивной модели международного взаимодействия через анализ эволюции формулировок от «должно быть» к «стремиться создать» и «всестороннему продвижению» дипломатии великой державы. Наконец, небезынтесна обнаруженная автором логическая связь между «Пятью принципами мирного сосуществования» Мао Цзэдуна и современной концепцией «сообщества единой судьбы человечества» Си Цзиньпина как единой траектории развития китайской дипломатической мысли. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте помимо неозаглавленной вводной части и «Заключени» выделены два основных

содержательных раздела: «Преемственность внешней политики Китая в контексте идеологии КПК», где анализируется формирование базовых принципов китайской дипломатии от создания КНР до конца XX века через четыре ключевых этапа развития внешнеполитической мысли; и «Новаторство внешнеполитических идей Си Цзиньпина», где раскрыта качественная трансформация китайской дипломатии в новую эпоху через формирование проактивных концепций международного взаимодействия и усиление великодержавного аспекта китайской идентичности. Каждый из основных содержательных разделов включает ряд подразделов: - «Принцип независимой и самостоятельной внешней политики Китая», где исследуется формирование Мао Цзэдуном основополагающих дипломатических концепций, включая отказ от «дипломатии на коленях», стратегию «держаться одной стороны», «Пять принципов мирного сосуществования» и теорию «трех миров»; - «Тезис "Мир и развитие – ключевые проблемы современности" и концепция "сохранения сдержанности ради достижения успехов"», где рассматривается переориентация китайской внешней политики при Дэн Сяопине на экономическое развитие и формирование стратегии «韬光养晦,有所作为» в условиях международных санкций; - «Отстаивание мира во всем мире и стимулирование всеобщего развития», где анализируется дополнение дипломатических целей Китая при Цзян Цзэмине концепцией «содействия совместному развитию» и формирование стратегии совместного развития на основе принципа «гармонии»; - «"Путь мирного развития Китая" и концепция "гармоничный мир"», где исследуется официальное закрепление при Ху Цзиньтао концепции мирного развития как государственной стратегии и выдвижение идеи построения гармоничного мира, основанного на прочном мире и совместном процветании; - «Всестороннее продвижение дипломатии великой державы с китайской спецификой», где анализируется эволюция концепции от первоначального заявления 2014 года до всестороннего продвижения, отражающая изменение международного статуса Китая и формирование концепции «сообщества единой судьбы человечества»; - «Создание нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, справедливости и взаимовыгодном сотрудничестве», где исследуется развитие китайской концепции международных отношений от идеи взаимовыгодного сотрудничества 2013 года до комплексной формулировки, включающей принципы взаимного уважения, справедливости и равноправия. В заключительной части статьи обобщается значение эволюции китайской дипломатической мысли для понимания современной внешней политики КНР и ее роли в построении нового типа международных отношений и сообщества единой судьбы человечества. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (текст сильно перегружен канцеляризмами и сложными синтаксическими конструкциями, что существенно снижает его читаемость, например, «вносить должный вклад в построение», «содействие построению», «В разные исторические периоды КПК, исходя из реальной ситуации в стране и международной обстановки, на основе тщательного анализа и оценки, своевременно корректирует свою дипломатическую стратегию, формируя внешнеполитические концепции и политические задачи, способствуя тем самым постоянному развитию и обновлению внешней политики Китая»; или использование плеоназмов, например, «осуществляли так называемую "дипломатию на коленях"» [использование кавычек уже подразумевает выражение «так называемый» – рец.] и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «КитайскОЙ исследователь Гун Ли констатировал, что...», «Тема... стала... основой для переориентации национальной стратегии Китая на экономическое развитие, что привело к серьезной корректировке И внешнеполитической деятельности, которая...»; или лишние запятые «Вступая в новый век, китайские коммунисты во главе с Ху Цзиньтао, официально предложили...»; и др.)

погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии.

Библиография насчитывает 30 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Однако ДО публикации библиографический перечень нуждается в доработке: названия работ китайских авторов приведены не на языке оригинала, как того требуют правила научного цитирования, но в переводе на русский. Этот момент необходимо исправить. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи. К основным достоинствам статьи можно отнести системность и структурную полноту анализа, а также высокую степень источниковой обеспеченности. Текст демонстрирует высокий уровень научной добросовестности через использование исключительно верифицируемых источников: официальных документов КПК (материалы съездов партии, доклады лидеров), правительственных «Белых книг», аутентичных выступлений китайских руководителей с точными датами и местами произнесения. Автор последовательно приводит прямые цитаты из первоисточников с указанием конкретных страниц, что обеспечивает возможность проверки и подтверждает академическую честность исследования. Работа отличается логически выстроенной структурой, демонстрирующей последовательное развитие китайской дипломатической мысли через призму смены поколений руководства КПК. Автор убедительно раскрывает механизмы преемственности и трансформации внешнеполитических идей от Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина, показывая как базовые принципы адаптируются к изменяющимся историческим условиям, что создает целостную картину эволюции китайской дипломатической доктрины на протяжении более чем 70-летнего периода.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, синологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации после устранения высказанных замечаний.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Маргарян Д.Л., Павлов А.Г., Сабиров Р.И., Хохлышева О.О. Роль России в межпалестинском урегулировании и перспективы палестинского фактора в мировой политике // Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75112 EDN: CFRJDC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75112

Роль России в межпалестинском урегулировании и перспективы палестинского фактора в мировой политике

Рыжов Игорь Валерьевич

ORCID: 0000-0002-6417-1517

доктор исторических наук

профессор; кафедра истории и политики России; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
старший научный сотрудник; Международная междисциплинарная научно-исследовательская лаборатория «Изучение мировых и региональных социально политических процессов»; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

✉ ivr@fmo.unn.ru

Бородин Мария Юрьевна

ORCID: 0000-0003-1477-4077

старший преподаватель; институт международных отношений и мировой истории; кафедра истории и политики России; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

✉ borodina.m-u@yandex.ru

Маргарян Давид Лёваевич

ORCID: 0009-0003-6453-8627

магистр; институт международных отношений и мировой истории; кафедра мировой дипломатии и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

✉ dartvader2595@mail.ru

Павлов Андрей Георгиевич

ORCID: 0009-0005-9069-496X

магистр; институт международных отношений и мировой истории; кафедра новой и новейшей истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

✉ larkenstonel@gmail.com

Сабиров Радмир Ильдарович

ORCID: 0009-0000-5079-5938

бакалавр; институт международных отношений и мировой истории; кафедра социально-политических коммуникаций; Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр-кт. Гагарина, д. 23

✉ sabirovradmir184@gmail.com

Хохлышева Ольга Олеговна

ORCID: 0000-0002-7137-8778

доктор исторических наук, кандидат юридических наук

профессор; институт международных отношений и мировой истории; кафедра мировой дипломатии и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

✉ olga11973@mail.ru

[Статья из рубрики "Внешняя политика России"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75112

EDN:

CFRJDC

Дата направления статьи в редакцию:

09-07-2025

Дата публикации:

26-07-2025

Аннотация: В статье основное внимание отведено роли Российской Федерации в переговорном процессе между основными палестинскими политическими силами ФАТХ и ХАМАС, поскольку именно благодаря ее усилиям удастся проводить консультации с противоборствующими силами на регулярной основе. Особое внимание уделяется политическому расколу между главными палестинскими партиями как главному препятствию на пути к внутripалестинскому примирению. Данный раскол привел не только к ожесточенным столкновениям между последователями той или иной политической группировки, но и серьезным образом оказал влияние на перспективу урегулирования палестино-израильского конфликта. За почти два десятилетия, прошедших после раскола в 2007 году, ФАТХ и ХАМАС подписали несколько соглашений о примирении, но несмотря на это призывы к примирению с обеих сторон в основном носили риторический характер. Глубокое недоверие, а также слишком существенные идеологические расхождения приводили к провалу всех попыток примирения, а

напряженность в отношениях между двумя ключевыми палестинскими политическими партиями сохраняется по сей день. В качестве методологии использованы комплексный анализ политических документов (например, заявления ФАТХ и ХАМАС, а также российские официальные позиции), сравнительный анализ внешнеполитических подходов России и западных стран, а также эмпирические наблюдения за дипломатическими инициативами, включая переговоры в Москве и Пекине. Научная новизна исследования заключается в том, что это одна из первых попыток за последние несколько лет систематизировать и проанализировать усилия России по сближению позиций ведущих игроков на внутripалестинском треке. Результаты исследования демонстрируют, что глубокие идеологические и политические разногласия между ФАТХ и ХАМАС остаются главным препятствием к созданию единого палестинского государства и стабильному урегулированию конфликта. В то же время, российская дипломатия занимает уникальную позицию, поддерживая регулярный диалог с обеими сторонами, что отличает её от многих западных государств. Анализ последних событий и переговоров, включая встречи в Москве и Пекине, показывает перспективы постепенного восстановления национального единства палестинцев при активном участии России и Китая.

Ключевые слова:

международная политика, региональная безопасность, ФАТХ, ХАМАС, Россия, палестино-израильское урегулирование, межпалестинское урегулирование, Государство Израиль, Палестинская национальная автономия, переговоры

Введение

Тема, касающаяся межпалестинского урегулирования актуальна и с научной, и с практической точек зрения. Противостояние двух ведущих и противоборствующих палестинских движений привело к разделению территории Палестинской национальной автономии (ПНА) на зоны влияния. Этот конфликт не только ухудшил социально-экономическое положение многих жителей Палестинской автономии, но и существенным образом повлиял на всю систему региональной безопасности. Кроме того, за более чем 18 прошедших лет с момента, как стороны пытаются вести диалог о формировании правительства национального единства, серьезных сдвигов в данном вопросе так и не видно, а цель создать единое палестинское государство пока остается недостижимой. Серьезной проблемой стал еще и тот факт, что палестинское разделение не позволяет палестинцам говорить в один голос, а тем более действовать согласованно. В связи с чем этот раскол способен свести на нет любой дипломатический прорыв, который может произойти в палестино-израильском урегулировании. Актуальности данной проблематике добавляет тот факт, что как в российской, так и в зарубежной литературе практически полностью отсутствуют какие-либо исследования, посвященные непосредственно вопросу межпалестинского урегулирования.

Предметом исследования являются межпалестинские противоречия, а также процесс их урегулирования, в первую очередь, при посредничестве Российской Федерации.

Методы исследования. В работе применён набор методов, который позволяет обеспечить всестороннее исследование межпалестинского урегулирования и роли России в этом процессе.

Во-первых, комплексный анализ политических документов позволяет детально изучить

официальные заявления и позиции ключевых участников конфликта: ФАТХ и ХАМАС, выявить основные идеологические и политические установки сторон, проследить динамику их изменений и оценить влияние России на переговорный процесс. Во-вторых, сравнительный анализ внешнеполитических подходов России и западных стран служит для сопоставления стратегий и тактик, используемых различными международными акторами, что помогает выявить уникальные особенности российского посредничества, отличия в дипломатических инструментах и оценить перспективы многостороннего сотрудничества, включая участие Китая. В-третьих, эмпирические наблюдения дипломатических инициатив, включая мониторинг и анализ конкретных переговоров в Москве и Пекине, позволяют оценить реальные результаты дипломатической активности, динамику взаимодействия сторон и выявить практические возможности и ограничения посреднической роли России.

Общенаучные методы анализа и синтеза используются для систематизации собранных данных, формирования целостного представления о межпалестинском расколе и выдвижения обоснованных гипотез относительно перспектив урегулирования. Такое сочетание методов обеспечивает глубокое понимание текущей ситуации и способствует выработке прогнозов развития межпалестинского диалога и роли России в данном процессе.

Научная новизна статьи состоит в том, что в данной работе:

1. Проведен сравнительный анализ внешнеполитических подходов России и Китая в контексте их участия в межпалестинском урегулировании, что позволяет оценить перспективы многостороннего сотрудничества в стабилизации ситуации на Ближнем Востоке.
2. Сформулированы прогнозные сценарии развития политической и военной обстановки в Палестине и регионе в целом на период 2025–2032 гг., учитывающие глобальные геополитические вызовы и интересы ключевых международных акторов, включая США, РФ, КНР и Иран.
3. Предложена концепция международного договора о поддержании мира и стабильности в Палестине и на Ближнем и Среднем Востоке с участием России, Китая, Ирана и ряда региональных государств, что является новым практико-ориентированным подходом к решению многолетнего конфликта в регионе.

Историография данного исследования представлена публикациями российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованием ближневосточного урегулирования и места в нем межпалестинских отношений.

Среди работ англоязычных авторов следует выделить работу Мии Сварт^[1]. В ней она рассматривает конфликт палестинских групп как результат взаимного недоверия и политического раскола 2007 г. Автор утверждает об отсутствии политической воли и слабой поддержке процесса примирения международным сообществом, которое по его замыслу должно стать основой преодоления раскола. Другой англоязычный автор Джонатан Шанцер показывает, как внутреннее соперничество и насилие между Хамасом и ФАТХ подрывают усилия США по установлению мира на Ближнем Востоке. В то же время, он анализирует «дорожную карту» двух соперничающих организаций, как вариант возможного продвижения, что вселяют надежду на достижение мира в регионе.

Русскоязычная литература представлена исследованиями М.И. Махмутовой^[2,3], раскрывающими суть как идеологических, так и политических противоречий между палестинскими группами. Роль России в межпалестинском взаимодействии рассматривает

работа Е.Я. Сатановского ^[4], делая акцент на посреднических усилиях России в мирных процессах как палестино-израильского конфликта, так и внутреннего конфликта ФАТХ и ХАМАС.

Китай также является стороной, заинтересованной в урегулировании конфликтов в регионе, ввиду его тесных экономических, стратегических и политических связей. КНР являлось важнейшим посредником замирения между, казалось, вечными противниками – Ираном и Саудовской Аравией. Разобщённость палестинского общества приводит к невозможности создания единой силы, провоцируя нестабильность, мешающую продвижению программы «Один пояс – один путь», что исследуется в коллективной работе Цзюньхуа Чена, Сяолу Яна, Мэйдзюнь Вана и Мин Су ^[5]. Дополняет положения китайских исследователей индийский автор М. Хан ^[6], описывая рост китайского влияния в регионе путём вполне успешных дипломатических шагов; однако в целом расценивает усилия китайской стороны неоднозначными, так как существует возможность роста напряжённости из-за перемен в международных альянсах.

Суть межпалестинских противоречий и попытки урегулирования.

Главным препятствием на пути к внутripалестинскому примирению является раскол между двумя ключевыми палестинскими политическими течениями – ФАТХ и ХАМАС. Глубокий раскол между ними был вызван итогами выборов в Палестинский законодательный совет, прошедшими в 2006 году, на которых ХАМАС одержал победу. Хотя парламентские выборы и стали поворотным пунктом в палестинском политическом процессе, тем не менее, корни вражды между этими двумя партиями уходят в конец 1980-х годов, когда лидер ФАТХ Я. Арафат признал резолюцию ООН № 181 о разделе Палестины на «арабское и еврейское государство» и даже начал мирные переговоры с Израилем, что было расценено представителями ХАМАС, как предательство национальных интересов ^[1].

В результате вооружённых столкновений сторонников ФАТХ и ХАМАС в течение 2006-2007 гг. Палестинская автономия оказалась расколота фактически на два анклава: Сектор Газа, подконтрольный ХАМАС, и Западный берег реки Иордан, подконтрольный ФАТХ. В итоге борьба приобрела позиционный характер.

Израильская блокада, начатая в 2007 году, и вовсе отрезала Сектор Газа от Западного берега реки Иордан. Беспрецедентная полная блокада сектора не только обрекла жителей Газы на страдания, но сыграла значительную роль в погружении Палестины в перманентный конфликт. Впоследствии, Израиль также различными способами срывал инициативы по примирению, например, оказывая постоянное давление на ПА, чтобы она не примирялась с ХАМАС ^[2].

Важно подчеркнуть, что идеологических различий между ФАТХ и ХАМАС достаточно много. Выделим основные. В то время как ФАТХ, основанная Ясиром Арафатом, является светской националистической организацией, куда входят наряду с мусульманами, также и палестинцы-христиане, то ХАМАС определяет себя как «исламское национально-освободительное движение сопротивления» и является сугубо религиозной ^[3]. Ещё одно существенное различие касается их взглядов на то, как противостоять израильской оккупации. В то время как ХАМАС продолжает выступать за вооружённое сопротивление, ФАТХ придерживается стратегии переговоров. Однако ХАМАС настроен не только на борьбу с Израилем, но его также не вполне устраивает светский характер ПНА, контролируемый ФАТХ.

Несмотря на огромное количество противоречий, а также на подорванное доверие, и ХАМАС, и ФАТХ осознают, что только путем взаимных усилий возможно добиться какого-то прогресса в палестино-израильском урегулировании, хотя и в краткосрочной, и в среднесрочной перспективе об этом говорить пока еще рано. Тем не менее, при посредничестве арабских стран, а также ряда внерегиональных игроков, ФАТХ и ХАМАС неоднократно пытались «забыть былое» во благо общепалестинского дела. С февраля 2007 года, с подписанием Мекканских соглашений лидерами ХАМАС и ФАТХ при посредничестве Саудовской Аравии, был дан старт процессу нормализации межпалестинского противостояния. Планировалось сформировать единое правительство национального единства Палестинской национальной администрации. В Санае была подписана декларация, посвящённая восстановлению полноценного диалога между правительствами [7], однако ввиду претензий сторон друг к другу процесс постоянно откатывался назад, сорвав намеченные на 2008 год переговоры в Каире, а межпалестинские столкновения возобновлялись.

Так, например, Каирское соглашение 2011 года, которое предусматривает проведение выборов президента ПНА, ПЛС и Палестинского национального совета (представительный орган ООП) в течение года с момента подписания, остается наиболее авторитетным и легитимным соглашением о примирении [8].

В 2012 году была подписана Дохийская декларация, призванная содействовать выполнению Каирского соглашения 2011 года, но правительство единства не было сформировано до Соглашения о примирении в апреле 2014 года. Этому есть две важные причины. Во-первых, между ФАТХ и ХАМАС отсутствовало доверие по ряду важнейших вопросов, и, во-вторых, Израиль оказывал давление на Палестинскую автономию, чтобы она не вступала в правительство единства с ХАМАС [Toameh K. Abbas says peace with Israel will be brought to a referendum for Palestinians 'everywhere' // Jerusalem Post. 2013. URL: <https://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Abbas-says-peace-with-Israel-will-be-brought-to-a-referendum-forPalestinians-everywhere-325023>].

К октябрю 2017 года раскол между ФАТХ и ХАМАС усилился. Отчасти это было вызвано тем, что Махмуд Аббас (Председатель Палестинской национальной администрации) ввел социально-экономические санкции против сектора Газа, чтобы заставить ХАМАС согласиться с требованиями Палестинской автономии. Вскоре после этого М. Аббас потребовал, чтобы члены кабинета министров на Западном берегу были переведены в Газу, чтобы взять на себя управление ее министерствами [9]. Это было одно из немногих требований М. Аббаса, выполненных ХАМАСом.

12 октября 2017 года при посредничестве Египта ФАТХ и ХАМАС подписали соглашение, предусматривающее, что Палестинская администрация возьмет на себя контрольно-пропускные пункты в секторе Газа с 1 ноября 2017 года и возьмет на себя всю полноту ответственности в Газе с 1 декабря 2017 года. Взамен ПНА согласилась отменить финансовые ограничения в отношении сектора Газа, которые были введены в качестве карательных мер. Соглашение о возвращении Газы под контроль ПА стало ключевым прорывом в переговорах. Организация Объединенных Наций расценила это событие как повод для «осторожного оптимизма».

Роль России в межпалестинском урегулировании

Россия как важный политический игрок на Ближнем Востоке принимает участие в урегулировании межпалестинского конфликта с самого его начала. После победы ХАМАС в парламентских выборах в 2006 г., Россия вместе с другими международными

посредниками потребовала от представителей ХАМАСа обеспечения преемственности в политике ПНА, нацеленной на достижение мирного урегулирования с Израилем. Позднее делегация ХАМАСа прибыла с официальным визитом в Москву, что показало гибкость российской политики и дало России шанс упрочнить свои позиции в ближневосточном урегулировании. Более того, тот факт, что ХАМАС в России, не считается террористической организацией, в отличие от многих европейских государств, США и Израиля, сделали российскую сторону единственным посредником между ФАТХ, ХАМАС, Израилем и «квartetом ближневосточных посредников».

31 января 2006 года на пресс-конференции В. Путин заявил, что «наша позиция в отношении ХАМАС отличается от американской и от западно-европейской. Министерство иностранных дел РФ никогда не признавало ХАМАС в качестве террористической организации. Но это не значит, что мы одобряем и поддерживаем все, что делает ХАМАС» [Стенограмма пресс-конференции для российских и иностранных журналистов // Официальный сайт Президента России. 2006. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23412>]. Российские власти неоднократно отмечали, так как ХАМАС пришел к власти путем демократических выборов, то это выбор палестинского народа, который необходимо уважать.

Ряд переговоров между представителями ХАМАС и России, которые состоялись в марте 2006 г., в феврале 2007 г., а также в январе 2010 г., были посвящены межпалестинскому урегулированию. Совместная встреча российского и сирийского президентов с главой политбюро ХАМАС Халедом Машалем 11 мая 2010 года также была посвящена важности диалога между ФАТХ и ХАМАС, как для восстановления межпалестинского единства, так и для ближневосточного урегулирования. Также российская сторона заявила, что движение ХАМАС нельзя игнорировать в переговорном процессе, так как ему симпатизируют и доверяют многие палестинцы [10].

21-22 мая 2011 года в Москве состоялась встреча представителей четырех палестинских движений: ФАТХ, ХАМАС, НФОП, ДФОП, которая носила межпалестинский характер, и была нацелена на обсуждение насущных проблем примирения и выработку его общих принципов. По итогам встречи участники выразили свою высокую оценку стремлению России оказывать поддержку процессу внутripалестинского примирения [**Заявление по итогам Московской встречи четырех палестинских движений (перевод с арабского)** // Фонд исторической перспективы. 2011. URL: <http://old.ivran.ru/international-activities/370>].

После того, как 23 апреля 2014 г. ФАТХ и ХАМАС подписали соглашение о создании правительства национального единства, МИД РФ заверил, что «продолжат оказывать палестинцам в рамках имеющихся возможностей содействие в достижении подлинного национального единства». Кроме того, «Россия всегда исходила из того, что без консолидации палестинских рядов невозможно добиться справедливого и прочного урегулирования между Израилем и Палестиной на известной международно-правовой основе» [11]. Для России выгодна объединённая Палестина, поскольку разрозненность палестинцев подрывает их легитимность как партнеров в переговорах, а при создании независимого, международно-признанного палестинского государства нельзя обойтись без включения в него сектора Газа.

В мае 2017 года Россия вместе с Египтом выступили посредниками между основными политическими группами Палестины, включая ФАТХ, ХАМАС, Демократический фронт освобождения Палестины, «Национальную инициативу», «Народную партию» и «Исламский джихад», способствовав умиротворению радикальной позиции ХАМАС по

отношению к Израилю. По итогам переговоров и длительного убеждения ХАМАС отказался от своего призыва к уничтожению Государства Израиль, признал границы Палестины в рамках 1967 г. и изменил свою Хартию.

В 2022 г. глава Политбюро ХАМАС Исмаил Хания, совершив визит в Москву, высоко оценил роль России в палестинском урегулировании, отметив, что многие позиции России по внешней политике на Ближнем Востоке схожи с позициями ХАМАС [Nour Mahd Ali Abu Aisha, Halime afra Aksoy, Olga Keskin. В ХАМАС нацелены на укрепление диалога с Россией – политологи. / Anadolu Ajansi. 15.09.2022].

По мнению историка Мохаммеда Асаад Аливаиви, из всего состава «квартета» только Москва действительно способствовала умиротворению сторон, проявляя здоровый прагматизм, способствовавший выходу из политического тупика [\[12\]](#). Россия никогда не отказывалась от диалога и не стремилась к изоляции ни одного из оппонентов, не признавая ХАМАС террористической организацией и выступая за восстановление палестинского единства. Регулярные встречи представителей партий в России являются ярким доказательством доверительных отношений между Москвой и противоборствующими политическими центрами ПНА.

Одной из последних встреч при поддержке России стали переговоры 14 ведущих палестинских фракций в рамках межпалестинской встречи по урегулированию в секторе Газа, прошедшей с 29 февраля по 2 марта 2024 года в Москве. На сайте МИД РФ сообщается, что по результатам двухдневных дискуссий, палестинцами было принято консенсусное итоговое заявление. Участники встречи осудили применение насилия в отношении гражданского населения сектора Газа и других палестинских территорий, призвали к обеспечению необходимого гуманитарного содействия всем нуждающимся. Кроме того, было условлено продолжить межпалестинский диалог в целях восстановления национального единства на платформе ООП в качестве единственного законного представителя палестинского народа.

Помимо непосредственных контактов с палестинцами, Россия постоянно обсуждала этот вопрос и с другими региональными игроками. Так, большое влияние на палестинцев традиционно оказывал соседний Египет. На встречах с египтянами российские дипломаты в последнее время поднимали вопрос о насущной необходимости объединения палестинцев. Из крупных игроков Россия внесла самую большую лепту в процесс примирения между ведущими палестинскими организациями.

Также видится целесообразным оценить геополитическую и геоэкономическую роль КНР в рамках ближневосточного региона, руководство которого, как и Москва, крайне заинтересовано в настоящее время в том, чтобы стабилизировать военно-политическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке вообще, и в Палестине, в частности. Тесные экономические, стратегические и политические связи Китая со странами региона делают Китай вполне приемлемым посредником для нормализации политической обстановки в ближневосточном регионе. Более того, для Китая весьма важно достичь стабильности на Ближнем Востоке, чтобы минимизировать риски для своего экономического проекта «Один пояс – один путь», в котором задействовано 16 ближневосточных стран. При этом стоит отметить, что Китай, также как и Россия в своей региональной политике придерживается принципов многостороннего сотрудничества, прямо не поддерживая ни одну из противоборствующих сторон. Одной из выдающихся побед Китая в международной дипломатии на Ближнем Востоке стало его посредничество при примирении двух региональных титанов Саудовской Аравии и Ирана, которое ознаменовалось восстановлением дипломатических отношений в марте 2023 г.

Китай также не остается в стороне и от урегулирования палестино-израильского конфликта, продвигая, как и многие посредники, идею о создании двух государств, с созданием государства Палестина в границах 1967 года. Понимая, что разобщенность палестинского правительства мешает палестинцам выступать единой силой, Китай пытается примирить палестинские политические силы [\[11\]](#). Так, например, в апреле 2024 года Пекин предоставил площадку для переговоров между ФАТХ и ХАМАС, а в июле того же года организовал встречу четырнадцати палестинских фракций, которые по итогам переговоров подписали Пекинскую декларацию и договорились о совместном послевоенном управлении Палестиной в составе единого временного правительства [\[5\]](#).

Прогнозная оценка положения Палестины в системе мировой политики в 2020-е – в начале 2030-х гг.

Для начала стоит сказать, что в ходе подготовки статьи к публикации в политической повестке ближневосточного региона произошли существенные изменения, а именно случилось прямое противостояние Ирана и Израиля. Авторами, среди прочих, был спрогнозирован и этот вариант развития событий. Пока сложно оценивать дальнейшее развитие событий, однако не исключено, что и другие предложенные сценарии будут иметь место быть в среднесрочной перспективе.

Как полагают авторы, главным фактором, который будет обуславливать направленность развития политической ситуации в Палестине в среднесрочной перспективе, т. е. в 2020-е – в начале 2030-х гг., будет являться, прежде всего, стремление правящих элит США, а также Великобритании практически реализовать в указанный период глобальный системный проект, имеющий одновременно геополитическое, геоэкономическое и цивилизационное измерение, который ориентирован при этом на «внедрение» в рамках планеты «обновленной» концептуально-организационной модели так называемого «всемирного западного капитализма». Другими словами, главная цель, которую намерены достичь в итоге представители этой англосаксонской группировки, – это достижение абсолютной власти над всеми народами мира.

Данные стратегические планы были сформулированы в следующих двух официальных документах, которые были разработаны администрацией президента США Д. Байдена: «Временные указания по стратегии национальной безопасности США» от марта 2021 г. и обновлённый вариант «Стратегии национальной безопасности США» от 2022 г. Американские правящие круги в тексте обоих этих документов изложили основные пункты широкомасштабного проекта развития США до 2032 г. [\[13\]](#).

Как следует из этих документов, правящие круги США намерены в 2022–2032 гг. использовать в целях сокрушения РФ, КНР, ИРИ и установления своего тотального контроля над всем пространством Евразийского континента стратегическую технологию **«большая гибридная война»** или **«стратегия управляемого хаоса»**, синонимом которой также выступает термин **«управляемые внутригосударственные и/или межгосударственные конфликты»**.

В подобной геополитической ситуации, которую правящие круги США намерены целенаправленно создавать в рамках Евразийского континента, в 2025–2032 гг. вектор напряжения, прежде всего, в Палестине, а также на Ближнем и Среднем Востоке и в Евразии в целом, неизбежно обретёт «многовариантный характер». При этом можно выделить следующие основные Сценарии:

Стратегический Сценарий № 1 – «Окончательное урегулирование Палестинского конфликта». Согласно ему, израильская и арабская стороны Палестинского конфликта в результате соответствующего воздействия со стороны, прежде всего США, а также при активном участии в данном процессе РФ, КНР, а также Ирана смогут, наконец, урегулировать все свои политические, экономические и религиозные противоречия. И в итоге в Палестине будет образовано арабское государство. Гарантами станут выступать США, РФ и КНР. Подобное развитие событий должно также привести к нормализации отношений между США и Израилем, с одной стороны, а также и Ираном, с другой. Кроме того, в данной геополитической ситуации США будут вынуждены полностью вывести свои войска с территорий Сирии и Ирака. Это, в свою очередь будет способствовать окончательному завершению гражданской войны в Сирии, а также укреплению сирийской и иракской государственности.

Стратегический Сценарий № 2 – «Позиционная война в Палестине». Данный вариант предполагает, что очередная арабо-израильская война, которая началась 7 октября 2023 г., трансформируется в итоге в так называемые «вялотекущие боевые действия», т. е. фактически превратится в «войну позиционную» или «войну на истощение». Притом палестинцы будут и дальше получать «опосредованную военно-политическую поддержку» от Ирана, а также со стороны подконтрольных Тегерану шиитских вооружённых формирований, действующих в регионе.

Стратегический сценарий № 3 – «Широкомасштабный вооружённый конфликт на Ближнем и Среднем Востоке». В этом случае произойдёт распространение зоны боевых действий из сектора Газа на территорию другой палестинской автономии, находящейся на Западном берегу реки Иордан, а также Южный Ливан. Главная цель заинтересованных в этом сценарии «субъектов» заключается в том, чтобы добиться массовой миграции мирного палестинского населения из Газы и с Западного берега, а также жителей Южного Ливана в северную часть ливанского государства и в соседние арабские страны: Египет, Сирию, Иорданию, Ирак и др. Вторая задача – это провоцирование руководства Ирана напрямую вмешаться в данные события в Палестине, а также «втягивание» в эту войну еще и Сирии и РФ.

Стратегический сценарий № 4 – «Шиитско-израильская война». В результате непосредственного участия Ирана и подконтрольных ему шиитских группировок на стороне «ХАМАС» в рамках ближневосточного региона будет развязана война между Израилем и коалицией шиитских сил во главе с Ираном, т. е. фактически начнётся так называемая «Первая шиитско-израильская война». Помимо Ирана, в состав «шиитской коалиции» могут войти ливанская «Хезболла», хуситы, а также шиитский Ирак. Как следует констатировать, в случае начала прямого военного столкновения Израиля и Ирана в Палестине и Южном Ливане, в данный вооружённый конфликт неизбежно будут в итоге втянуты практически все ведущие государства арабо-исламского мира, которые выступят на стороне Тегерана.

Стратегический сценарий № 5 – «Большая война в рамках Большого евразийского Среднего Востока». В этом случае масштабные вооружённые конфликты, начавшиеся на территории Ближнего и Среднего Востока, распространятся также и на весь «трансрегион Большой евразийский Средний Восток», куда следует включить регион Ближнего и Среднего Востока, а также Причерноморье, Кавказ, районы Каспия, Центральная Азия и Южная Азия. Это может спровоцировать следующие конфликты:

- разжигание «заинтересованными силами» вооружённого конфликта между Ираном и союзом Турции, Азербайджана, Израиля, США и Великобритании с целью втянуть в войну

Россию. При этом подготовка США к агрессии против Ирана началась ещё при президенте Д. Буше-младшем в начале 2000-х [\[4\]](#);

- «организация» целого ряда вооружённых конфликтов межгосударственного, этнического и религиозного характера в Центральной Азии и целенаправленное «втягивание» в эти события, прежде всего, России и/или Китая, а также Ирана. В качестве «потенциальных очагов» такого рода конфликтов в данном регионе могут выступить в первую очередь Казахстан, который вследствие подобных деструктивных процессов может быть полностью «разрушен» как государство, пространство Ферганской долины (т. е. определённые районы Таджикистана, Киргизии и Узбекистана), а также Афганистан и Пакистан;

- провоцирование возникновения широкомасштабной войны между Китаем и Индией, и, по возможности, «втягивание» в эти процессы РФ и ИРИ. Своеобразным «геополитическим поводом» для начала войны между Пекином и Дели может стать «целенаправленное внутреннее разрушение» США и Великобританией Пакистана и/или Бангладеш как государства. Причём англосаксы могут пойти на этот шаг, несмотря на наличие у Исламабада ядерного потенциала и атомного оружия [\[14\]](#).

Стратегический сценарий № 6 – «Тотальная евразийская война». Предполагается превращение в зону вооружённых конфликтов практически всего пространства Евразийского континента. В свою очередь, это означает, что такого рода региональные войны, кроме пространства «Большого евразийского Среднего Востока», будут инициированы «заинтересованными силами» и в других региональных частях Евразии – в Европе, Южной Азии, Восточной Азии и Юго-Восточной Азии.

По мнению авторов, в 2024–2032 гг. развитие, прежде всего, военно-политической ситуации в Палестине, и в ближневосточном регионе в целом будет развиваться с достаточно большой долей вероятности именно по Сценарию № 3. Но нельзя исключать и развития событий по Сценариям № 4, 5, 6. Однако, как следует констатировать, развитие ситуации по данным сценариям будет представлять собой прямую угрозу национальной безопасности РФ стратегического уровня. Поэтому для руководства России одной из важнейших оперативно-тактических задач в 2024-2032 гг. неизбежно станет практическое осуществление в рамках Евразийского континента, в первую очередь, целого ряда разнообразных по своему характеру военных и политико-дипломатических мер, ориентированных, прежде всего, на то, чтобы не допустить реализацию правящими кругами США и Великобритании своих подрывных планов, предусматривающих осуществление так называемой «широкомасштабной и глубокой дестабилизации» как политической, так и экономической ситуации фактически в рамках всей Евразии.

Заключение

Противостояние ключевых палестинских политических сил раскололо Палестину и территориально, и политически, ухудшило социально-экономическое положение палестинских граждан, повысило градус напряжённости в палестино-израильском урегулировании, а процесс межпалестинского урегулирования сложен, многогранен и пока маловероятен. Действительно, в настоящее время нет ни консенсуса, ни чёткого видения того, каким будет будущее палестинское государство и система управления. Этот вопрос полностью зависит от модели государственности, которую Палестина обретет в случае заключения мирного соглашения с Израилем.

В подобных условиях главные усилия российской дипломатии в данный период следует

направить на подготовку международного соглашения, которое будет направлено на сохранение мира, прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке. Его примерное название – «Договор о поддержании мира и стабильности в Палестине и других районах Ближнего и Среднего Востока». Как можно предположить, сначала участниками этого договора станут РФ, КНР, ИРИ и Саудовская Аравия. В дальнейшем к данному соглашению присоединятся и другие заинтересованные государства данного региона: Сирия, Ирак, Ливан, Египет, Иордания, ОАЭ и, вероятно, Турция. Кроме того, этот договор вполне могут также подписать Индия и Пакистан, их включение потенциально расширит геополитическую базу поддержки и усилит международное давление на конфликтующие стороны с целью достижения компромисса.

Такое многостороннее соглашение станет важным инструментом для снижения напряжённости, предотвращения новых вооружённых конфликтов и создания условий для постепенного восстановления национального единства палестинского народа. В рамках этого договора возможно выработать механизмы координации действий между ключевыми региональными и глобальными игроками, что позволит обеспечить устойчивость достигнутых соглашений и повысить доверие между сторонами.

Библиография

1. Swart M. Palestinian Reconciliation and the Potential of Transitional Justice. Brookings Dohacenter, 2019. 44 p.
2. Махмутова М.И. Межпалестинский конфликт ФАТХ и ХАМАС (2006-2019 гг.) // Конфликтология / nota bene. 2019. № 2. С. 33-46. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.2.30203 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30203
3. Махмутова М.И. Идеологическая конкуренция ФАТХ и ХАМАС // LOCUS: People, Society, Culture, Meanings. 2020. Vol. 11. No. 3.
4. Сатановский Е.Я. Россия и Ближний Восток. Котёл с неприятностями. М.: Эксмо, 2012. 384 с.
5. Chen J. et al. Evolution of China's interaction with Middle Eastern countries under the Belt and Road Initiative // Plos one. 2023. Т. 18. № 11.
6. Khan M. Rising Chinese Influence in the Middle East: Implications for the Israel-Palestine Conflict // Al-NASR. 2024. Vol. 3, No. 2. P. 75-96.
7. Текст декларации в Сане, подписанной ФАТХ и ХАМАС, для возобновления диалога между двумя правительствами. Палестинские документы за 2008 год. Центр исследований и консультаций Аль-Зейтуна. Бейрут, 2011. С. 234. (نص إعلان صنعاء الموقع بين فتح وحماس الستئناف . الزيتون مركز . لسنة الفلسطينية الوثائق . الحكومتين بين حوار)
8. Schanzer J. Hamas vs. Fatah: The Struggle for Palestine. St. Martin's Press, 2008. 239 p.
9. Государство Палестина: право на будущее: монография / А.В. Федорченко, А.В. Крылов, В.М. Морозов; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр ближневосточных исследований Ин-та междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. EDN: YPLHCO.
10. Singh S. Origin and Growth of HAMAS (Islamic Resistance Movement) in Palestine. Samaj Vigyan Shodh Patrika. 2013. Vol. 2 (Part II). No. XX. Pp. 223-236.
11. Информационный бюллетень от 25 апреля 2014 г. // Департамент информации и печати МИД России. М., 2014. 41 с.
12. Аливаиви М.А. Отношения между палестинской национальной автономией и Российской Федерацией: этап президентства В. В. Путина // Вестник Тамбовского университета. Политические науки и право. 2015. № 2(2). С. 74-81.
13. National security strategy, October 2022 // The White House. 48 p.
14. Пасхальный П.И. Применит ли Исламабад атомную бомбу первым // Независимое военное обозрение. 2018. № 49. С. 4-5.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают межпалестинские противоречия, прежде всего между движениями ФАТХ и ХАМАС, а также процесс их урегулирования, рассматривается роль России и других международных акторов (Китая, Ирана, США) в этом процессе.

Методология исследования базируется на применении комплексного подхода, сочетающего анализ политических документов, сравнительный метод, эмпирические наблюдения и прогностическое моделирование, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Актуальность работы авторы рассматривают и с научной, и с практической точек зрения, отмечают, что палестинское разделение не позволяет палестинцам действовать согласованно, может свести на нет любой возможный дипломатический прорыв в палестино-израильском урегулировании, актуальности данной проблематике добавляет практически полное отсутствие исследований, посвященных непосредственно вопросу межпалестинского урегулирования в российской и зарубежной литературе.

По мнению авторов статьи, научная новизна исследования заключается в представленных результатах сравнительного анализа роли России и Китая в урегулировании изучаемого конфликта; обосновании 6 прогностических сценариев, разработанных на период 2025–2032 гг., среди которых наиболее вероятным авторы считают «широкомасштабный конфликт» с участием Ирана и Израиля; предложениях о создании международного договора по стабилизации региона с участием РФ, КНР, Ирана и Саудовской Аравии.

Структурно в тексте публикации выделены следующие разделы: Введение, Суть межпалестинских противоречий и попытки урегулирования, Роль России в межпалестинском урегулировании, Прогнозная оценка положения Палестины в системе мировой политики в 2020-е – в начале 2030-х гг., Заключение и Библиография.

При изложении материала авторами использован научный стиль речи, оформление в целом соответствует общепринятым подходам к научным публикациям. В работе рассмотрены следующие стратегические сценарии: «Окончательное урегулирование Палестинского конфликта», «Позиционная война в Палестине», «Широкомасштабный вооружённый конфликт на Ближнем и Среднем Востоке», «Шиитско-израильская война», «Большая война в рамках Большого евразийского Среднего Востока», «Тотальная евразийская война».

Библиографический список включает 12 источников: публикации в российских и зарубежных изданиях на русском и иностранных языках, а также информационные бюллетени и официальные материалы. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить следующие. Во-первых, по мнению рецензента, авторами недостаточно полно раскрыта позиция самих палестинских движений по отношению к российским инициативам урегулирования межпалестинских противоречий. Во-вторых, в разделе «Библиография» приведены англоязычные работы, исследования российских, китайских и индийских авторов, но почему-то практически отсутствуют ссылки на палестинские источники.

Тема статьи актуальна, представленный на рецензирование материал отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует тематике журнала

«Мировая политика», может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают внутripалестинские противоречия между движениями ФАТХ и ХАМАС, а также процесс их урегулирования при посредничестве Российской Федерации и других внешних акторов. Актуальность исследования, а также его практическая значимость обусловлены тем, что противостояние двух ведущих палестинских движений привело к территориальному и политическому расколу Палестинской национальной автономии, существенно повлияло на систему региональной безопасности и препятствует созданию единого палестинского государства; при этом в отечественной и зарубежной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные непосредственно вопросу внутripалестинского урегулирования. Согласно декларации самого автора, в исследовании применялся комплексный подход, сочетающий контент-анализ политических документов, позволивший выявить позиции сторон и динамику их изменений, а также сравнительный анализ внешнеполитических стратегий России, Китая и западных стран. Эмпирические методы включали мониторинг конкретных дипломатических инициатив и переговорных процессов, что позволило оценить реальную роль России в продвижении внутripалестинского диалога. Автор упоминает также общенаучные методы анализа и синтеза, хотя в академических исследованиях упоминание таких методов представляется избыточным. При этом в процессе работы явно были использованы (при исследовании эволюции конкретных нормативных оснований взаимодействия ФАТХ и ХАМАС), но никак не упомянуты институциональный и исторический методы. Аналогичные претензии можно выдвинуть и в отношении авторской интерпретации научной новизны полученных результатов: «сравнительный анализ» не может считаться таковым результатом, поскольку это метод исследования, процесс, а не результат. Тем не менее, реальная новизна в рецензируемой статье имеет место. Прежде всего, можно вести речь о том, что автором выявлены особенности российского и китайского посредничества: установлено, что Россия и Китай используют принципиально отличную от западных стран стратегию равноудаленности от конфликтующих сторон, что делает их более эффективными посредниками в внутripалестинском урегулировании по сравнению с США и европейскими государствами. Кроме того, разработана типология сценариев развития палестинского конфликта: построена система из шести стратегических сценариев развития ситуации в Палестине на 2025–2032 гг. (от полного урегулирования до тотальной евразийской войны), которая позволяет прогнозировать эскалацию конфликта в зависимости от действий ключевых международных акторов. Наконец, обоснована модель многостороннего договора как инструмента стабилизации: доказана целесообразность создания международного договора о поддержании мира в регионе с участием России, Китая, Ирана и арабских государств как альтернативы западноцентричным механизмам урегулирования ближневосточных конфликтов. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: в целом ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования, хотя над названием первого из содержательных разделов («Суть внутripалестинских противоречий...») можно было бы еще поразмыслить и найти более удачное. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», обосновывается актуальность проблемы

внутрипалестинского урегулирования, формулируются предмет, методы исследования и представляется историография вопроса с анализом работ российских, англоязычных и китайских авторов; - «Суть межпалестинских противоречий и попытки урегулирования», где анализируются исторические корни и идеологические основы конфликта между ФАТХ и ХАМАС, рассматриваются территориальные последствия раскола 2007 года и хронология основных соглашений о примирении с 2007 по 2017 годы; - «Роль России в межпалестинском урегулировании», где исследуется эволюция российской позиции по отношению к ХАМАС с 2006 года, анализируются конкретные дипломатические инициативы Москвы и оценивается эффективность российского посредничества в сравнении с другими участниками «квартета»; - «Прогнозная оценка положения Палестины в системе мировой политики в 2020-е – в начале 2030-х гг.», где представлена система из шести стратегических сценариев развития ситуации в Палестине и регионе в контексте глобального противостояния США с Россией, Китаем и Ираном; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, формулируются выводы о сложности межпалестинского урегулирования и предлагается концепция многостороннего международного договора о поддержании мира на Ближнем и Среднем Востоке с участием России, Китая и региональных государств. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, просторечные выражения вроде «серьезной проблемой стал ещё и тот факт...», «серьезных сдвигов в данном вопросе так и не видно» и др.; или плеоназмы вроде «подобное развитие событий должно также привести», «весьма важно достичь стабильности», «будет являться»; и др.) и грамматических (например, пропущенные запятые в предложениях «Тема, касающаяся межпалестинского урегулирования актуальна...»; или несогласованные предложения «КНР являОсь важнейшим посредником замирения...», «В то же время, он анализирует "дорожную карту" двух соперничающих организаций, как вариант возможного продвижения, что вселяЮт надежду на достижение мира в регионе» [здесь же лишние запятые – рец.], «Пока сложно оценивать дальнейшее развитие событий, однако НЕ И исключено, что...»; или ненужные запятые в предложениях «...Что было расценено представителями ХАМАС, как предательство национальных интересов» и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 14 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе историографии выбранной для исследования темы. В числе ключевых достоинств рецензируемой статьи можно отметить высокую актуальность, практическую и политическую значимость и прогностический потенциал проведенного исследования, а также обширную и разнообразную источниковую базу этого исследования. Автор не ограничивается историческим анализом, а предлагает конкретные практико-ориентированные решения в виде концепции международного договора о поддержании мира на Ближнем Востоке и разрабатывает детализированную систему из шести стратегических сценариев развития ситуации на 2025–2032 гг., что придает исследованию высокую практическую ценность для дипломатической деятельности и стратегического планирования. Кроме того, работа опирается на широкий круг источников, включающий исследования российских, англоязычных и китайских авторов (М.И. Махмутова, Е.Я. Сатановский, Мия Сварт, Джонатан Шанцер, Цзюньхуа Чен и др.), официальные документы МИД РФ, заявления политических лидеров и стенограммы переговоров, что обеспечивает всестороннее освещение проблемы межпалестинского урегулирования.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее

недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, конфликтологов, востоковедов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, по ближневосточной проблематике, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Тихомирова К.С., Ручина В.М., Медонова А.А. Международное космическое право в контексте регулирования деятельности частных космических компаний на примере США // Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75433 EDN: MKKUYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75433

Международное космическое право в контексте регулирования деятельности частных космических компаний на примере США

Тихомирова Карина Сергеевна

ORCID: 0009-0006-4421-431X

магистр; кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

✉ ariafan1013@gmail.com

Ручина Валерия Михайловна

ORCID: 0009-0001-7675-3100

магистр; кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

✉ v.ruchina2016@gmail.com

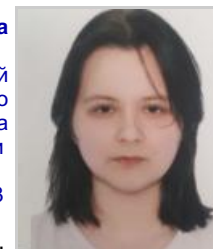

Медонова Анастасия Александровна

магистр; кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
главный специалист, консультант; Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Нижегородской области

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

✉ anastasiyamedonova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Вызовы и угрозы международной безопасности"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75433

EDN:

MKKUYU

Дата направления статьи в редакцию:

05-08-2025

Дата публикации:

Дата публикации:

12-08-2025

Аннотация: Авторы подробно рассматривают вопросы регулирования международной космической деятельности международным правом. Предметом исследования выступают международные договоры, которые регламентируют деятельность государств и их частных компаний в космическом пространстве. Отсутствие всеобъемлющих регламентов для осуществления космической деятельности и законодательства по контролю за частными компаниями приводят к тому, что деятельность государств в космосе ориентирована скорее на его монополизацию, чем на коллективную безопасность. Особое внимание уделено частным космическим компаниям США, поскольку наиболее серьезным вызовом на космической арене представляется быстрое их развитие. В свою очередь, их деятельность лишь косвенно регламентируется международным космическим правом, а также не имеет какой-либо международной стандартизации, но при этом представляет реальную угрозу для международной безопасности. В основе исследования лежат сравнительно-правовой и институциональный методы, использованные для выявления противоречий между международным и национальным космическим правом. Сравнительный анализ и case-study были задействованы при изучении конкуренции в космическом пространстве между государственными акторами и по линии государство-частная компания, чтобы выявить серые зоны в международном космическом праве. Новизна исследования заключается в комплексном анализе существующего космического законодательства, как: Договор о космосе, Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, Конвенция о регистрации объектов, Соглашение о Луне; рассмотрении несовершенств их положений и предложений по улучшению норм международного космического права. Приведён сравнительный анализ норм международного космического права с законодательством США в космической отрасли. В статье рассматривается влияние частных компаний на развитие международной космической деятельности, а также обозначены риски, которую их деятельность составляет. Авторы приходят к выводу о необходимости международной комплексной модернизации космического права: разработки стандартов кибербезопасности и регламентов использования ядерных установок в космосе, создания унифицированных международных стандартов для частных компаний с учреждением глобального реестра этих компаний; реформирования КОПУОС ООН, внедрения механизмов имплементации норм через национальные законодательства.

Ключевые слова:

Мировое космическое право, Частные космические компании, ГЧП, США, SpaceX, Blue Origin, NASA, Космические аппараты, Спутники, Орбитальные запуски

Введение

«Эпоха нового космоса» — так можно охарактеризовать XXI в. в контексте развития космической отрасли. Технологический прогресс и коммерциализация, вызванная ростом частных компаний и государственно-частного партнерства, создали не только новые возможности, но и новые угрозы. Международное космическое право, основанное на реалиях 1960–1970-х гг., на сегодняшний день не способно отвечать современным

вызовам. Отсутствие всеобъемлющего регулирования, «серые зоны» и отсутствие стандартов для частных компаний приводят к развитию национального космического права, часто ориентированного на монополизацию космоса, а не на коллективную безопасность. Наиболее серьёзным вызовом в данной сфере представляется быстрое развитие деятельности частных компаний в космосе, которая лишь косвенно регламентирована международным космическим правом, а также не имеет какой-либо международной стандартизации, но при этом представляет реальную угрозу для международной безопасности. Кроме того, включение частных компаний в «космическую гонку» постепенно уменьшает роль государств в качестве монополистов в космосе, тем самым провоцируя неконтролируемую конкуренцию и технологическую гонку. Этот фактор, в свою очередь, угрожает устойчивому использованию космоса. В свою очередь, деятельность частных компаний в космической отрасли наиболее развита в США. Данная статья посвящена особенностям современного международного космического права, а также анализу существующей регламентации деятельности частных компаний в космосе на примере США. При рассмотрении этого вопроса особое внимание стоит уделить изучению основных договоров в сфере международного космического права, а также выявить противоречия между международным и национальным космическим правом с помощью сравнительно-правового и институционального методов исследования. Также необходимо провести сравнительный анализ деятельности крупных компаний США, используя метод case-study, чтобы найти «серые зоны» в международно-правовой базе. Важно понять несоответствие существующего законодательства современным реалиям и предложить конкретные методы по его улучшению.

Правовая регуляция деятельности частных компаний в США в контексте международного космического права

На сегодняшний день деятельность в космическом пространстве регламентируется рядом международно-правовых актов, основными из которых являются: Договор 1967 г., Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1971 г., Конвенция о регистрации объектов 1976 г., Соглашение о Луне 1979 г. (в котором участвуют только 18 стран). Кроме того, стоит упомянуть: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия 1963 г., договор по ПРО, прекративший действие в 2002 г., Принципы использования ядерных источников энергии в космосе и Устав ООН. Все эти договоры являются фундаментальной правовой базой для предотвращения милитаризации и бесконтрольной нуклеаризации космоса.

Данные нормативно-правовые акты, созданные в разгар холодной войны, отражали реалии космической деятельности как привилегии отдельных государств, в основном США и СССР. С 1979 г. не было принято ни одного международного договора и не вносилось никаких изменений в существующие. Все принципы, призванные регламентировать космическую деятельность, являлись добровольными, а значит не имели ни рестрикций, ни поощрения [\[1, с. 1-6\]](#). Эти документы, созданные более 50 лет назад, уже не соответствуют современным технологическим реалиям и содержат существенные правовые проблемы, главная из которых – наличие «серых зон» [\[2, с. 327\]](#) и отсутствие чёткой международно-признанной регламентации в отношении частных компаний. Например, в статье II Договора о космосе 1967 г. указано, что космическое пространство не подлежит национальному присвоению, а в статье VIII этого же договора указывается, что государство сохраняет свою юрисдикцию над сооружениями, возведенными на небесных телах. Это создает правовую неопределенность относительно статуса, например, лунных баз. Нечёткое определение термина «оружие массового

поражения» оставляет «лазейки» для его интерпретации [\[3, с. 21-26\]](#). В договоре нигде не упоминается о противоспутниковом ракетном оружии. Вопрос принадлежности потенциальных поселений на Луне и Марсе и их правовой статус также нигде не закреплен [\[4, с. 190-195\]](#).

Согласно Конвенции 1971 г., ответственность за ущерб от космической деятельности несёт запускающее государство. Тем не менее, сегодня государства не являются абсолютными монополистами в этой сфере, а фактор частных компаний и возможных кибератак на спутники не учтён. Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии, относятся в основном к ядерным реакторам, расположенным на борту космических аппаратов, но относительно работы автономных ядерных установок в космосе или на космических объектах регламентов нет.

Однако наиболее серьезным «пробелом» в космическом международном праве является работа частных компаний, а также заключение государствами договоров государственно-частного партнерства (ГЧП), так как данный аспект совершенно не охвачен существующими регламентами международного права [\[5\]](#). Благодаря ГЧП государства не должны нести полную финансовую ответственность за космическую деятельность, при этом расширение роли частных компаний сопряжено с рядом правовых проблем [\[6, с. 264\]](#).

Сотрудничество между государствами и частными компаниями в сфере космоса не регламентировано. Чаще всего стандарты качества работы и ответственности сторон совпадают с национальными принципами стандартизации в других отраслях, что ведёт сразу к двум проблемам. Во-первых, различия в национальных стандартах затрудняют международное взаимодействие при аварийных ситуациях на орбите. Во-вторых, отсутствие специализированных космических регламентов для частных компаний, а также разделение ответственности за их деятельность сразу несколькими государственными структурами, снижает общее качество продукции и усложняет процесс регистрации и реализации проектов. В то же время, при фактическом разделении финансовой ответственности между государством и частной компанией при ГЧП, согласно Конвенции об ответственности 1972 г., ответственность за космическую деятельность возлагается на государство, осуществившее запуск. Существует две категории ответственности государств: прямая и косвенная [\[7, с. 21\]](#). Прямая ответственность государства предполагает, что государство несёт ответственность либо своими действиями, либо бездействием за противоправное деяние, противоречащее международным договорам. Косвенная ответственность государства возникает в правовом поле, когда государство ответственно за противоправные действия негосударственных субъектов или образований, находящихся под его юрисдикцией. Всё эти факторы не только усложняют процесс подотчётности космической деятельности государств, так как частные компании напрямую не связаны международными договорами, но и оказывают непосредственное влияние на космическую деятельность и увеличивает риск использования частных космических аппаратов для влияния на государства [\[8, с. 160-164\]](#).

Другой серьезной проблемой остаётся вопрос лицензирования деятельности частных компаний в космосе. Помимо того, что данный процесс крайне сложен сам по себе и не имеет международной стандартизации, многие государства до сих пор не продвинулись дальше общего лицензирования и регистрации. Данное обстоятельство вызывает обеспокоенность относительно преодоления разрыва между космической деятельностью, осуществляемой частным сектором, и необходимостью соблюдения международных

законов. Это особенно важно для решения насущной проблемы безопасности и устойчивости в космосе, которая затрагивает всю космическую деятельность, гражданскую или военную по своему характеру [\[9\]](#).

На сегодняшний день, бесспорным лидером в контексте коммерциализации космоса через деятельность частных компаний являются США. Данная ситуация сложилась не случайно. Долгие годы основным монополистом космической деятельности в США являлась NASA (National Aeronautics and Space Administration), однако с начала 2000-х гг. данная организация активно привлекает частные компании для ускорения развития частной отрасли. В частности, были разработаны программы поддержки, такие как Commercial Orbital Transportation Services (COTS) [\[10\]](#), функционирующие с 2006 по 2013 гг. и направленные на поддержку частных компаний, занимающихся созданием грузовых кораблей для доставки на МКС. Программа Commercial Crew Program (CCP) занимается финансированием частных компаний, работающих над созданием пилотируемых кораблей, а программы Lunar Gateway и Artemis направлены на привлечение и поддержку частных подрядчиков к разработке станции на лунной орбите и безопасной транспортировке космонавтов. Таким образом, благодаря программам поддержки NASA, частные компании имеют доступ к многомиллиардным грантам на развитие, что значительно расширяет их присутствие на рынке. Отметим, что компания SpaceX является реципиентом и участником всех трех приведенных выше программ [\[11, с. 166-170\]](#).

Другим важным фактором ускоренного развития частных космических компаний в США является поддержка на государственном и законодательном уровне. Первым документом, открывшим частным компаниям доступ к космосу, стал Commercial Space Launch Act 1984 г., регулирующий правовую основу для частных закупок материалов. Вторая редакция данного договора, Commercial Space Launch Amendments Act, выпущенная в 2004 г., позволила частным компаниям запускать суборбитальные полеты с пассажирами. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act от 2015 г. является основополагающим государственным документом, который минимизирует государственное регулирование пилотируемых коммерческих полетов, а также предоставляет частным компаниям право владения над добытыми на Луне и других космических объектах ресурсами. В данном контексте не удивительно, что крупнейшие частные космические компании, а также самые крупные инвестиции в данную отрасль зарегистрированы именно в США. Например, Bryce Space and Technology, специализированная аэрокосмическая консалтинговая компания, сообщила, что в США в период с 2015 по 2020 гг. венчурные компании инвестировали более 8,2 млрд долл. в частные предприятия космического сектора [\[12\]](#). Примечательно, что 2015 г. ознаменовался поворотным моментом, когда инвесторы выделили 1,8 млрд долл. на развитие космической отрасли США, что почти вдвое превышает совокупные инвестиции за предыдущие 15 лет, согласно отчету Морган Стэнли. Среди крупнейших частных компаний в мире, и по совместительству зарегистрированных в США, стоит отметить SpaceX, запустившую первую частную ракету, достигшую орбиты, Blue Origin, реализовавшую успешный суборбитальный полет с экипажем, а также компанию Virgin Galactic, являющуюся одной из основных компаний на рынке космического туризма.

Несмотря на достаточно обширную базу документов, поощряющих и расширяющих деятельность частных компаний в космической отрасли, общие регламенты, регулирующие и стандартизирующие их деятельность, фактически отсутствуют. В США деятельность компаний регулируется сразу тремя ведомствами. Федеральное управление

гражданской авиации (FAA) и ее Управление коммерческих космических перевозок (AST) отвечают за лицензирование деятельности частных компаний в космосе, в частности запусков и процессов возвращения, а также за вопросы стандартизации как оказания услуг, так и инфраструктуры и их безопасности. Министерство Обороны США (DoD) отвечает за ядерные разработки, национальную безопасность и разработку или использование военных технологий в космосе. Министерство Торговли США (DoC) отвечает за лицензирование спутников и дополнительную поддержку коммерциализации космоса. Национальная стандартизация частных компаний в космосе и лицензирование их деятельности подконтрольно сразу трём крупным департаментам страны, цели которых (в особенности в отношении Министерства Торговли и Министерства обороны) не просто не совпадают, но могут входить в противоречие друг с другом по своей сути. Такая сложность структуры системы управления космической деятельностью создаёт проблемы и при лицензировании деятельности компании, и при её дальнейшей стандартизации. Отметим также, что ни одно из трёх вышеперечисленных подразделений не регламентирует обязанности частных компаний в контексте, к примеру, переработки и утилизации космического мусора, которого становится всё больше, что может стать серьезной угрозой для работы МКС [\[13\]](#).

Кроме того, неоспоримая дистанция между международными нормами регулирования космической деятельности и национальными регламентами США создаёт крайне серьезную угрозу международной космической безопасности. В Договоре о космосе 1967 г. указывается, что добытые на Луне и других космических телах ресурсы, также как и территория, могут быть использованы для международного блага, но не могут быть национализированы. В тоже время, U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act дает частным компаниям право на присвоение ресурсов, добытых на Луне и других космических объектах. Законопроект об оборонных ассигнованиях на 2021 г. предусматривает выделение десятков миллиардов долларов на космические исследования не с целью «всеобщего блага», а для «защиты интересов» США на орбите Земли и за её пределами. Подобный подход явно противоречит основам международного космического права, которое запрещает использование космоса в военных целях, а также любые виды его приватизации. Хотя, конечно, явным нарушением было бы лишь размещение ядерных установок в космосе, так как иные виды вооружений в существующих документах не рассмотрены [\[14\]](#).

Не стоит также забывать, что расширение деятельности частных компаний в США и многочисленные послабления в итоге могут привести к потере контроля государства над развитием данной отрасли. Некоторые аспекты международных документов, регламентирующих космическую деятельность, уже сейчас активно критикуются современными экспертами и представителями частного сектора в стране. В частности, в рабочем документе для Центра Mercatus Лаура Монтгомери утверждает, что Федеральное управление гражданской авиации (FAA) и другие федеральные агентства превышают свои полномочия, когда, ссылаясь на статью VI Договора о космосе, отказывают частным субъектам в доступе к космосу. Монтгомери утверждает, что, поскольку статья VI настоящего договора не имеет самостоятельной силы, согласно существующему прецеденту Верховного суда США, она не является федеральным законом, подлежащим исполнению. Она утверждает, что федеральные регулирующие органы не могут запрещать или регулировать частную космическую деятельность на основе обеспечения соблюдения договора. Монтгомери также считает, что Конгресс не делегировал FAA полномочия отказывать частным лицам в доступе к космосу. Вместо этого законодательная власть определяет, какие виды деятельности частных лиц «требуют

разрешения и надзора в соответствии со статьей VI» [\[15\]](#). Подобные прецеденты ярко демонстрируют стремление частных компаний к большей независимости от государственного контроля, что в контексте глобального характера космической отрасли и отсутствия международной регламентации, создаёт крайне опасный прецедент.

Деятельность частных компаний США в космосе и современное состояние развития космических программ в США

США неоднократно поддерживали идею о мирном использовании космического пространства, но при первой администрации Дональда Трампа был проведен ряд военных и административных реформ, связанных с развитием военной составляющей американской космической мощи. В документе «Космические приоритеты Соединенных Штатов» 2021 г., утверждается, что космический потенциал «является источником американского лидерства и американской мощи». Указывается, что большую роль для обеспечения американского технологического лидерства в мире играют исследовательские проекты в космической индустрии. Особое значение имеет развитие частного сектора в космическом пространстве. Реформы Трампа в том числе затрагивали ряд вопросов, связанных с коммерциализацией космической отрасли в США, а потому NASA стала привлекать частные компании для реализации космических программ США. Правительство, тем самым, намерено «поддерживать частную инициативу, развивать космический сектор национальной экономики» [\[16, с. 47\]](#).

США являются наиболее продвинутым государством в контексте развития деятельности частных компаний в космосе. Данное обстоятельство связано сразу с несколькими причинами: наращиванием североамериканскими компаниями доли на мировом космическом рынке, наличием чёткой структуры управления стратегического планирования в космосе, реализацией программ в сфере космической деятельности (спутниковая навигация, связь, наблюдение за космосом, космическое производство и т.д.). Говоря о сложившейся в США системе управления стратегического планирования и реализации программ в области космической деятельности, стоит отметить три важных её направления: космические программы и проекты гражданского назначения, космические программы и проекты по обеспечению национальной безопасности, коммерческие программы по использованию околоземного пространства.

В рамках распределения государственных заказов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), государственным компаниям запрещено конкурировать с проектами коммерческих программ. Это как ограничивает степень влияния государства на технологическое развитие частного сектора, так и создаёт перераспределение финансовых рынков среди участников программы космической деятельности в США. С другой стороны, главной целью, как для правительства, так и для частных компаний является повышение уровня научно-технического развития при минимальных затратах на разработку, и как следствие, максимизация прибыли при использовании инноваций. Таким образом, проекты по созданию новых двигательных установок, средств выведения и систем доставки полезных грузов на окололунные орбиты финансируются за счёт бюджета на начальных этапах, где государственные заказчики чаще выступают в качестве якорных заказчиков на аэрокосмическом рынке, стимулируя рост инноваций в данной области [\[17, с. 57-61\]](#).

Исходя из процесса развития космической программы США по заданным направлениям, можно отметить, что главным её результатом будет являться формирование устойчивой космической промышленности и повышение её конкурентоспособности на мировой

арене. В целом можно отметить, что в данных условиях формируется новый сектор частных компаний, предлагающих инновационные решения для космических рынков, которые условно могут быть объединены в группу «Нового космоса» («New Space»). Активно этим занимаются компании: SpaceX, Blue Origin, Virgin Galactic, Bigelow, Axios, ispace, Moon Express. Все они в той или иной степени реализуют основные три пункта космической программы США. Однако, несмотря на руководящую роль государственных заказчиков в процессе освоения космоса и, казалось бы, довольно большое количество частных компаний, наблюдается формирование крупных монополий. К примеру, компания Orbital ATK, которая и ранее являлась продуктом слияния двух частных компаний, к 2018 г. была поглощена Northrop Grumman, где стала частью вновь созданного подразделения Northrop Grumman Innovation Systems. Ранее компания планировала создание новой ракеты-носителя средне-тяжёлого класса при использовании двигателя компании Blue Origin, тем самым составляя конкуренцию SpaceX и United Launch Alliance (ULA) в борьбе за военные и коммерческие контракты [\[18, с. 109-113\]](#).

В чём же на самом деле состоит бизнес частных компаний и где прячется коммерческий интерес? Проведём сравнительный анализ деятельности Blue Origin и SpaceX - главных частных космических компаний в США, а также прямых конкурентов. Как правило, частные компании, основанные бизнесменами, имеют свои планы на развитие ракетно-космической отрасли в США. Основным же различием в осуществлении ими проектов в области НИОКР является диверсификация источников их финансирования по происхождению инвестируемого капитала – государственного или частного.

Blue Origin – компания, основанная в 2000 г. руководителем Amazon Джефом Безосом. Занимается производством ракетно-космической техники и планирует оказывать пусковые услуги. По большей части она финансируется из личных средств Безоса, который имеет право голоса в выборе направления развития и мало зависит от NASA и военно-воздушных сил США (ВВС США). Тем не менее, в мае 2019 г. Blue Origin стала одной из компаний, отобранных NASA для разработки и производства прототипов космических аппаратов (далее - КА) для высадки на Луну в рамках новой американской лунной программы «Artemis». С данным аспектом связан случай 2021 г., когда Blue Origin подала в суд на NASA из-за контракта на разработку и создание лунного модуля в рамках новой лунной программы. Безос и его компания сочли нецелесообразной и неправомерной реализацию контракта на 2,89 млрд долл. только одной компанией — SpaceX, которая и стала исполнителем контракта. Безос считает, что данный шаг лишь поможет укрепиться монополии SpaceX в космосе. В результате, NASA приостановила исполнение контракта до урегулирования споров, однако суд никаких противоречий не выявил, а исполнение контракта так и осталось под монополией компании Илона Маска.

Однако, недоверие к Blue Origin также может быть весьма обоснованным. С 2006 г. компания переносила запуски своего суборбитального корабля, изначально называя датой запуска полёта 2010 г., хотя в реальности первый запуск их ракеты New Shepard случился только в 2015 г. С тех пор ракета совершила ещё пять запусков. Этот факт настораживает государственных заказчиков, ведь сроки реализации проектов компании часто задерживаются.

Несмотря на свои огрехи, Blue Origin успешно сотрудничает с NASA. В 2012 г., компания совместно с NASA провела успешное испытание корабля в аэродинамической трубе в рамках подписанного соглашения о партнёрстве. Финансировали эти работы NASA в рамках программы по технологическому развитию частных пилотируемых космических

кораблей для доставки астронавтов на МКС – Commercial Crew Development (CCDev). Так, ещё в 2010 г. компания получила 3,7 млн долл. инвестиций на конструирование частных пилотируемых космических кораблей для доставки астронавтов на МКС, а в 2011 г. — 22 млн. В совокупности успехи компании позволили ей к 2013 г. подписать расширенное соглашение с NASA по второй фазе программы CCDev. К 2015 г. испытания двигателя BE-3 были окончены, и компания продолжила разработку метановой двигательной установки BE-4, обходясь при её испытаниях только собственным финансированием. Для компании этот момент был знаковым, так как означал начало работы в интересах государственного оператора пусковых услуг United Launch Alliance.

Что касается стратегии и коммерческой выгоды Blue Origin, здесь стоит отметить цель по созданию собственной ракетно-космической техники, что позволит компании иметь полную линейку средств для успешной коммерческой деятельности в области средств выведения космических объектов. Это приводит нас к выводу о цели по получению экономической выгоды компанией Безоса. При этом относительная независимость компании позволяет ей не ограничиваться рамками государственных заказов, а иметь собственные планы по коммерциализации космической отрасли. И хоть запуск New Shepard ранее и откладывался, в середине апреля 2025 г. ракета совершила одиннадцатый коммерческий рейс с полностью женским экипажем, а уже 31 мая ракета совершила свой 12-ый коммерческий полёт.

Относительно государственного финансирования стоит отметить также финансирование от ВВС США в 2016 г. на 45,82 млн долл. на разработку двигательной установки BE-4 в интересах разработки ракеты-носителя (РН) Vulcan. Однако, точно не известно о финансировании компании самим Безосом, поскольку эта информация является закрытой. Целью компании же, со слов Безоса, является доступное продвижение человечества в космосе, тем самым компания закрепится на рынке пусковых услуг. Компания в целом является практически независимой от государственного финансирования, и основная бизнес-стратегия компании связана с целями и амбициями самого Безоса, а не государственных заказчиков.

SpaceX (Space Exploration Technologies Corporation), основанная в июне 2002 г. предпринимателем и инвестором Илоном Маском, по совместительству совладельцем, генеральным директором и главным инженером компании, делает упор скорее на инновации и получает существенные преференции от госорганов США. Компания разработала ракеты-носители Falcon 1, Falcon 9, Falcon Heavy, Starship, с самого начала преследуя цель сделать их многоразовыми. Dragon также стал первым частным космическим кораблём, пристыковавшимся к МКС и выполнившим доставку грузов к ней в октябре 2012 г. В числе достижений компании стоит также выделить выход на орбиту первого частного космического корабля Crew Dragon с двумя астронавтами NASA на борту.

В контексте милитаризации космоса государствами, в том числе и при помощи частных компаний, нельзя не отметить ещё одну инициативу SpaceX - Starlink. Starlink - это глобальная система искусственных спутников для доступа к высокоскоростному широкополосному спутниковому интернету. Однако, куда более интересно военное значение Starlink. На данный момент на орбите насчитывается около 8 тыс. спутников проекта SpaceX, а компания планирует увеличить их количество до 42 тыс. Они создают препятствия работе других спутников, провоцируют чрезвычайные ситуации в космосе, также мешают астрономическим наблюдениям и захламляют орбиту планеты. Существует и более защищённый вариант этой системы – система Starshield, которая разработана для военных, разведывательных и правительственных нужд, о чём стало известно в 2022

г. В 2023 г. космические силы США заключили первый контракт со SpaceX для предоставления доступа военным к данной системе связи. А уже в 2024 г., по сообщению Reuters, стало известно, что ещё в 2021 г. SpaceX заключила контракт с Национальным разведывательным управлением США на создание сети спутников-шпионов. Так, спутники Starlink использовались ВСУ в военных действиях на Украине с 2022 г. для коммуникации военнослужащих, навигации беспилотников, безэкипажных катеров и т.д. Известно, что ряд украинских терминалов также подключён и к Spaceshield, ещё одной более защищённой версии. Оданко, SpaceX в 2024-2025 гг. всё же ограничивала работу спутникового интернета Starlink для украинских и российских войск, дабы не допустить эскалации конфликта [Reuters: SpaceX создает сеть спутников-шпионов для разведки США // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20253643>]. Стоит отметить, что такая монополия спутниковых устройств в космосе не только может предоставлять возможности для совершения военных действий, но и представлять угрозы безопасности для других мировых космических гигантов.

Так, например, ещё с 2022 г. в китайских СМИ появляется всё больше статей о противодействии Starlink. Китайские учёные очень обеспокоены использованием Starlink в военных целях и в шпионаже. Поэтому в китайских статьях были опубликованы методы отслеживания и уничтожения спутников Starlink. Китайские исследователи полагают, что данные спутники представляют риски для китайского правительства и его стратегических интересов. Эти опасения обусловлены тесными связями компании с американскими разведывательными и военными ведомствами, а также её растущим присутствием в космосе. «Поскольку Соединенные Штаты интегрируют технологию Starlink в военные космические ресурсы, чтобы получить стратегическое преимущество перед своими противниками, другие страны все чаще воспринимают Starlink как угрозу безопасности в ядерном, космическом и киберпространствах», — отмечают китайские учёные [Chinese researchers suggest lasers and sabotage to counter Musk's Starlink satellites // Asosiated Press. 2025. URL: <https://gclnk.com/94c7rpPq>]. В связи с этим, Китай запустил новую группу низкоорбитальных интернет-спутников, готовясь к запуску 6G сети, однако, пока не для коммерческого использования.

SpaceX в целом широко финансируется государством, в том числе и в военных целях. Большую часть средств компания получила от государственных контрактов NASA, Министерства обороны и Управления общих служб, что на 2024 г. составляет около 11,8 млрд долл. Компания заработала 1,8 млрд долл. только на контрактах Национального разведывательного управления, подразделения Пентагона по разведывательным спутникам, создавая спутники-шпионы, что позволит США получать качественные снимки практически любой части планеты. Только за 2025 г. доход компании будет достигать 15,5 млрд долл., что превысит даже бюджет NASA на этот год в 1,1 млрд долл. Коммерциализация космоса Маском и его компанией уже превышает полномочия международных договоров. Задействование спутников Starlink в военных целях в том числе нарушает положения Договора о космосе 1967 г. Тем не менее, всё же существенная часть доходов поступает компании от её сервиса спутникового интернета Starlink. Однако, не стоит забывать, что SpaceX и сам Маск тесно сотрудничают с правительством США, хоть у лидера компании в 2025 г. и были разногласия с Дональдом Трампом. Амбиции Илона Маска всё же идут куда дальше военных целей: компания SpaceX в целом изначально создавалась с мечтой отправки людей на Марс, и пока она преуспевает в маленьких шагах к осуществлению этой цели. В таком случае, компания может стать не просто первой компанией из США, отправившейся на Марс, но и первой частной компанией в мире.

Сейчас SpaceX может действовать и в геополитических интересах, как компании, так и страны. Таким примером может являться неудача компании на Багамах, заставляющая Маска решать геополитические вопросы по использованию спутников и ракет, пролетающих над суверенными территориями или вблизи них. Так, правительство США обычно берёт на себя расходы, если спутники Starlink или другие космические объекты SpaceX приземлятся на суверенных территориях других государств. Ещё в 2024 г. SpaceX вела переговоры с правительством Багамских островов о заключении сделки, которая позволила бы ракетным ускорителям Falcon 9 приземляться на их территории в обмен на бесплатные интернет-терминалы Starlink для военных кораблей страны. Соглашение было заключено в феврале, но было приостановлено, после того, как обломки ракеты SpaceX Starship были выброшены на берег островов в ходе её взрыва при запуске, что заставило Багамы пересмотреть прозрачность такого соглашения. Тем не менее, компания должна выплатить сбор в размере 100 тыс долл. за посадку на Багамах в соответствии с космическими правилами страны, принятыми в рамках подготовки к работе. SpaceX столкнулась и с проблемами в Мексике, когда президент страны Клаудия Шейнбаум заявила, что её правительство рассматривает возможность подачи судебного иска против компании из-за «загрязнения» после недавнего взрыва Starship [Roulette J. How SpaceX's rocket diplomacy backfired in the Bahamas // Reuters. 2025. URL: <https://www.reuters.com/science/how-spacexs-rocket-diplomacy-backfired-bahamas-2025-07-30/>].

Доминирование SpaceX, и конкретно Starlink, в космосе спровоцировало борьбу за создание альтернатив в космической гонке. Однако, преимущество первопроходца обеспечило SpaceX практически монопольное положение, что ещё больше усложняет взаимодействие бизнеса, политики и национальных органов безопасности в космических проектах.

Программа Дональда Трампа «Make space great again» породила новый сектор частных компаний с инновационными решениями, которые сейчас объединены в условную группу «Новый космос» [19, с. 543], что стало рассматриваться международным сообществом как новая конкурентная область, побуждающая страны активизировать свои космические программы.

В этой связи, новые перспективы развития космической гонки оценили в Пентагоне - крупнейшем заказчике космических систем в США, при котором в 2019 г. в структуре ВВС США были созданы Космические войска (US Space Force, USSF), появилось и Агентство космического развития (подлежит интеграции в USSF в 2022 г.). Поэтому здесь важно отметить активизацию военного диалога с «Новым космосом». В вопросе военно-гражданской интеграции в космическом секторе этот подход США просматривается наиболее отчётливо, поскольку американская космическая отрасль своим происхождением обязана в значительной мере военной программе США. Особо можно отметить вклад Пентагона в появление коммерческих рынков, что сейчас провоцирует разговоры о большей коммерциализации и приватизации космоса частными компаниями.

Инициативы компаний SpaceX, Blue Origin и др. лишь усилили влияние частных компаний на развитие космической отрасли в США. Новая волна космических стартапов развивается не только при финансировании по договорам с NASA, но и за счёт средств военной отрасли, как например контракты DARPA (Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США), что выполняют работу для поиска инновационных решений в интересах Пентагона и развития технологической базы США. В 2000-х военных США не устраивала монополия United Launch Alliance

(Boeing и Lockheed Martin), поэтому поиск альтернатив в 2010-2020 гг. видится вполне оправданным с точки зрения экономической выгоды. Между командованием Космических войск и NASA в 2020 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании, означавший более глубокое партнерство структур в работе по дальнему космосу, операциях в околоземных и около-лунных условиях и т.д. Стоит также выделить один из его пунктов касательно обеспечения защиты космических систем как от физических (от спутников-инспекторов или иных враждебных систем), так и от кибератак против КА и наземной инфраструктуры. Такой симбиоз гражданской и военной инфраструктуры будет развиваться и в дальнейшем, учитывая аналогичный опыт других государств (КНР, РФ, Франция и д.р.). В феврале 2021 г. транспортный корабль США доставил на МКС оборудование Агентства космического развития для сбора данных, необходимых в разработке датчиков слежения за ракетами на низких орбитах. И хотя формально груз не был военным, но сомнений в характере исследований и самого проекта не возникло [\[20, 21\]](#).

Однако, в целом ничто не ограничивает США в отношении военного финансирования космических программ частных компаний, но стоит заметить, что такие шаги явно провоцируют другие государства на ответные меры в космической отрасли. Это в значительной мере ставит геополитические интересы в космосе во главу угла, хотя согласно Договору о Космосе 1967 г., космос всегда должен являться нейтральным пространством. Но в США ещё в 2018 г. при первой администрации Трампа космическое командование (US SPACE COMMAND) было выведено из подчинения Командованию стратегическими силами (STRATCOM), в следствие чего оно стало самостоятельным объединенным военным командованием. Это, в свою очередь, 2019 г. привело к учреждению Космических сил (US Space Force) - нового вида вооруженных сил США, в функции которых входит проведение военных операций в космическом пространстве. Согласно «Оборонной космической стратегии», принятой в 2020 г., новое командование «обеспечит дополнительные ресурсы для сдерживания угроз и формирования безопасной среды в космическом пространстве» [\[22, с. 568\]](#).

4 сентября 2020 г. администрация Трампа опубликовала Директиву 5 по космической политике в качестве предложений по политике кибербезопасности в космической отрасли. Хотя эта директива ничего не предписывает, она является важным шагом в развитии международного космического права, поскольку устанавливает руководящие принципы для спутников и связанных с ними систем, которым компании должны следовать для защиты КС от киберугроз. Безусловно, данное обстоятельство является важным шагом на пути к укреплению международной безопасности в космическом пространстве.

В очередной раз стоит подчеркнуть, что интересы частных компаний всё больше показывают независимость от государственного контроля, что, вследствие отсутствия международной регламентации их деятельности, создает крайне напряжённую обстановку, чему также могут служить доказательством «Соглашения Артемиды», в которых помимо международных партнёров США задействованы частные компании. Учитывая также и американскую доктрину «Свободных рук» в космосе в рамках ревизии международного космического права — всё это создает стратегические и экономические риски для других стран. Помимо изменения баланса сил в космосе, возможны попытки контролировать спутниковые группировки других стран: регулирование запусков спутников или введение платы за право выхода КА на нужные орбиты. В том числе остро стоит вопрос и об утилизации космического мусора на орбите специальными космическими аппаратами, что также создаёт вызовы для третьих стран. Поэтому идеи о

глобализации американского права набирают вес, так действия США расширяют понятия экстерриториальности в том числе и на космическое пространство [\[23, с. 421-423\]](#). США не осознают долгосрочных последствий «приватизации» космических ресурсов, пока частные компании проецируют своё влияние на небесные тела, что создаёт крайне серьёзную угрозу международной космической безопасности. Учитывая также диалог Пентагона и США о защите американских частных объектов по добыче ресурсов на Луне, стоит отметить, что страна приближается к вопросу легитимизации и разделении издержек по милитаризации спутника Земли. В том числе речь может идти и о создании аналогов частных военных космических компаний. В этой связи неудивительно, что РФ и КНР активно реализуют превентивные меры, наращивая собственный космический потенциал. Однако, на данный момент, монополии США и её частных компаний в космосе пока никто не составляет существенную угрозу. Учитывая Космическую стратегию США, даже коммерческие проекты других стран могут рассматриваться правительством в качестве потенциально враждебных. Таким образом, космическая гонка помимо вопросов геополитических, будет затрагивать и вопросы военные.

Проблемы современного международного космического законодательства и пути их решения

Говоря о проблемах космического права, в первую очередь стоит отметить отсутствие конкретных механизмов контроля и надзора. Существующая космическая правовая база не обеспечивается работой надзорного органа, контролирующего деятельность государств и соблюдение международного-космического права (по аналогии с МАГАТЭ). Кроме того, большинство договоров в сфере космического пространства носят лишь рекомендательный характер, а их влияние на принятие решений государствами очень условно.

Современное международное правовое регулирование космической деятельности требует существенного пересмотра в связи с появлением новых технологических и политических реалий. Основные проблемы текущей системы заключаются в несоответствии устаревших норм современным вызовам, отсутствии чёткого регулирования деятельности частных компаний и действенных механизмов контроля за соблюдением установленных правил. Угрозу также вызывает рекомендательный характер большинства существующих регламентов, что существенно снижает их эффективность.

Первоочередной задачей является комплексный пересмотр основополагающих международных договоров, в частности Договора о космосе 1967 г. Необходимо разработать чёткие положения, регулирующие военное использование космического пространства, включая запрет на создание и размещение противоспутникового оружия, проведение кибератак на космическую инфраструктуру, а также запуск спутников со встроенными системами вооружения. Требуется уточнения и расширение понятия «оружие массового поражения» применительно к космической деятельности. Отдельного внимания заслуживает вопрос безопасности использования ядерных энергетических установок в космосе, для чего необходимо разработать современные стандарты их эксплуатации.

Не менее важным направлением реформы является создание комплексной системы регулирования деятельности частных космических компаний. Это предполагает разработку унифицированных международных стандартов для всех этапов их работы — от производства до эксплуатации космических аппаратов. Целесообразно создать международный реестр компаний, допущенных к космической деятельности, и установить чёткие критерии такого допуска.

Для эффективного управления космической деятельностью необходимо усилить институциональную базу. Наиболее перспективным представляется расширение полномочий Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях (КОПУОС) и создание на его основе единого регулирующего органа. Параллельно следует разработать комплексный «Космический кодекс» по аналогии с UNCLOS (United Nations Convention on the Law of the Sea), который объединил бы все существующие и новые нормы космического права.

Ключевой проблемой остаётся обеспечение соблюдения установленных правил. Предлагается стимулировать государства к внедрению международных норм в национальные правовые системы. Положительный опыт некоторых стран (ОАЭ, Закон о космической деятельности 2019 г.) показывает эффективность такого подхода. Для частных компаний следует разработать систему санкций за нарушения и поощрений за соблюдение стандартов международных стандартов.

Подводя итог, современными проблемами мирового космического права являются следующие аспекты.

В первую очередь, стоит отметить, что в основе международного космического права лежат следующие нормативно-правовые акты: Договор о космосе 1967 г., Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1971 г., Конвенция о регистрации объектов 1976 г., Соглашение о Луне 1979 г. Все положения этих договоров, сформулированные в период Холодной войны, подразумевают приоритетное право определённых государств на деятельность в космосе, но не отвечают современным реалиям, что является серьёзным вызовом для международной космической безопасности. Наиболее явной «серой зоной» в современном международном космическом праве является отсутствие регламента ГЧП и деятельность частных компаний в космосе.

Данное обстоятельство приводит к ряду проблем, связанных в первую очередь с международной стандартизацией космической деятельности. Отсутствие всемирно принятых регламентов, в том числе: стандарта на размещение и эксплуатацию ядерных установок на космических объектах, стандартизации производства компонентов космических аппаратов (что подтверждают рассматриваемые нами кейсы о техническом оснащении компаний Blue Origin и SpaceX [\[24, с. 73-78\]](#)), и унификации стандартов по размещению орбитальных аппаратов; — всё это приводит к дополнительным рискам в контексте развития космической деятельности. Кроме того, стремление частных компаний к популяризации космического туризма при фактическом отсутствии каких-либо стандартизированных норм и регламентов, создаёт не только дополнительную опасность для осуществления международной космической деятельности, но и является реальной угрозой для жизни потенциальных пассажиров. Ярким примером такой проблемы является катастрофа, связанная с компанией Virgin Galactic, когда при разработке корабля SpaceShipTwo в 2007 г., его прототип взорвался во время наземных испытаний на исследовательском космодроме в Мохав: трое инженеров погибли, ещё трое получили серьёзные ранения. В связи с тем, что частные космические компании не являются авторами международного космического законодательства, они не могут нести ответственность за деятельность в космосе, а также за чрезвычайные ситуации на орбите, касательно собственной инфраструктуры. При этом согласно Договору о космосе 1967 г., ответственность за государство, запустившее КА, несёт само государство. Таким образом, при фактическом стремлении частных компаний к независимой деятельности в

космосе, что особенно ярко проявляется в США, существует реальная опасность использования КА частных компаний против государства, в котором они зарегистрированы.

Другой серьёзной проблемой остаётся вопрос об использовании и потенциальном присвоении космических ресурсов. Напомним, что согласно Договору о космосе, добытые на Луне и других космических телах ресурсы, также как и территория, не могут быть национализированы. В то же время США уже предоставили своим частным компаниям право на приватизацию ресурсов, добытых на Луне и других космических объектах [\[25, с. 34-38\]](#). Стоит отметить, что практика создания собственного космического законодательства в космических державах стала реальностью международной космической деятельности. И этот фактор также является для неё прямой угрозой, так как каждое государство действует в собственных интересах и интересах его компаний. Кроме того, в нынешнем космическом законодательстве отсутствует более подробная трактовка форм присвоения ресурсов. Тем самым, нигде не указан запрет на добычу и использование природных ресурсов космического пространства. Все данные правовые вакуумы в вопросах освоения космоса приводят не только к разногласиям по линии государство-частная компания, но и по линии государство-государство, что в свою очередь представляет международную угрозу [\[26, с. 167-174\]](#).

Другой важной проблемой является отсутствие регламентов, препятствующих милитаризации космоса, так как единственным ограничением на данный момент является Договор о неразмещении ядерного оружия в космосе и Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), прекративший своё действие в 2022 г.

Кроме того, количество космического мусора уже сейчас превышает допустимые нормы, и является серьёзной угрозой для спутников и МКС. При этом, ни в одном государстве мира на данный момент не существует законов, принуждающих частные компании к утилизации космического мусора. Попытка создания подобного регламента была предпринята в Японии, однако данный документ имеет лишь рекомендательный характер. Однако, страна пытается разработать необходимые нормы международного космического права.

Принятие нормативных мер по разработке новых руководящих принципов в ответ на киберугрозы космического базирования, скорее всего, также будет медленным. Чтобы должным образом подготовиться к этим рискам, необходим новый подход, который требует применения отраслевых стандартов в сотрудничестве между частными компаниями и государственными учреждениями для обеспечения вступления в силу новых договоров. Чтобы устранить эти угрозы безопасности, Организация Объединённых Наций должна обновить и расширить существующие договоры и положения по космосу, чтобы учесть меняющийся ландшафт космической техники и исследований. КОПУОС, его государства-члены и представители частного сектора должны работать сообща над разработкой новых соглашений, которые конкретно касаются участия частного сектора. В этих соглашениях должны быть установлены руководящие принципы ответственного поведения, стандарты кибербезопасности и механизмы разрешения споров [\[27, с. 45-49\]](#).

Приоритетом должно стать создание всеобъемлющего международного «Космического кодекса», который не только устранил существующие противоречия в трактовке ключевых договоров, но и установит правила для частных операторов, стандарты кибербезопасности орбитальной инфраструктуры и механизмы контроля за соблюдением режима нераспространения оружия в космосе. Параллельно необходимо реформировать

КОПУОС, наделив его реальными полномочиями, и создав систему стимулов и санкций для обеспечения соблюдения международных норм. Учитывая глобальный характер последствий любой космической деятельности, разработка нового правового режима должна стать приоритетом для международного сообщества в ближайшее десятилетие. Реализация предложенных мер требует политической воли государств-членов ООН и консолидации усилий всех заинтересованных сторон — от правительств до частных космических компаний и научного сообщества.

В качестве практических рекомендаций предлагается комплексная модернизация международного космического права, включающая пересмотр Договора о космосе 1967 г. с устранением правовых пробелов: введение чёткого определения термина «оружие массового поражения»; запрета на противоспутниковые системы; разработку стандартов кибербезопасности и регламентов использования ядерных установок в космосе; создание унифицированных международных стандартов для частных компаний с учреждением глобального реестра этих компаний; реформирование КОПУОС ООН с расширением полномочий и разработкой обязательного «Космического кодекса» по аналогии с UNCLOS; а также внедрение механизмов имплементации норм через национальные законодательства.

Заключение

Современное международное космическое право, сформированное в условиях космической гонки XX в., демонстрирует свою несостоятельность перед вызовами новой космической эры. Анализ выявил критические пробелы в регулировании ключевых аспектов космической деятельности: от противоречивых трактовок демилитаризации космоса до полного отсутствия механизмов контроля за частными операторами. Особое внимание представляет фрагментация правового поля, когда государства, пытаясь заполнить нормативные вакуумы, создают национальные законодательные режимы, зачастую противоречащие духу международного сотрудничества и ведущие к новой форме космического протекционизма.

Сравнительный анализ правовых коллизий между международным космическим правом и национальным законодательством США в контексте регулирования деятельности частных космических компаний позволил выявить существенные недоработки. В свою очередь, они провоцируют конфликты в области международной космической безопасности. «Серые зоны» в международном космическом праве также являются проблемой, поскольку деятельность частных компаний на современном этапе не так широко регулируется нормами международного права, как этого требуют обстоятельства, что демонстрирует нам заключение договоров ГЧП. Поэтому обязательна выработка единой концепции унифицированного международного «Космического кодекса» с включением обязательных норм для частного сектора.

Космос сегодня – одно из полей противостояния ведущих мировых держав, пространство для развития экономической конкуренции и расширения политического влияния, а также потенциальная конфликтная арена. В целях обеспечения безопасности космического пространства необходимо наладить регулирование деятельности как государств, так и частных лиц в космосе под контролем мирового сообщества, а не правительства конкретной страны. Выход из сложившейся ситуации видится в комплексной модернизации правовой системы регулирования космической деятельности. Необходимо начать разработку усовершенствованного обновлённого космического международного законодательства, основываясь на принципах сотрудничества, устойчивого развития и равноправия. В первую очередь важно закрыть все существующие пробелы и

регламентировать коммерческую деятельность в космическом пространстве во избежание конфликтных ситуаций и ужесточения борьбы за космические ресурсы.

Библиография

1. Teeratanabodee W. The Outer Space Business: The Impact of Private Actors on Space Governance // RSIS Commentary. Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS), 2024. N. 6. Pp. 1-6.
2. Hertzfeld H. Current And Future Issues In International Space Law // ILSA Journal of International & Comparative Law. 2009. No. 15 (2). Pp. 325-335.
3. Толочко О.Н. Международно-правовое регулирование освоения космического пространства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. № 2. С. 21-26. DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-2-3 EDN: OOXEXM.
4. Антонов А.И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 190-195. EDN: PYMQYX.
5. Bhat B., Sandeepa, Dilip Ukey, Adithya Variath (eds). International Space Law in the New Space Era: Principles and Challenges. Oxford: Oxford University Press, 2024.
6. Bartóki-Gönczy B., Ganczer M., Sulyok G. Space sustainability: Current regulatory challenges // Hungarian Journal of Legal Studies. 2024. Vol. 65. No. 2. Pp. 260-281. DOI: 10.1556/2052.2024.00552 EDN: LDNYXI.
7. Teeratanabodee W. Public-Private Partnerships in Outer Space: Implications for the Defence and Security Sector // RSIS Working Paper. 2025. No. 344. Pp. 51-54.
8. Kuo Y. The Outer Space Business: The Impact of Private Actors on Space Governance // RSIS Commentary. 2024. No. 6. P. 18-27.
9. Linden A. National Space Legislation: Balancing Innovation and Regulation // Journal of Science Policy & Governance. 2016. N. 8(1). Pp. 160-164.
10. Commercial Orbital Transportation Services: A New Era in Spaceflight // NASA Report. 2014. 146 p.
11. Данилин И.В. НАСА, "астропренеры" и рынки будущего: новые модели инновационной политики США в космической сфере // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 2. С. 166-170. EDN: UVNSHU.
12. Start-up Space: Update on Investment in Commercial Space Ventures // BryceTech, 2023. 36 p.
13. Report to Congress: Evaluation of Commercial Human Space Flight Safety Frameworks and Key Industry-Indicators // FAA, 2021. 42 p.
14. Goessler A. The Private Sector's Assessment of U.S. Space Policy and Law // CSIS, 2022. Pp. 1-16.
15. Montgomery L. The Outer Space Treaty and Prohibited Military Space Activities // Nonproliferation Policy Education Center Occasional Paper. 2023. No. 2304. Pp. 1-23.
16. Никитин А.И., Клинова М.В. Доктринальные аспекты политики США, НАТО и ЕС в области военного космоса // Сравнительная политика. 2022. № 4. С. 45-51. DOI: 10.24833/2221-3279-2022-4-13-45-64 EDN: JLBTCV.
17. Макарова Д. Ю. Развитие частного бизнеса в ракетно-космической отрасли: тенденции и перспективы // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 25 (424). С. 57-63. EDN: UCBRIL.
18. Коробушин Д. В., Вейко А. В., Дадашян А. Е. Частный космос в США: тенденции развития // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 109-113. EDN: XSNGCT.
19. Davidian K. Operationalizing the definition of "Commercial Space" // Acta Astronautica. 2022. No. 198(4). Pp. 541-549. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.06.040 EDN: YMKXVC.
20. Кравченко Д.Б., Бауров А.Ю. Государственно-частное партнерство в сфере

космической деятельности в период структурной реформы отрасли // *п-Economy*. 2016. № 3 (245). С. 48-52.

21. Попова С.М., Уваров В.Б., Яник А.А. Регулирование дистанционного зондирования Земли из космоса: международный опыт // *Международное право*. 2022. № 3. С. 1-27. DOI: 10.25136/2644-5514.2022.3.38577 EDN: QLBQXQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38577

22. Камолов С. Г., Шолохов А. Н. Стратегия коммерциализации космической деятельности США // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 1А. С. 564-572. DOI: 10.25799/AR.2019.80.1.057 EDN: EYTBCU.

23. Ащеулова Е. С., Фарафонтова Е. Л. Правовой аспект милитаризации космоса // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2015. № 11. С. 421-423. EDN: VSCPFN.

24. Мальцев С. С., Станиславович Р. Е. Опыт и перспективы коммерциализации услуг многоспутниковых группировок связи на примере Starlink // *Экономика космоса*. 2025. № 12. С. 73-78.

25. Алексеенко А.П. Разведка и добыча космических ресурсов: опыт законотворчества США // *Юридические исследования*. 2016. № 5. С. 34-41. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.5.18968 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18968

26. Агапова М. А. Национальное право Соединенных Штатов Америки о коммерциализации космической деятельности... и его соотношение с нормами международного космического права // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. № 4 (173). С. 167-174.

27. Геллс В.И. Современное состояние мирового космического права // *Образование и право*. 2023. № 10. С. 45-49. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-10-43-49 EDN: BVNBWO. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают правовые проблемы регулирования деятельности частных космических компаний в контексте несоответствия современного международного космического права технологическим и политическим реалиям XXI века на примере США. Технологический прогресс и коммерциализация, вызванная ростом частных компаний и государственно-частного партнерства, создали не только новые возможности, но и новые угрозы, при этом международное космическое право, основанное на реалиях 1960–1970-х гг., на сегодняшний день не способно отвечать современным вызовам. Данным фактом обусловлена высокая степень научной актуальности рецензируемого исследования. Его практическая значимость связана с необходимостью начать разработку усовершенствованного обновлённого космического международного законодательства, основываясь на принципах сотрудничества, устойчивого развития и равноправия, в первую очередь важно закрыть все существующие пробелы и регламентировать коммерческую деятельность в космическом пространстве во избежание конфликтных ситуаций и ужесточения борьбы за космические ресурсы. К сожалению, сам автор не уделил должного внимания описанию и аргументации (!) своего теоретико-методологического выбора. Но из контекста можно понять, что исследование основано на анализе международных правовых актов в сфере космической деятельности и национального законодательства США. В качестве эмпирической базы использованы пять основных международно-правовых актов: Договор 1967 г., Соглашение о спасании космонавтов 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб 1971 г., Конвенция о регистрации объектов

1976 г., Соглашение о Луне 1979 г. Применены сравнительно-правовой и институциональный методы для анализа противоречий между международным и национальным космическим правом. Использован также метод case study для детального изучения деятельности ведущих американских частных космических компаний SpaceX и Blue Origin. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о комплексном анализе правовых коллизий между международным космическим правом и национальным законодательством США в контексте регулирования частных космических компаний, что позволило выявить неоспоримую дистанцию между международными нормами регулирования космической деятельности и национальными регламентами США, создающую крайне серьезную угрозу международной космической безопасности. Кроме того, в процессе работы была обоснована концепция «серых зон» в международном космическом праве как системной проблемы, поскольку наиболее серьезной лакунной в космическом международном праве является работа частных компаний, а также заключение государствами договоров государственно-частного партнерства, так как данный аспект совершенно не охвачен существующими регламентами международного права. Предложена концепция создания унифицированного международного «Космического кодекса» с включением обязательных норм для частного сектора. Наконец, практический интерес представляет разработанный автором свод рекомендаций по модернизации международного космического права, включающий комплексную модернизацию международного космического права с пересмотром Договора 1967 г., создание унифицированных международных стандартов для частных компаний, реформирование КОПУОС ООН с расширением полномочий и разработкой обязательного «Космического кодекса». В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования проблем современного международного космического права в контексте развития частных космических компаний и формулируются основные задачи работы, но отсутствует теоретико-методологическая рефлексия; - «Правовая регуляция деятельности частных компаний в США в контексте международного космического права», где анализируется система международных договоров в сфере космической деятельности (Договор 1967 г., конвенции 1968, 1971, 1976, 1979 гг.) и выявляются ключевые правовые пробелы, особенно касающиеся регулирования деятельности частных компаний и государственно-частного партнерства; - «Осуществление деятельности частных компаний США в космосе и современное состояние развития космических программ в США», где рассматривается практическая реализация космических программ США с участием частных компаний, включая детальный анализ деятельности SpaceX и Blue Origin, их взаимодействия с государственными структурами и влияния на международную космическую безопасность; - «Проблемы современного международного космического законодательства и пути их решения», где систематизируются основные проблемы действующего международного космического права и предлагаются конкретные меры по его модернизации, включая создание комплексного «Космического кодекса» и реформирование КОПУОС ООН; - «Заключение», где подводятся итоги исследования, подтверждается несостоятельность современного международного космического права перед вызовами новой космической эры и обосновывается необходимость комплексной модернизации правовой системы регулирования космической деятельности. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. Однако в тексте встречается недопустимо большое количество стилистических (например, избыточное использование причастных и деепричастных

оборотов, что существенно затрудняет восприятие текста; или непоследовательность в написании аббревиатур, когда часть из них расшифровывается, а часть – нет; или повторы одних и тех же слов в одном или соседних предложениях, например: «Кроме того, включение ЧАСТНЫХ КОМПАНИЙ в "космическую гонку" постепенно уменьшает роль государств в качестве монополистов в космосе, тем самым провоцируя неконтролируемую конкуренцию, технологическую гонку не только по линии ЧАСТНЫХ КОМПАНИЙ, но и в контексте отношений ЧАСТНЫХ КОМПАНИЙ и государств»; и др.) грамматических (например, несогласованные предложения «Прямая ответственность государства предполагает, что государство несет ответственность... за противоправное деяние, противоречащее международный договор, международное обычное право или и то, и другое», «...Бесспорным лидером являются США», «Вторая редакция данного договора... позволила частным компаниям...», «...Ограничивала работу спутникового интернета Starlink для украинский и российских войск...», «...Однако данный документ имеет лишь рекомендательный характер» и множество других (!); или неверное написание выражения «в то же время» в предложении «В тоже время, при фактическом разделении...»; или пропущенные запятые в предложениях «...Право на присвоение ресурсов добытых на Луне...»; или дублирование слов и выражений, как в предложении «Задействование спутников Starlink в военных целях в том числе в том числе превышает»; и множество других опечаток и грамматических ошибок: «многомиллиардным грантам на развитие», «ва результате чего», «исполнение контракта так и осталось под монголией компании», «кораблём, присылававшимся к МКС», «создаёт вызовы для третьих стран», «не имели ни ристрикций, ни поощрения», «оданко» и др.) ошибок, что делает текст практически не читаемым и однозначно требует его редактирования. Использование научной терминологии в целом корректно. Библиография насчитывает 39 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу полного отсутствия теоретико-методологической рефлексии. В числе неоспоримых достоинств рецензируемой статьи следует отметить высокую актуальность и практическую значимость представленного в этой статье исследования, а также глубину и комплексный характер правового анализа. Работа обращается к одной из наиболее острых проблем современности – регулированию деятельности частных космических компаний, что особенно важно в контексте активного развития коммерческого космоса и деятельности таких компаний, как SpaceX и Blue Origin, при этом автор не только выявляет проблемы, но и предлагает конкретные пути их решения через модернизацию международного космического права. Кроме того, автор демонстрирует основательное знание международного космического права, проводя детальный анализ пяти основных международно-правовых актов (Договор 1967 г., Соглашение о спасании космонавтов 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб 1971 г., Конвенция о регистрации объектов 1976 г., Соглашение о Луне 1979 г.) и выявляя конкретные правовые коллизии между международным правом и национальным законодательством США. Однако отсутствие презентационных атрибутов научной статьи (описания предмета исследования и его теоретико-методологической базы) и особенно чрезмерное количество грамматических ошибок вынудили рецензента рекомендовать статью к доработке.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, практически полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, юристов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, международного права и космического права, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный

материал соответствует тематике журнала «Мировая политика» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает правовое регулирование деятельности частных космических компаний.

Методология исследования базируется на использовании сравнительно-правового и институционального анализа, а также метода case-study (по материалам SpaceX и Blue Origin), изучении международных договоров и национального законодательства США.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что технологический прогресс и коммерциализация, вызванная ростом частных компаний и государственно-частного партнерства, создали не только новые возможности, но и новые угрозы, а международное космическое право, основанное на реалиях 1960–1970-х гг., на сегодняшний день не способно отвечать современным вызовам.

Научная новизна рецензируемого исследования заключается в представленных результатах сравнительного анализа деятельности крупных компаний США, проведенного авторами для изучения международно-правовой базы регулирования деятельности частных космических компаний, выявления несоответствия существующего законодательства современным реалиям, а также сформулированным предложениям по его улучшению.

Структурно в статье выделены следующие разделы и подразделы: Введение, Правовая регуляция деятельности частных компаний в США в контексте международного космического права, Деятельность частных компаний США в космосе и современное состояние развития космических программ в США, Проблемы современного международного космического законодательства и пути их решения, Заключение и Библиография.

В публикации рассматриваются противоречия между устаревшими нормами международного космического права и стремительно развивающейся деятельностью частных космических компаний; исследуются правовые пробелы, связанные с коммерциализацией космоса, и их последствия для международной безопасности. В работе изучены риски использования частных спутниковых сетей (например, Starlink в конфликте на Украине) и указано на отсутствие их регулирования. Авторы приходят к выводу, что без модернизации международного права космос превратится в арену конфликтов, где частные компании станут инструментом государственной политики и государственной деятельности.

Библиографический список включает 39 источников – интернет-ресурсы, а также современные научные публикации зарубежных и отечественных авторов по рассматриваемой теме на иностранных и русском языках. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков работы стоит отметить следующие. Во-первых, публикация перегружена техническими деталями, например, описанием ракетных программ SpaceX. Во-вторых, не достаточно полно освещены работы и мнения российских экспертов по космическому праву – ведь статья публикуется в российском научном журнале по политическим наукам. В-третьих, авторами не соблюдены требования принятых редакцией Правил оформления Списка литературы, в соответствии с которыми Интернет-источники,

включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах в списке литературы не указываются, а упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Мировая политика», отражает результаты проведенного авторами исследования, может вызвать интерес у читателей, но статья требует доработки в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена актуальной и значимой проблематике международного космического права в контексте регулирования деятельности частных космических компаний на примере США, что в полной мере соответствует тематике журнала «Мировая политика». Автор проводит всесторонний анализ существующих международных договоров, национального законодательства США и практики крупнейших частных игроков рынка, таких как SpaceX и Blue Origin. Методологически работа опирается на сравнительно-правовой, институциональный анализ и кейс-стади, что позволяет выявить «серые зоны» регулирования и противоречия между международным и национальным правом. Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку бурное развитие коммерческого космоса создает новые вызовы для международной безопасности и правового порядка, а существующая нормативная база, сформированная в эпоху холодной войны, действительно устарела и не учитывает современные реалии.

Научная новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении проблем взаимодействия международного космического права и национальных режимов регулирования частных компаний на примере США, а также в предложении конкретных мер по модернизации международного правового поля, включая создание всеобъемлющего «Космического кодекса» и усиление роли Комитета ООН по использованию космического пространства. Анализ конкретных кейсов SpaceX и Blue Origin демонстрирует не только технические и коммерческие аспекты, но и геополитические последствия монополизации космоса частными игроками, что расширяет понимание проблемы.

Структура статьи логична и последовательна, разделы четко выделены, что облегчает восприятие материала. Однако местами текст перегружен детальными описаниями корпоративных историй и технических характеристик, что несколько снижает фокус на правовых и политических аспектах, являющихся ядром исследования. Стил изложения выдержан в академическом ключе, но избыточное количество фактов и цитат иногда затрудняет выделение главных идей. Автору статьи стоит уделить больше внимания синтезу информации и формулировке четких выводов по каждому из ключевых разделов.

Библиография статьи представлена широко и включает как классические международные документы, так и современные исследования и отчеты профильных организаций, что свидетельствует о тщательном подходе к источникам и обеспечивает надежную основу для анализа. При этом в тексте можно было бы активнее использовать критику оппонентов и альтернативные точки зрения, что повысило бы дискуссионность и научную глубину работы.

В целом, статья представляет значительный интерес для специалистов в области международного права, политики и безопасности, а также для практиков космической индустрии. Предложенные рекомендации по реформированию международного космического права и усилению контроля за деятельностью частных компаний актуальны и своевременны. Несмотря на наличие некоторых избыточных описательных фрагментов, статья соответствует предъявляемым требованиям и может быть рекомендована к публикации без внесения значительных исправлений.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Пекшен Д. Реализм и конструктивизм в отношениях между Турцией и Фанарским Патриархатом: безопасность, идентичность и нормативные конфликты // Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75573 EDN: REDAGG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75573

Реализм и конструктивизм в отношениях между Турцией и Фанарским Патриархатом: безопасность, идентичность и нормативные конфликты

Пекшен Джелал

ORCID: 0000-0003-3531-2373

аспирант; кафедра Сравнительная политология; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ celalpeksen@yandex.com

[Статья из рубрики "История международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75573

EDN:

REDAGG

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2025

Дата публикации:

20-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является анализ отношений между Турцией и Фанарским греческим патриархатом в контексте международных теорий – реализма и конструктивизма. Объектом исследования выступают политико-правовые и идейные основы взаимодействия сторон, формировавшиеся под влиянием исторической памяти, нормативных дискурсов и соображений безопасности. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как восприятие Патриархата Турцией в качестве угрозы национальному суверенитету, его притязания на «экуменический» статус и международное признание, а также роль США, Европейского союза и Греции в поддержке этих притязаний. Особое внимание уделяется тому, как реализм объясняет защитные рефлексy Турции через призму безопасности и баланса сил, а конструктивизм

раскрывает процессы формирования идентичности и легитимации дискурсов. В совокупности работа демонстрирует многослойность проблемы, находящейся на пересечении борьбы за власть, нормативных конфликтов и идентичностных противоречий. Методология исследования основана на сравнительном теоретическом анализе реализма и конструктивизма, дискурсивном подходе и учёте исторической памяти. Используются примеры, такие как Лозаннский договор, закрытие Халкинской богословской школы и международные отчёты, чтобы выявить взаимосвязь безопасности, идентичности и норм. Основными выводами проведенного исследования являются выявление взаимосвязи между вопросами безопасности, идентичности и международного нормативного давления в отношениях между Турцией и Фанарским патриархатом. Особым вкладом автора в исследование темы является применение одновременно реалистической и конструктивистской перспектив, что позволяет показать ограниченность одномерных объяснений и необходимость теоретического плюрализма. Новизна исследования заключается в том, что проблема Патриархата рассматривается не только как религиозный или юридический вопрос, но и как многослойное явление, включающее в себя историческую память, конструирование национальной идентичности и нормативные дискурсы. В работе подчеркивается, что реализм объясняет стремление Турции к сохранению статус-кво, а конструктивизм раскрывает механизмы легитимации этого статус-кво через нормы и идентичность. Таким образом, исследование вносит вклад в более глубокое понимание роли религиозных институтов в международных отношениях.

Ключевые слова:

Реализм, Конструктивизм, Безопасность, Идентичность, Нормы, Турция, Фанарский Патриархат, Суверенитет, Халкинская богословская школа, Международные отношения

Введение

Теоретические дискуссии, направленные на объяснение поведения государств в области международных отношений, сформировались на основе предпосылок, выдвигаемых различными парадигмами. Реализм утверждает, что для сохранения своего существования в условиях анархической природы международной системы государства уделяют основное внимание вопросам безопасности, суверенитета и баланса сил. В свою очередь, конструктивизм подчёркивает, что интересы и восприятие угроз государствами определяются не только материальными условиями, но и постоянно воспроизводятся посредством идентичностей, норм и дискурсов. Различие между этими двумя подходами заключается в том, можно ли свести международную политику только к борьбе за власть или следует учитывать процессы социального конструирования.

Отношения между Турцией и Фанарским Патриархатом представляют собой чрезвычайно показательный пример, позволяющий проверить объяснительную силу этих двух теоретических рамок. Историческое наследие, унаследованное Патриархатом от Византии, его претензии на экуменизм и поддержка со стороны международных акторов (США, Европейский союз, Греция), а также приоритеты Анкары с момента основания Республики в области суверенитета, безопасности и светскости показывают, что этот вопрос формируется не только в контексте религиозных свобод, но и на геополитическом и идентичностном уровнях.

В последние годы Османской империи Патриархат, связанный с националистическими

восстаниями и рассматриваемый как инструмент внешнего вмешательства, в период Республики также воспринимался с аналогичной точки зрения безопасности; эта историческая преемственность сыграла решающую роль в переносе данного вопроса в современность.

Действительно, притязания Фанарского Патриархата на «экуменический» статус с точки зрения Турции воспринимаются не только как спор о религиозной власти, но и как прямой вызов национальному суверенитету и унитарному устройству государства. В этом контексте реализм выявляет экзистенциальные опасения государств, их рефлекс защиты статус-кво и логику борьбы за власть, а конструктивизм подчёркивает, что определение Фанарского Патриархата Турцией как «местного религиозного учреждения» на самом деле основано на процессе воспроизводства понимания секуляризма и национальной идентичности. Другими словами, реализм объясняет, почему Турция стремится сохранить статус-кво, а конструктивизм показывает, через какую историческую память, конструирование идентичности и нормативные дискурсы этот статус-кво легитимируется.

В этом контексте закрытие Халкинской богословской школы, критика в докладах Европейского союза о прогрессе, отчёты США о свободе вероисповедания и поиски Фанарским Патриархатом международной идентичности представляют собой конкретные проявления того, как взаимосвязаны вопросы безопасности, идентичности и нормативного давления. Таким образом, отношения между Турцией и Фанарским Патриархатом являются слишком многослойными, чтобы их можно было объяснить в одномерных рамках. Этот вопрос, находящийся на пересечении борьбы за власть и интересов, а также конфликтов идентичности и нормативных противоречий, демонстрирует важность теоретического плюрализма в дисциплине международных отношений.

Данная работа направлена на изучение отношений между Турцией и Фанарским Патриархатом с точки зрения реализма и конструктивизма, а также на обсуждение того, как вопросы безопасности, формирование идентичности и международное нормативное давление взаимосвязаны друг с другом.

1. 1. Спор между реализмом и конструктивизмом

1.1.Объяснительная сила реализма: власть, интересы и господство

В дисциплине международных отношений реализм считается одним из наиболее влиятельных подходов к пониманию поведения государств. Реализм основывается на предпосылке об анархической природе международной системы. Иными словами, не существует центральной власти, которая могла бы установить свой авторитет над государствами. Эта ситуация вынуждает государства постоянно находиться в состоянии готовности, чтобы обеспечить свою безопасность и защитить свои интересы. Таким образом, государства вступают в борьбу за власть как на военном, так и на дипломатическом уровне.

Согласно реалистической теории, забота о безопасности является основной мотивацией существования государств. Суверенитет и баланс сил выступают ключевыми факторами, определяющими процессы принятия решений государствами. Политика Турции в отношении Фанарского Патриархата также приобретает смысл, если рассматривать её с этой точки зрения. Вопрос о Патриархате — это не только дискуссия о реализации религиозных свобод, но и проявление рефлексов Турции в области безопасности и чувствительности к вопросам суверенитета.

Восприятие Турцией Патриархата в контексте безопасности и суверенитета уходит своими корнями в последние десятилетия Османской империи. В XIX веке, особенно в ходе греческого движения за независимость, связь Патриархата с националистическими восстаниями и его использование в качестве инструмента вмешательства России и западных держав привели к тому, что османское правительство стало рассматривать Патриархат не только как религиозного, но и как политического актора. Этот исторический опыт закрепил восприятие Патриархата как «угрозы, связанной с внешним вмешательством», и был унаследован официальным дискурсом Турции в период Республики. Таким образом, предусмотренный реализмом рефлекс безопасности был передан от Османской империи к современной Турции в рамках исторической преемственности.

Один из основателей реализма, Ганс Моргентау, считал, что основой международной политики является неизменная черта человеческой природы — стремление к власти. По его мнению, международные отношения, как и другие сферы общественной жизни, подчиняются объективным законам, укоренённым в человеческой природе. Моргентау объяснял свой подход тем, что политика подчиняется именно этим объективным законам и отмечал, что для развития общества необходимо прежде всего понять их [\[1, с. 4\]](#). Такая точка зрения демонстрирует, что международная политика формируется не идеалистическими ожиданиями, а динамикой, вытекающей из конфликтного характера человеческой природы.

Ганс Моргентау определял понятие «интереса», занимающее центральное место в реалистической теории, через призму силы. По его мнению, наиболее важным признаком, позволяющим реалистическому подходу занять своё место в сложной природе международной политики, является определение интереса на основе категории силы [\[1, с. 5\]](#). Такой акцент показывает, что поведение государств следует оценивать не столько с моральной или идеологической точки зрения, сколько в контексте соотношения сил.

Эта позиция находит своё выражение в отказе Турции, основанном на Лозаннском договоре, признать «экуменический» статус Фанарского Патриархата. Анкара оправдывает этот отказ не столько религиозными соображениями, сколько рефлексом защиты своих суверенных прав, тем самым определяя национальные интересы через баланс сил — так, как предсказывал Моргентау. Статьи Лозаннского мирного договора, касающиеся меньшинств, при рассмотрении вместе с протоколами заседаний показывают, что Патриархат не имеет больших полномочий или прав, чем любая церковь или синагога, принадлежащая национальным меньшинствам [\[2, с. 4\]](#).

С этой точки зрения политика Турции в отношении Фанарского Патриархата не ограничивается лишь дискуссией о религиозных свободах или правах меньшинств. Напротив, притязания Патриархата на экуменизм и стремление к международному статусу воспринимаются Анкарой как угроза, непосредственно затрагивающая национальные интересы и способная привести к изменению существующего баланса сил. Эта ситуация показывает, насколько принцип реализма — «определение интересов на основе силы» — помогает понять ограничительные рефлексy Турции. В турецком обществе это вызывает подозрение, что за данным вопросом стоят не столько религиозные соображения, сколько империалистические цели [\[3, с. 1\]](#).

Когда данный подход реализма применяется к отношениям между Турцией и Фанарским Патриархатом, становится очевидным, что этот вопрос необходимо рассматривать не

только в контексте религиозной свободы, но и в контексте борьбы за власть и интересы. Притязания Патриархата на экуменизм и стремление к международному статусу с точки зрения Турции выходят за рамки юридической дискуссии и интерпретируются как конкретное проявление силовой политики в рамках реалистической парадигмы.

Реализм фокусируется на поведении государств, ориентированном на безопасность и суверенитет. В этой теоретической рамке такие понятия, как «естественные границы» или «исторические права», превращаются в инструменты, легитимирующие борьбу государств за власть. Государства, которые считают себя «лишёнными», могут стремиться к расширению на основе этих аргументов с целью обеспечения своей безопасности. Таким образом, требование безопасности становится основанием для легитимации не только оборонительных политик, но и экспансионистских стратегий.

Неореалистический подход Кеннета Уолтца подчёркивает, что государства вынуждены действовать в соответствии с принципом «самопомощи» в анархической международной системе. По мнению Уолтца, в отсутствие центральной власти каждое государство должно самостоятельно взять на себя ответственность за обеспечение своей безопасности [\[4, с. 104\]](#). Эти условия побуждают государства не только защищать своё существование, но и сохранять существующее распределение сил.

В этом контексте можно рассматривать и решение Турции о закрытии Халкинской богословской школы. Закрытие школы в 1971 году было не просто мерой в сфере образования, а результатом рефлекса сохранения существующего статус-кво в условиях напряжённости в отношениях с Грецией и кипрского кризиса. Акцент Уолтца на статус-кво напрямую совпадает с этим решением Турции.

В этом контексте «рефлекс сохранения статус-кво» выделяется как одна из основных моделей поведения государств. Политика Турции в отношении Фанарского Патриархата также может быть интерпретирована в соответствии с этой логикой. Лозаннский договор является в данном контексте поворотным моментом. Во время переговоров турецкая делегация сочла возможность получения Патриархатом международного статуса неприемлемой с точки зрения суверенитета новообразованной Республики и добилась того, что Патриархат был определён исключительно как религиозное учреждение, обслуживающее греческую общину Стамбула.

Эта позиция, в соответствии с принципом реализма «определение интересов через силу», основывалась не на религиозных или идеологических соображениях, а на рефлексе защиты суверенитета. В то же время «локализация» Патриархата стала центральным шагом в построении светского и унитарного государства. Таким образом, в процессе Лозаннской конференции переплелись как логика безопасности и интересов реалистической парадигмы, так и аспект формирования идентичности конструктивистской парадигмы. Настолько, что во время переговоров на Лозаннской мирной конференции турецкая делегация обращала внимание на негативные события, в которых в прошлом был замешан Фанарский Патриархат, и на его пагубную деятельность, но не добилась успеха [\[5, с. 61\]](#).

Таким образом, Турция, как и предсказывал Уолтц, сосредоточена на сохранении статус-кво для обеспечения своей безопасности. В этом контексте попытки Фанарского Патриархата интернационализироваться воспринимаются не только как религиозный или юридический спор, но и как угроза существующему порядку, то есть как прямой вызов статус-кво. Одно из наиболее ярких проявлений этого статус-кво-рефлекса произошло во время турецко-греческой напряжённости в 1950–1960-е годы.

События 6–7 сентября 1955 года ещё более усугубили положение Патриархата в Турции, и вместе с греческим меньшинством он стал рассматриваться как потенциальный фактор риска для национальной безопасности. В 1964 году, в период обострения кипрского вопроса, правительственный указ о высылке священнослужителей греческого происхождения привёл к серьёзному ослаблению международного кадрового состава Патриархата.

Эта политика Анкары, как подчёркивал Уолтц, является конкретным примером рефлекса безопасности, направленного на сохранение статус-кво с помощью логики «самопомощи» в анархической системе. В то же время эти события с конструктивистской точки зрения показывают, что Турция формирует ощущение угрозы идентичности, отождествляя греческую идентичность с «внешней греческой угрозой».

Агрессивный реализм Джона Дж. Миршаймера утверждает, что государства по своей природе обладают способностью к агрессии и никогда не могут быть уверены в намерениях других государств [6, с. 71]. Этот подход предполагает существование постоянной атмосферы недоверия в международной системе. В этом контексте становится понятным, почему Турция рассматривает Фанарский Патриархат как потенциальную угрозу не только из-за его нынешней деятельности, но и из-за возможных последствий, которые он может иметь в будущем. Например, поиски Патриархатом международной поддержки — особенно акцентирование его «экуменического» статуса в докладах США и ЕС — воспринимаются Анкарой как козырь, который в дальнейшем может быть использован для вмешательства во внутренние дела Турции. Это полностью соответствует логике «постоянного недоверия, вызванного неопределёнными намерениями», предсказанной агрессивным реализмом Миршаймера.

Наиболее ярким проявлением этого защитного рефлекса на институциональном уровне стало закрытие в 1971 году Халкинской богословской школы. Решение Конституционного суда, предусматривающее невозможность функционирования частных высших учебных заведений вне контроля государства, было расценено не только как мера в сфере образования, но и как мера безопасности в контексте турецко-греческой напряжённости, вызванной кипрским вопросом.

С точки зрения Турции, превращение школы в международный религиозный центр означало потенциальную угрозу, которая могла бы ущемить её суверенные права и быть использована внешними силами в качестве средства вмешательства. В реалистическом контексте это решение стало конкретным проявлением рефлекса сохранения статус-кво, предсказанного Уолтцем, и логики «постоянной готовности к неопределённым намерениям», о которой писал Миршаймер. В то же время формирование идентичности на основе принципа секуляризма послужило нормативной основой для закрытия школы. Таким образом, данный вопрос переплетается как в логике силы и интересов, так и в логике идентичности и дискурса.

Согласно реалистической теории, распределение власти является основной заботой государств, однако акторы стремятся сохранить эту власть и поддерживать существующий баланс [1, с. 53]. В контексте Турции реалистическая перспектива рассматривает Фанарский Патриархат как потенциальную угрозу суверенитету государства. Ведь «экуменический» статус Патриархата, позволяющий ему представлять православные общины как внутри страны, так и за рубежом, даёт возможность напрямую влиять на центральную власть.

Считается, что стратегия Запада в отношении Патриархата носит поэтапный характер. Эта

стратегия предполагает, во-первых, признание экуменического статуса на международном уровне, затем интернационализацию Стамбула и, в конечном итоге, придание Патриархату «статуса, подобного статусу Ватикана» [\[7, с. 239\]](#). Такая перспектива представляет собой для Турции не только вопрос свободы вероисповедания, но и проблему, непосредственно затрагивающую вопросы национальной безопасности и суверенитета.

В рамках реалистической логики каждое государство стремится обеспечить абсолютный контроль над всеми учреждениями и меньшинствами на своей территории. В этом контексте Турция склонна рассматривать стремление Фанарского Патриархата к получению международного статуса или попытки заручиться зарубежной поддержкой не только как институциональное требование, но и как угрозу безопасности, означающую вмешательство во внутренние дела страны. Данный рефлекс безопасности в основном обусловлен необходимостью защиты стратегических интересов Турции и сохранения национального суверенитета.

Действительно, в ежегодно публикуемых Государственным департаментом США отчётах о правах человека и свободе вероисповедания содержатся различные критические замечания в отношении положения Фанарского Патриархата в Турции. В этих отчётах подчёркивается необходимость международного признания «экуменического» статуса Патриархата, и в этом контексте на Турцию оказывается нормативное давление [\[8, с. 10\]](#).

Аналогичным образом, в отчётах о прогрессе, опубликованных Европейским союзом в разное время, также уделяется внимание вопросу о Фанарском Патриархате. В этих отчётах Турции даются различные рекомендации в контексте свободы мысли и вероисповедания, и в частности выражаются ожидания в отношении необходимости признания «экуменического» титула Патриархата [\[9, с. 32\]](#). Таким образом, Патриархат становится центральным элементом нормативного давления со стороны как США, так и ЕС в контексте дискурса о демократизации и правах человека в Турции.

С другой стороны, требования Европейского союза о возобновлении деятельности Халкинской богословской школы воспринимаются Турцией не только как вопрос технического согласования, но и как навязывание идентичности и норм. Светский и унитарный государственный строй Турции вступает в прямое противоречие с подобным рода давлением. Действительно, в то время как открытие Халкинской богословской школы навязывается в качестве критерия ЕС, существует опасность того, что разрешение на её возобновление в процессе вступления Турции в ЕС станет прецедентом для открытия других религиозных школ [\[10, с. 105\]](#).

Стремление Фанарского Патриархата к получению статуса, поддерживаемое международными игроками (США, ЕС и Грецией), рассматривается Анкарой как угроза национальной безопасности. Действительно, реализм именно в этом вопросе, выходя за рамки нормативных дискуссий и религиозных аргументов, предлагает наиболее подходящую теоретическую основу для объяснения поведения государств, ориентированного на силу и интересы.

С реалистической точки зрения Фанарский Патриархат является не только религиозной институцией, но и политическим актором, оцениваемым с позиции суверенитета и безопасности. Притязания Патриархата на экуменизм и стремление к приобретению международного статуса воспринимаются Турцией как угроза неделимости страны, а также как козырь, который может быть использован такими акторами, как США, Европейский Союз и, в особенности, Греция, для вмешательства во внутреннюю

политику. Поэтому ограничение статуса и деятельности Патриархата является для Турции не только юридическим выбором, но и неотъемлемой частью стратегии защиты суверенитета и обеспечения национальной безопасности.

В этом контексте Турция продолжает проводить политику, направленную на то, чтобы определять Фанарский Патриархат как «внутренний вопрос» и препятствовать получению им титула «экуменического». Такой подход представляет собой реакцию, соответствующую логике борьбы за власть, предусмотренной реализмом. Притязания Патриархата на экуменизм рассматриваются как угроза национальному суверенитету в свете исторических чувствительных моментов, усугублённых поддержкой немусульманских общин внешними силами в последние годы существования Османской империи. В частности, напряжённость в отношениях с Грецией усиливает опасения по поводу того, что Патриархат может быть использован в качестве разменной монеты на международной арене.

Кроме того, регулярное упоминание Патриархата в ежегодных отчётах США о свободе вероисповедания с реалистической точки зрения рассматривается как средство геополитического давления на Турцию. Анкара воспринимает эти заявления как попытку вмешательства во внутренние дела и разрабатывает политику, ограничивающую международную активность Патриархата. Таким образом, вопрос о Патриархате является конкретным проявлением продолжающейся борьбы за власть между Турцией и внешними игроками. Стратегия Турции заключается в том, чтобы сохранить Патриархат на уровне местной религиозной институции и не допустить его превращения в международный религиозный авторитет.

В 2000-х годах доклады Европейского союза о прогрессе и ежегодные доклады США о свободе вероисповедания постоянно держали вопрос о Фанарском Патриархате на повестке дня, усиливая нормативное давление на Турцию. В этих отчётах выдвигались требования о возобновлении деятельности Халкинской богословской школы, признании Патриархата в качестве юридического лица и признании титула «экуменический» на международном уровне.

С точки зрения Анкары, эти требования воспринимались как попытки, выходящие за рамки национального суверенитета и представляющие собой вмешательство во внутренние дела страны. С реалистической точки зрения эта ситуация является отражением геополитического давления на Турцию; с конструктивистской точки зрения она представляет собой конкретный пример стремления ЕС и США придать Патриархату международный статус посредством нормативных дискурсов, таких как права человека, права меньшинств и религиозный плюрализм.

Таким образом, период после 2000 года наиболее явно объединил в себе как аспект борьбы за власть, так и аспект конфликта нормативных идентичностей в вопросе о Патриархате.

1.2. Вклад конструктивизма: идентичность, нормы и дискурс

Акцент реализма на силе и расчёте интересов, хотя и предоставляет важную основу для объяснения политики Турции в отношении Фанарского Патриархата, сам по себе недостаточен. Ведь вопрос о Патриархате формируется не только в контексте баланса сил, но и в рамках исторической памяти, конструирования идентичности и нормативных конфликтов. Дискурс Турции в отношении Патриархата основан не только на рефлексам государства в области безопасности, но и на идеологических установках, таких как защита национальной идентичности и поддержание принципов секуляризма. Поэтому

реалистическая парадигма, сосредоточенная исключительно на борьбе за власть, не способна в полной мере объяснить положение Патриархата на международной арене и нормативные взаимодействия между различными акторами.

Именно в этом отношении конструктивизм предоставляет дополняющую перспективу. Конструктивистский подход утверждает, что в международной политике интересы и восприятие угроз формируются не только материальными отношениями силы, но и дискурсами, идентичностями и нормами. Конструктивизм, исходящий из того, что идентичности составляют основу интересов, отмечает, что у акторов нет заранее заданного «портфеля» интересов, а интересы определяются в процессе интерпретации ситуации [11, с. 231]. Таким образом, в примере с Патриархатом интересы Турции не являются заранее данной реальностью, а воспроизводятся в рамках исторической памяти и идеологической структуры национальной идентичности.

Это идентичностное построение укрепляется не только дипломатическими заявлениями, но и комментариями в СМИ, внутренней политике и международном праве. Во время событий 6–7 сентября 1955 года заголовки в прессе связывали Фанарский Патриархат с «греческим заговором» и «угрозой национальной безопасности», усиливая в общественном сознании восприятие Патриархата как фактора национального риска [12, с. 45]. Турция сформировалась как светское национальное государство [13, с. 25]. Эта философия основания страны определила притязания Патриархата на экуменизм не только как теологическую дискуссию, но и как вызов идентичности, направленный против основополагающих принципов Республики. В соответствии с данной риторикой положения Лозаннского мирного договора были интерпретированы таким образом, что Патриархату не был предоставлен какой-либо международный статус, что стало частью идентичностного и нормативного строительства [14, с. 25].

Эти основополагающие принципы, в рамках которых Патриархат определяет себя как «экуменическую» власть, бросают вызов идентичности, сконструированной Турцией, и прямо противоречат пониманию национального суверенитета. В этом контексте то, как стороны определяют друг друга с точки зрения идентичности, во многом предопределяет характер конфликта. Таким образом, вопрос о Патриархате — это не только борьба за власть, как это предусмотрено реалистической парадигмой, но и поле противостояния, где пересекаются идентичности, нормы и дискурсы.

В конструктивистском анализе отношений между Турцией и Фанарским Патриархатом видно, что позиции сторон формируются не только на основе материальных интересов или соображений безопасности, но главным образом на основе социально сконструированных идентичностей и нормативных рамок. Кемализм — идеология-основатель Турецкой Республики — и движения меньшинств, возникшие в период распада Османской империи, сформировали идентичность государства как «светского и унитарного национального государства». Эта идентичность основана на менталитете, отвергающем вмешательство религиозных авторитетов в политическую сферу, подчёркивающим абсолютный внутренний суверенитет и воспринимающим любое этническое или религиозное сепаратистское движение как угрозу самому существованию.

В противовес этому Фанарский Патриархат сформировал институциональную идентичность, присвоившую себе византийское наследие и определившую себя как «Вселенский патриарх». Эта идентичность предполагает претензию на духовное лидерство не только над греческой православной общиной в Турции, но и над

православными общинами во всём мире. Таким образом, притязание Патриархата на универсальную религиозную власть прямо противоречит пониманию Патриархата как «местной религиозной институции», ограниченной национальными границами Турции.

Одним из важных факторов в отношениях между Турцией и Фанарским Патриархатом является нормативная риторика международных акторов. Отчёты Европейского союза о прогрессе и оценки Соединённых Штатов Америки в отношении религиозных свобод выносят статус Патриархата на повестку дня, оказывая нормативное давление на Турцию. Такие внешние дискурсы в большинстве случаев воспринимаются Турцией как «вмешательство во внутренние дела» и усиливают защитные рефлексy, питаемые национальной идентичностью.

Если рассматривать этот вопрос с конструктивистской точки зрения, то следует отметить определяющую роль международных норм. Нормы, как «коллективные ожидания, определяющие соблюдение определённых стандартов поведения», формируют действия государств, легитимируют их или осуждают [\[15, с. 891\]](#). В этом контексте нормы напрямую влияют на то, как государства определяют свои интересы и какие виды поведения считаются приемлемыми. Нормативная трансформация в большинстве случаев происходит благодаря усилиям инициаторов норм и посредничеству международных институтов.

Конструктивистский подход, вместо того чтобы объяснять данный процесс исключительно борьбой за власть или расчётами интересов, учитывает взаимное формирование идентичностей, роль нормативных ожиданий и влияние международных дискурсов. Таким образом, он позволяет интерпретировать политику Турции в отношении Фанарского Патриархата не столько как результат стремления к суверенитету, сколько как продукт идентичностных конфликтов и нормативных взаимодействий.

2 . 2 . Пример Халкинской богословской школы: чувствительность к вопросам суверенитета и конфликт идентичности

2.1. Реалистическая перспектива: суверенитет и рефлекс безопасности

Вопрос о Халкинской богословской школе является одним из важнейших предметов дискуссии в Турции не только в контексте религиозных свобод, но и в рамках чувствительности к вопросам суверенитета и безопасности. История школы тесно связана с международными событиями и внутренней политической динамикой. Особенно в годы холодной войны напряжённость в турецко-греческих отношениях, кипрский вопрос и притязания Фанарского Патриархата на экуменизм вывели функции этого учреждения за рамки чисто образовательной деятельности. Таким образом, дискуссии о закрытии или повторном открытии школы напрямую связаны с рефлексами национальной безопасности Турции и её положением в международной системе.

Вопрос о закрытии Халкинской богословской школы, если рассматривать его в контексте реалистического подхода к вопросам суверенитета и безопасности, выходит за рамки дискуссии об образовательном учреждении и напрямую связан с экзистенциальными проблемами государства. Решение Конституционного суда Турции 1971 года запретило частным высшим учебным заведениям функционировать вне контроля государства, и в связи с этим школа была закрыта. Однако это решение являлось не только образовательной мерой, но и отражением турецко-греческой напряжённости, усилившейся в контексте кипрского вопроса того периода. Существовало устойчивое мнение о том, что приобретение школой международного статуса могло быть

использовано как инструмент вмешательства во внутренние дела Турции [\[16, с. 2439\]](#).

Рост числа иностранных студентов в Халкинской школе с 1960-х годов был истолкован как отход от её первоначальных целей и превращение в структуру, обслуживающую экуменические притязания Фанарского Патриархата. По этой причине 30 мая 1963 года общим распоряжением решение 1951 года было отменено. Несмотря на усилия патриарха Афинагораса преобразовать школу в теологический факультет, длительное время утверждалось, что учреждение «служит греческим национальным идеалам». В 1971 году, в соответствии с решением Конституционного суда, школа была включена в процесс закрытия частных высших учебных заведений и с 9 июля 1971 года фактически прекратила своё существование, утратив юридический статус [\[17, с. 200\]](#).

Оценки Турции в тот период о том, что Халкинская богословская школа «служит греческим национальным идеалам», являются отражением реалистичной логики восприятия потенциальных угроз в международной системе на внутреннюю политику. Ведь согласно реализму, государства находятся в постоянной готовности не только к существующим угрозам, но и к потенциальным угрозам. Поэтому Халкинская богословская школа рассматривалась не только как религиозное учреждение, но и как элемент, который мог бы открыть дверь для возможных сепаратистских движений или иностранного вмешательства.

На последнем этапе, в 1971 году, в рамках решения Конституционного суда о закрытии частных высших учебных заведений, закрытие Халкинской богословской школы свидетельствует о том, что Турция приняла решение, приоритезирующее национальную безопасность, руководствуясь реалистическим подходом. Эта ситуация соответствует стратегии государства по защите своих интересов и укреплению суверенитета в условиях анархичной природы международной системы. Таким образом, вопрос о Халкинской богословской школе является примером, который можно объяснить логикой «борьбы за власть и защиты суверенитета», предусмотренной реалистической теорией.

С точки зрения Турции, вопрос о Халкинской богословской школе был интерпретирован в контексте защиты светского правопорядка и обеспечения национального суверенитета. Требование Патриархии о возобновлении работы школы рассматривалось в совокупности с намерением создать «международный центр теологии» и воспринималось как привилегия, выходящая за рамки суверенных прав, закреплённых Лозаннским договором [\[18, с. 127\]](#).

Поэтому отказ государства удовлетворить данное требование может быть объяснён как проявление рефлекса сохранения статус-кво, являющегося одним из ключевых постулатов реализма. В этом контексте решение Анкары о закрытии школы было продиктовано не только внутренними правовыми нормами, но и стремлением сохранить региональный баланс сил.

Закрытие Халкинской богословской школы, помимо устранения угроз безопасности, также предотвратило возможность её открытия как высшего учебного заведения, полностью подчинённого Патриархии. Такая перспектива, по мнению Анкары, представляла серьёзный риск для принципа конституционного равенства в Турции и создавала бы привилегии, не предоставляемые даже мусульманскому большинству [\[19, с. 383\]](#).

Таким образом, вопрос о повторном открытии Халкинской богословской школы рассматривается как потенциальная угроза не только в контексте защиты прав

меньшинств, но и в плане сохранения неделимой целостности и национальной безопасности Турции.

2.2. Конструктивистская перспектива: светскость и борьба за идентичность

Конструктивистский подход рассматривает вопрос о Халкинской богословской школе как процесс формирования идентичностей и интересов посредством социального взаимодействия. Официальная риторика Турции подчеркивает, что Патриархия является лишь «местной институцией, удовлетворяющей религиозные потребности греческих граждан Турции», в то время как Патриархия продолжает свои усилия по укреплению своей экуменической идентичности [20, с. 24]. В этом контексте дискуссия об открытии школы является проявлением конфликта идентичностей между рамками понимания секуляризма в Турции и претензиями Патриархии на экуменизм. Контроль со стороны государства, основанный на принципе секуляризма, направлен на предотвращение создания религиозными учреждениями независимой власти в публичной сфере. Требования Патриархии же выходят за эти рамки и указывают на стремление к созданию международной религиозной идентичности. Фактически эти требования можно рассматривать как поиск статуса за пределами внутреннего правопорядка Турции.

В то же время официальная позиция Турции отвергает утверждение об «экуменичности» как концепцию, не имеющую правового обоснования в Лозаннском договоре [21, с. 2]. Эта позиция является результатом стремления Турции сохранить свою национальную идентичность, основанную на принципе секуляризма. Признание Патриархата в качестве экуменической власти противоречит унитарному и светскому государственному устройству Турции. Сдержанный подход Анкары к требованиям о возобновлении деятельности Халкинской богословской школы также основан на принципе светскости. В Конституции Турции четко указано, что религиозное образование может осуществляться только под контролем государства. Поэтому открытие школы под контролем Патриархии и с международным статусом рассматривается не только как вопрос образования, но и как нормативное требование, противоречащее идентичности национального государства.

Таким образом, с точки зрения конструктивизма, этот вопрос можно рассматривать как борьбу за идентичность между процессом формирования национальной идентичности Турции на основе принципов секуляризма и унитарного государства и укреплением международной идентичности Патриархии на основе экуменизма.

Заключение

Отношения между Турцией и Фанарским патриархатом являются одним из наиболее ярких примеров, на которых можно проверить объясняющую силу теорий международных отношений. Реалистическая перспектива объясняет политику Анкары, выдвигая на первый план лежащие в основе этих отношений соображения безопасности, суверенные рефлексы и стремление к балансу сил. Притязания Патриархии на экуменический статус и стремление к международной легитимности рассматриваются Турцией не только как вопрос религиозной свободы, но и как стратегическая проблема, непосредственно угрожающая национальной целостности. Историческая память, унаследованная от Османской империи, региональные напряжения, такие как кипрский кризис, и внешнее давление со стороны международных отчетов являются факторами, которые постоянно поддерживают реалистические рефлексы Турции.

Научная новизна данной работы заключается в углублённом анализе отношений между Турцией и Фанарским патриархатом с использованием как реалистической, так и

конструктивистской перспектив. В то время как предыдущие исследования в основном ограничивались описанием правового статуса Патриархии или отдельных исторических событий, в данной статье логика реализма, направленная на «сохранение статус-кво», и акцент конструктивизма на «формировании идентичности и норм» рассматриваются совместно и представлены как взаимодополняющие объяснительные рамки. Таким образом, проблема Патриархии осмысляется не только в контексте религиозных свобод или внешнеполитического давления, но и как многослойное явление, находящееся на пересечении вопросов безопасности, национальной идентичности и международных норм. В этом отношении работа подчёркивает важность теоретического плюрализма в международных отношениях и вносит оригинальный вклад в литературу, посвящённую изучению влияния религиозных институтов на международную политику.

Конструктивистский подход, однако, показывает, что данный вопрос не может быть объяснён исключительно с точки зрения силы и интересов; идентичности, дискурсы и нормы также оказывают влияние на этот процесс. Определение Патриархии Турцией как «местного религиозного учреждения» свидетельствует о воспроизводстве национальной идентичности на светской и унитарной основе. В то же время «экуменический» статус Патриархии бросает вызов данному конструированию идентичности и находит поддержку в международных нормативных рамках. В этом контексте проблема представляет собой не только борьбу за статус-кво, ориентированную на безопасность, но и многомерное международное конфликтное пространство, в котором пересекаются идентичности и нормы.

Возникающая картина показывает, что реализм и конструктивизм предлагают не взаимоисключающие, а взаимодополняющие перспективы. Реализм объясняет, почему Турция постоянно стремится сохранить статус-кво, а конструктивизм демонстрирует, через какую историческую память, конструирование идентичности и нормативные дискурсы этот статус-кво легитимируется. Закрытие Халкинской богословской школы, отчёты Европейского союза о прогрессе, акцент США на свободе вероисповедания и международные инициативы Патриархии выступают конкретными проявлениями данного многослойного конфликта.

В результате отношения между Турцией и Фанарским греческим патриархатом демонстрируют ограниченность одномерных объяснений в области международных отношений и подтверждают необходимость теоретического плюрализма. Данный вопрос представляет собой динамичную сферу, в которой безопасность, идентичность и нормы оказываются взаимосвязанными; историческая память формирует современную политическую практику; национальный суверенитет и международное нормативное давление находятся в состоянии постоянного конфликта. Таким образом, дискуссия о Патриархии предоставляет важные уроки не только для внутренней политической повестки Турции, но и для оценки применимости теорий международных отношений на глобальном уровне.

Библиография

1. Morgenthau, H. J., Thompson, K. W. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 6th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 659 p.
2. Yaşın, G. K. Fener Rum Patrikhanesi'nin Hukuki Statüsü // *Avrasya İncelemeleri Merkezi (AVİM) Analiz*. 2022. № 2022/23. С. 1-7.
3. Koç, Y. *Emperyalizm ve Patrikhane* // *Jeopolitik Dergisi*. 2007. № 1. С. 1-5.
4. Waltz, K. N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York: Columbia University Press, 2018. 263 p.

5. Şahin, S. Fener Rum Ortodoks Patrikhanesi // Diyanet Dergisi. 1992. T. 28. C. 37-73.
6. Mearsheimer, J. J. The False Promise of International Institutions // International Security. 1994–1995. Vol. 19, № 3. P. 5-49.
7. Çelik, M. Fener Patrikhanesi'nin Batı Destekli Ökumeniklik İddialarının Siyasal Açından Türkiye İçin Doğurduğu Tehlikeler // Beşinci Askeri Tarih Semineri Bildirileri. T. 1. 1996. C. 226-242.
8. U.S. Department of State. Turkey 2021 International Religious Freedom Report. Washington, DC: Office of International Religious Freedom, 2022. 26 p.
9. European Commission. Türkiye 2023 Report. Brussels: European Commission, 2023. 141 p.
10. Yalçın, E. Heybeliada Ruhban Okulu Yeniden Açılabilir mi? // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). 2013. T. 9, № 17 (Bahar). C. 105-134.
11. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 433 p.
12. Vryonis, S. The Mechanism of Catastrophe: The Turkish Pogrom of September 6-7, 1955, and the Destruction of the Greek Community of Istanbul. New York: Greekworks, 2005. 659 p.
13. Ahmad, F. Modern Türkiye'nin Oluşumu. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1995. 296 p.
14. Özel, S. Hukuki Açından Heybeliada Ruhban Okulu Meselesi // İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası. 2011. T. 64, № 1 (Temmuz). C. 25-48.
15. Finnemore, M., Sikkink, K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52, № 4 (Autumn: International Organization at Fifty). P. 887-917.
16. Yellice, G. The Halki Theological School Issue: The Closure of the School Amidst the Cyprus Crisis and Its Repercussions in Greece, 1955–1971 // Vakanüvis – Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi. 2024. T. 9. C. 2437–2480. DOI: 10.24186/vakanuvis.1557727.
17. Gökçen, S. Fener Rum Patrikhanesi'nin Hukuki Statüsü ve Heybeliada Ruhban Okulu'nu Açtırma Girişimleri // Atatürk Dergisi. 2010. T. 5, № 1 (Şubat). C. 185-222.
18. Yalçın, E. Heybeliada Ruhban Okulu'nun Yeniden Açılması // Atatürk Yolu Dergisi. 2008. T. 11, № 41 (Ocak). C. 125-158.
19. Yıldırım, Y. D. D. M. Düünden Bugüne Heybeliada Ruhban Okulu Sorunu ve Etrafındaki Tartışmalar // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2006. T. 15. C. 383-399.
20. Macar, E., Gökaçı, M. A. Heybeliada Ruhban Okulu'nun Geleceği Üzerine Tartışmalar ve Öneriler. İstanbul: TESEV Yayınları, 2005. 56 p.
21. Özel, S. Avrupa Konseyi Parlamenterler Meclisinin Türkiye ve Yunanistan'daki Azınlıklarla İlgili Din Özgürlüğü ve Diğer İnsan Hakları ile İlgili Kararı Üzerine Bir Değerlendirme // Avrupa Araştırmaları Dergisi. 2010. № 18. C. 1-35.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают отношения между Турецкой Республикой и Константинопольским Вселенским Патриархатом как многоуровневый феномен международной политики, в котором пересекаются проблемы государственного суверенитета, религиозной автономии, исторической памяти и геополитических интересов региональных и глобальных акторов, рассматриваемый через призму реалистической и конструктивистской парадигм теории международных отношений.

Рецензируемая работа обладает высокой научной актуальностью в контексте современных дискуссий о роли религиозных институтов в международной политике, особенно в условиях возрастающего влияния факторов идентичности на межгосударственные отношения, усиления геополитической конкуренции в регионе Восточного Средиземноморья и необходимости переосмысления классических подходов к анализу конфликтов между светскими государствами и транснациональными религиозными организациями. Практическая значимость исследования обусловлена тем фактом, что его результаты могут быть применены для разработки более эффективных стратегий урегулирования аналогичных конфликтов между государственным суверенитетом и религиозными притязаниями, для прогнозирования развития турецко-греческих отношений в религиозно-культурной сфере, а также для выработки рекомендаций международным организациям по работе с вопросами религиозных меньшинств и свободы вероисповедания в контексте национальной безопасности. К сожалению, сам автор, довольно обстоятельно рассмотрев различия между двумя ключевыми подходами в теории международных отношений, ничего не говорит о методологии собственного исследования. Но из контекста можно понять, что в основу работы был положен комплексный подход, сочетающий сравнительный анализ двух ведущих парадигм теории международных отношений – классического и неореализма (Моргентау, Уолтц, Миршаймер) с одной стороны, и социального конструктивизма – с другой. Автор применил метод *case study*, фокусируясь на отношениях Турции с Фанарским Патриархатом как репрезентативном примере для тестирования объяснительных возможностей обеих теоретических школ. Эмпирическая база включила широкий круг источников: исторические документы (включая материалы Лозаннской конференции), официальные заявления турецкого правительства, международные отчеты (ЕС, США), решения судебных органов, а также вторичные академические источники. Методологически работа строится на принципе теоретического плюрализма, демонстрируя комплементарность различных объяснительных подходов. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о концептуализации взаимодополняющей природы реалистической и конструктивистской объяснительных моделей: в работе показано, что в случае турецко-патриаршего конфликта реалистическая парадигма объясняет каузальные механизмы формирования государственной политики безопасности и сохранения статус-кво, тогда как конструктивистский подход раскрывает процессы легитимации этой политики через историческую память, национальную идентичность и нормативные дискурсы, что опровергает традиционное противопоставление этих теоретических школ как взаимоисключающих. Кроме того, выявлена и теоретически обоснована многоуровневая архитектура современного религиозно-политического конфликта: доказано, что спор вокруг статуса Константинопольского Патриархата представляет собой не локальную проблему религиозных свобод, а сложносоставной феномен, в котором одновременно проявляются логика национальной безопасности, процессы идентичностного конструирования, механизмы международного нормативного давления и геополитическая конкуренция, что требует пересмотра традиционных подходов к категоризации подобных конфликтов. Наконец, установлена и концептуализирована историческая преемственность паттернов восприятия религиозных угроз: в статье продемонстрировано, как османский исторический опыт инструментализации религиозных институтов внешними силами сформировал устойчивую когнитивную модель восприятия Патриархата в качестве потенциального агента иностранного влияния, которая была транслирована в республиканский период и продолжает определять логику современной турецкой политики, что вносит вклад в понимание роли

исторической памяти в формировании внешнеполитических предпочтений. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Хотя в нумерации разделов есть погрешности: нумерация подразделов дублирует нумерацию основных разделов («1.1.», «2.2.» и т. д.) Это нужно исправить ДО публикации статьи. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается актуальность ее исследования, аргументируется выбор отношений Турции с Фанарским Патриархатом как эмпирически богатого и теоретически значимого случая для проверки объяснительных возможностей обеих школ, а также формулируется исследовательская стратегия, направленная на выявление комплементарности различных теоретических подходов; - первый из двух содержательных разделов «Спор между реализмом и конструктивизмом», состоящий из двух подразделов – «Объяснительная сила реализма», где раскрывается реалистическое понимание турецкой политики в отношении Патриархата через ключевые концепты борьбы за власть, защиты суверенитета и обеспечения национальной безопасности, а также демонстрируется, как исторический опыт взаимодействия Османской империи с религиозными институтами в контексте внешних вмешательств сформировал устойчивые рефлексии современного турецкого государства, направленные на сохранение существующего статус-кво и предотвращение интернационализации внутренних религиозных вопросов; и «Вклад конструктивизма, где представлена альтернативная объяснительная перспектива, сфокусированная на процессах социального конструирования идентичностей, норм и дискурсов, показано, как светская и унитарная национальная идентичность современной Турции вступает в противоречие с экуменическими притязаниями Патриархата, а также анализируется роль международного нормативного давления в формировании позиций сторон конфликта; - второй содержательный раздел «Пример Халкинской богословской школы», также состоящий из двух подразделов – «Реалистическая перспектива: суверенитет и рефлекс безопасности», где анализируется закрытие Халкинской богословской школы в 1971 году как конкретное проявление реалистической логики защиты национального суверенитета и обеспечения безопасности, особенно в контексте турецко-греческой напряженности и кипрского кризиса того периода; и «Конструктивистская перспектива: светскость и борьба за идентичность», где рассматривается тот же случай через призму конфликта идентичностей между принципом секуляризма как основой турецкой национальной идентичности и экуменическими притязаниями Патриархата, демонстрируя, как вопрос образования становится полем столкновения различных нормативных систем; - «Заключение», где синтезируются основные результаты исследования, концептуализируется взаимодополняющий характер реалистической и конструктивистской объяснительных моделей, обосновывается тезис о многоуровневой природе изучаемого конфликта и раскрывается эвристическая ценность теоретического плюрализма для понимания сложных процессов современной международной политики, особенно в сфере взаимодействия религиозных и политических институтов. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, встречаются излишне длинные и тяжеловесные конструкции вроде «Вопрос о закрытии Халкинской богословской школы, если рассматривать его в контексте реалистического подхода к вопросам суверенитета и безопасности, выходит за рамки дискуссии об образовательном учреждении и напрямую связан с экзистенциальными проблемами государства»; или не совсем корректное употребление некоторых слов, как в предложении «...Приоритеты Анкары... показывают, что этот вопрос формируется не только в контексте религиозных свобод, но и на геополитическом и идентичностном уровнях» [выражения «в контексте» и «на

уровнях» – рец.]; или злоупотребление некоторыми выражениями (так, выражение «в этом контексте» встречается в тексте 14 раз!); и др.) и грамматических (например, несогласованные или плохо согласованные предложения «Различие между этими двумя подходами заключается в том, можно ли свести международную политику только к борьбе за власть или следует учитывать процессы социального конструирования»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 21 наименование, в основном источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усилена за счет использования русскоязычных источников. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи. В числе безусловных достоинств рецензируемой работы можно отметить историческую глубину и эмпирическую обоснованность выводов. Исследование опирается на солидную источниковедческую базу, охватывающую период от поздней Османской империи до современности, что позволило автору проследить генезис современных противоречий, выявить их глубинные исторические корни и избежать поверхностных, конъюнктурных объяснений, характерных для многих работ по актуальной политической проблематике, при этом исторический материал не просто иллюстрирует теоретические положения, но органично интегрирован в аналитическую структуру работы. Автор продемонстрировал глубокое знание классических и современных работ по теории международных отношений, умело оперируя концептуальным аппаратом ведущих теоретиков (Ганс Моргентау, Кеннет Уолтц, Джон Миршаймер), и последовательно применил их теоретические построения к анализу конкретного эмпирического материала, создавая убедительную и логически стройную аналитическую конструкцию, которая избегает эклектизма и демонстрирует высокий уровень академической культуры.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, экспертов по современной истории Турции и турецко-греческих отношений, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации после устранения ошибки в нумерации разделов, а также стилистических и грамматических погрешностей.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Мутовкина А.Д. Миграционная политика современного государства: экономико-демографический подход //

Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75640 EDN: XYXXRB URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75640

Миграционная политика современного государства: экономико-демографический подход

Мутовкина Анастасия Дмитриевна

Руководитель молодежного направления МОО "Союз православных женщин"; МОО "Союз православных женщин"

119619, Россия, г. Москва, р-н Солнцево, ул. Производственная, д. 4А

✉ mutovkina1996@mail.ru

[Статья из рубрики "Политическая стабильность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75640

EDN:

XYXXRB

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2025

Дата публикации:

05-09-2025

Аннотация: Миграционная политика сегодня является одним из наиболее значимых объектов исследования государственного управления, поскольку глобализационные процессы и экономические кризисы порождают массовые перемещения населения, которые требуют комплексного регулирования. Демографические проблемы развитых стран – старение населения, убыль трудоспособных когорт – превращают миграционные потоки в стратегический ресурс, хотя их использование остаётся предметом острых дискуссий среди исследователей. В связи с этим в современном мире миграционные процессы приобретают всё большее значение, оказывая существенное влияние на экономическое развитие, демографическую ситуацию и социальную стабильность государств. Особенно заметно это влияние проявляется в странах, выступающих в качестве реципиентов миграционных потоков. Формирование эффективной

миграционной политики для таких государств становится не просто элементом государственного управления, но стратегической необходимостью, требующей глубокого понимания экономических и демографических закономерностей. Именно экономико-демографический подход позволяет выявить ключевые факторы, определяющие характер и направленность миграционной политики. Методологически настоящее исследование опирается на системный, институциональный и компаративистский подход, что позволяет всесторонне проанализировать миграционную систему современного государства на примере Российской Федерации, а также сравнить экономическую и демографическую составляющую внешней миграции. В этой связи, в качестве теоретической основы исследования применяется экономическая теория миграции и теория миграции человеческого капитала. Новизна исследования заключается в выявлении особенностей применения экономического и демографического подхода на современном этапе реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, выраженном в необходимости разработки комплекса мер, направленных на стимулирование притока экономически востребованных внешних мигрантов, прежде всего трудовых, при одновременном противодействии нелегальной миграции и иным рискам национальной безопасности в целях обеспечения гармоничного взаимодействия между иностранными гражданами и принимающим обществом, сохранения гармоничных межнациональных отношений. Комплексное влияние экономических и демографических факторов на формирование миграционной политики проявляется в необходимости учета множества взаимосвязанных аспектов. С одной стороны, миграционная политика должна быть направлена на привлечение трудовых ресурсов для компенсации демографических потерь и удовлетворения потребностей экономики.

Ключевые слова:

миграция, миграционные процессы, миграционная политика, демография, экономика, государство, государственное управление, рынок труда, международное взаимодействие, Российская Федерация

Введение

В условиях глобализации и усиления международной мобильности населения миграционные потоки приобретают новые качественные и количественные характеристики. Традиционные модели регулирования миграции зачастую оказываются неэффективными перед лицом современных вызовов, таких как массовые перемещения беженцев, трудовая миграция высококвалифицированных специалистов, нелегальная миграция. Государства-реципиенты вынуждены адаптировать свою миграционную политику к меняющимся условиям, что требует новых теоретических подходов и практических решений. При этом возникает необходимость баланса между экономическими потребностями страны и сохранением социальной стабильности, что делает исследование особенностей формирования миграционной политики особенно значимым.

Демографические тенденции в развитых странах, характеризующиеся старением населения и снижением рождаемости, создают объективную потребность в привлечении мигрантов для поддержания устойчивого экономического роста и функционирования систем социального обеспечения. В этих условиях миграционная политика становится важнейшим инструментом демографического развития, позволяющим компенсировать естественную убыль населения и поддерживать оптимальную возрастную структуру.

Экономико-демографический подход к формированию миграционной политики позволяет учесть долгосрочные последствия миграционных процессов для рынка труда, пенсионной системы, социальной инфраструктуры и других ключевых сфер общественной жизни. Это особенно важно для России, где демографические проблемы приобретают острый характер и требуют комплексного решения.

При этом излишнее увлечение экономико-демографическим подходом в формировании и реализации государственной миграционной политики приводит к постепенному изменению этнокультурного баланса государства-реципиента (замещающая миграция), что может вызвать деструктивное восприятие в общественной дискуссии и тем самым выступает в качестве одного из факторов риска дестабилизации общественно-политических процессов в контексте потенциального обострения межнациональных отношений.

Теоретическая основа исследования внешней миграции в экономико-демографической парадигме.

Миграция населения и соответствующие процессы концептуально представлены неоклассической экономической теории миграции (М. Тодаро^[1], Дж. Харрис^[2]), теории человеческого капитала (Г. Беккер^[3]), а также теории миграционных сетей (Д. Массей^[4]). Применение данного комплекса теоретических подходов позволяет рассматривать миграционную политику государства-реципиента как многоаспектный феномен, формирующийся под влиянием экономических, демографических и социально-политических факторов. Особую значимость для настоящего исследования представляет синтез экономических и демографических теоретических концепций, обеспечивающий методологическую основу для анализа особенностей формирования миграционной политики.

Проблематика миграционной политики находится в фокусе внимания многих отечественных и зарубежных исследователей. Экономические аспекты миграции подробно рассмотрены в работах Дж. Саймона^[5], Б. Чисвика^[6], О.Д. Воробьевой^[7], С.В. Рязанцева^[8]. Демографическое измерение миграционных процессов исследовано в трудах Д. Коулмена^[9], Д.И. Валентя^[10], А.Г. Вишневого^[11], Л.Б. Карачуриной^[12].

Экономико-демографический подход к изучению миграционной политики развивается в исследованиях Г. Фримена^[13], К. Джопке^[14], В.И. Мукомеля^[15], А.В. Топилина^[16], Т.М. Регент^[17], И.П. Цапенко^[18].

Эволюция понимания миграционной политики в научной литературе отражает изменение подходов к регулированию миграционных процессов в зависимости от исторического контекста и доминирующих теоретических парадигм^[19]. Эволюция миграционной политики, как показывает исторический анализ, прошла путь от примитивных контрольно-ограничительных мер эпохи национальных государств до современных комплексных стратегий, учитывающих права человека и экономические потребности. Послевоенный экономический подъём в развитых странах трансформировал восприятие миграции как угрозы в понимание её как ресурса развития, что обусловило появление селективных подходов к привлечению различных категорий мигрантов.

Современная миграционная политика характеризуется многоуровневостью и необходимостью согласования интересов национальных государств, международных организаций и самих мигрантов, а также интеграцией в стратегии устойчивого развития. Целеполагание в данной сфере, впрочем, остаётся противоречивым, поскольку требует баланса между обеспечением национальной безопасности, удовлетворением потребностей экономики в трудовых ресурсах и решением демографических проблем.

Экономико-демографический подход в исследовании миграционной политики.

Неоклассические концепции миграции, восходящие к работам Э. Ли и М. Тодаро, рассматривают миграцию преимущественно как результат рациональных решений индивидов, стремящихся к максимизации своего благосостояния ^[20]. Согласно этим концепциям, основным фактором, определяющим миграционные потоки, является разница в уровнях заработной платы и условиях занятости между странами или регионами. Миграционная политика в рамках неоклассического подхода должна быть направлена на регулирование доступа мигрантов на рынок труда с учетом его потребностей и возможностей. Критики неоклассических концепций указывают на их ограниченность, связанную с недооценкой социальных, культурных и политических факторов миграции, а также с упрощенным пониманием мотивации мигрантов. Несмотря на эти ограничения, неоклассический подход остается влиятельным в теоретическом осмыслении миграционной политики, особенно в части анализа экономических эффектов миграции для принимающих стран и стран происхождения.

Экономические показатели являются достаточно значимыми критериями для измерения миграционной политики, определяя её целевые ориентиры и инструменты регулирования. Влияние миграции на рынок труда представляет собой многоаспектный процесс, чьи последствия различаются в зависимости от структуры экономики, фазы экономического цикла и качественных характеристик мигрантов ^[21]. В научных дискуссиях часто высказываются опасения о негативном воздействии миграции на занятость местного населения, однако эмпирические исследования демонстрируют более сложную картину. Во многих случаях иностранные работники занимают ниши, не привлекательные для местного населения, или заполняют вакансии в секторах с дефицитом кадров, способствуя экономическому росту ^[22]. Экономические эффекты трудовой миграции включают: восполнение дефицита рабочей силы, повышение гибкости рынка труда, стимулирование предпринимательской активности, увеличение потребительского спроса. Фискальные последствия иммиграции зависят от множества факторов, включая квалификацию мигрантов, их правовой статус и доступ к системе социальной защиты ^[23]. Высококвалифицированные мигранты обычно обеспечивают положительный фискальный эффект, что обуславливает стремление государств к внедрению экономических критериев отбора, учитывающих потенциальный вклад мигрантов в экономику.

Экономическая интеграция мигрантов – важнейший аспект миграционной политики, определяющий долгосрочные экономические эффекты миграции ^[24]. Успешная интеграция предполагает включение мигрантов в экономические отношения как полноценных участников. Барьеры для интеграции могут иметь различную природу: правовые ограничения, непризнание иностранных квалификаций, языковые барьеры, дискриминация на рынке труда. Эффективная политика предполагает целенаправленные усилия по преодолению этих барьеров через программы профессиональной подготовки,

языковые курсы, содействие в признании квалификаций. Существенное значение имеет создание условий для реализации предпринимательского потенциала мигрантов. В контексте евразийской интеграции актуальны вопросы гармонизации миграционной политики стран-участниц и создания единого рынка труда ^[25].

Демографические аспекты миграционной политики приобретают особую значимость, когда многие развитые страны сталкиваются с низкой рождаемостью, старением населения и сокращением численности трудоспособного населения. Миграция как фактор демографического развития оказывает многоплановое воздействие на динамику и структуру населения принимающих стран ^[26]. Положительное сальдо миграции увеличивает общую численность населения, компенсируя естественную убыль в странах с отрицательным естественным приростом. Не менее значимы качественные изменения в половозрастной структуре, этническом составе и образовательном уровне населения. Поскольку мигранты представляют собой селективную группу, их приток может существенно модифицировать демографический профиль общества. Важное значение имеет также косвенное влияние миграции на репродуктивное поведение ^[27].

Миграция воздействует на возрастную структуру населения, что особенно важно в контексте демографического старения, характерного для большинства развитых стран ^[28]. Поскольку среди мигрантов преобладают люди молодого и среднего возраста, иммиграция способствует омоложению возрастной структуры. Это актуально для стран с прогрессирующим старением населения, где сокращение доли трудоспособного населения создает вызовы для пенсионных систем и рынка труда. Вместе с тем, исследования показывают, что миграция может лишь замедлить, но не остановить процесс старения населения ^[29]. Демографические последствия различных типов миграции существенно различаются, что обуславливает необходимость дифференцированного подхода к их регулированию. Наиболее значимые долгосрочные эффекты связаны с семейной миграцией. Демографическое прогнозирование играет ключевую роль в формировании миграционной политики, позволяя оценить долгосрочные последствия различных сценариев миграционного движения (Естественная убыль населения России в 2022 году сократилась до 600 000 человек. URL: <https://www.forbes.ru/society/484844-estestvennaa-ubyl-naselenia-rossii-v-2022-godu-sokratilas-do-600-000-celovek>).

В свою очередь, демографические прогнозы с учётом миграционного фактора служат важнейшим инструментом планирования миграционной политики, позволяя оценивать будущие изменения в численности и структуре населения при различных сценариях миграции, при этом методики варьируются от простых экстраполяционных моделей до сложных многовариантных прогнозов, хотя прогнозирование миграционных показателей представляет особую сложность из-за их высокой волатильности. Методы оценки экономического эффекта миграционной политики направлены на определение влияния миграции на рынок труда, государственные финансы и экономический рост через расчёты фискального баланса миграции, оценку вклада мигрантов в ВВП и анализ влияния на заработную плату местного населения. Индикаторы эффективности миграционной политики представляют систему показателей для оценки достижения целей регулирования, включающую показатели соответствия фактических миграционных потоков плановым параметрам, индикаторы экономической и социальной интеграции мигрантов, показатели влияния миграции на демографическую ситуацию и индикаторы общественного восприятия миграции.

Методологический инструментарий экономико-демографического анализа миграционной политики включает разнообразные подходы для оценки миграционных процессов и эффектов регулятивных мер. Статистические методы анализа миграционных потоков составляют базовый уровень, обеспечивая количественную характеристику объема, интенсивности и структуры миграции. К ним относятся расчеты показателей миграции, методы анализа временных рядов, выявляющие тенденции и циклические колебания, а также методы пространственного анализа. Корреляционно-регрессионный анализ применяется для выявления взаимосвязей между миграцией и социально-экономическими параметрами. Важную роль играют выборочные обследования мигрантов, предоставляющие информацию о мотивах миграции и адаптации, которая не отражается в текущей статистике

Современные экономико-демографические предпосылки формирования миграционной политики России

Современная Россия сталкивается с комплексом демографических и экономических вызовов, которые оказывают существенное влияние на формирование государственной политики, в том числе в сфере миграции. Процессы естественной убыли населения, обусловленные низким уровнем рождаемости и относительно высоким уровнем смертности, наряду с изменением возрастной структуры общества, создают долгосрочные риски для устойчивого развития страны. С другой стороны, потребности национальной экономики в трудовых ресурсах, особенно в условиях структурных трансформаций и региональных диспропорций, диктуют необходимость продуманного подхода к управлению миграционными потоками. Взаимодействие этих факторов определяет актуальность и сложность задач, стоящих перед миграционной политикой сегодня.

Несмотря на некоторое снижение естественной убыли населения в 2023 году по сравнению с 2022 годом, в 2024 году этот показатель вновь продемонстрировал рост, достигнув 596,2 тыс. человек (Демографическая ситуация в России. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7533665>). Одновременно фиксируется устойчивое снижение числа родившихся и, как следствие, коэффициента рождаемости, который в 2024 году составил всего 8,4 на 1000 человек. Сокращение числа умерших в 2023 году сменилось его ростом в 2024 году ^[30]. Эти цифры наглядно демонстрируют, что естественный прирост населения в России остается отрицательным, что создает долгосрочный дефицит трудовых ресурсов и оказывает давление на социальную сферу. В такой ситуации миграция объективно выступает как один из немногих механизмов, способных частично компенсировать демографические потери и поддержать численность населения на определенном уровне, что, в свою очередь, подчеркивает стратегическое значение миграционной политики для будущего страны.

Современная российская экономика испытывает острую потребность в трудовых ресурсах, обусловленную как демографическими факторами, так и структурными проблемами. Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, старение рабочей силы и отток квалифицированных кадров за рубеж создают предпосылки для привлечения иностранной рабочей силы ^[31]. Структурные проблемы российской экономики, включая технологическое отставание в ряде отраслей, недостаточную диверсификацию и высокую зависимость от сырьевого экспорта, также оказывают влияние на формирование спроса на рабочую силу. В условиях санкционных ограничений и необходимости структурной перестройки экономики возрастает потребность в квалифицированных кадрах для развития импортозамещающих производств и новых технологических направлений. Эти факторы в совокупности

определяют необходимость выработки сбалансированной миграционной политики, учитывающей как текущие потребности рынка труда, так и долгосрочные приоритеты экономического развития страны ^[32].

Экономические и демографические факторы в современной России находятся в сложном взаимодействии, порождая синергетический эффект, который усиливает негативные тенденции в обеих сферах. Демографический кризис, проявляющийся в естественной убыли населения и старении населения, непосредственно влияет на количество и качество трудовых ресурсов, что, в свою очередь, ограничивает возможности экономического роста.

Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте приводит к дефициту рабочей силы в отдельных отраслях и регионах, создавая структурные диспропорции на рынке труда. Одновременно с этим, экономические проблемы, включая региональное неравенство в уровне доходов и качестве жизни, стимулируют внутреннюю миграцию из депрессивных регионов в экономически развитые центры, что усугубляет демографические проблемы в регионах-донорах. Особенно ярко этот процесс проявляется в малых городах и сельской местности, где отток молодежи приводит к ускоренному старению населения и дальнейшему экономическому упадку. Таким образом, формируется своеобразный «порочный круг», когда демографические проблемы усиливают экономические, а экономические трудности, в свою очередь, негативно влияют на демографическую ситуацию.

Заключение

Развитие экономико-демографического подхода характеризуется рядом значимых тенденций, отражающих как внутреннюю эволюцию методологии, так и адаптацию к меняющимся реалиям миграционных процессов. Ключевой тенденцией выступает интеграция с другими исследовательскими подходами, преодолевающая традиционные дисциплинарные границы. Наблюдается взаимодействие экономико-демографических исследований с политологическим анализом миграционных режимов, социологическими исследованиями миграционного поведения, антропологическими изысканиями в области идентичности мигрантов ^[33]. Такая междисциплинарная интеграция формирует более целостное представление о миграционных процессах. Параллельно развиваются новые методы сбора и анализа данных: анализ больших данных, включая информацию мобильных операторов и социальных сетей; использование геоинформационных систем; применение методов машинного обучения для выявления закономерностей в миграционном поведении. Эти новации позволяют преодолевать ограничения официальной статистики и повышать точность моделей и прогнозов.

Современное развитие подхода характеризуется повышенным вниманием к глобальным демографическим и экономическим трендам: демографическому старению населения развитых стран, демографическому взрыву в развивающихся регионах, технологической трансформации экономики, климатическим изменениям ^[34]. Интеграция этих трендов в экономико-демографические модели повышает их прогностический потенциал. Особое значение приобретают перспективы развития подхода в условиях цифровизации, создающей новые возможности для исследования миграционных процессов: автоматизированный сбор данных, создание интегрированных информационных систем, использование технологий искусственного интеллекта. Одновременно цифровизация меняет сам характер миграционных процессов, создавая новые формы мобильности и

трансформируя традиционные модели миграционного поведения, что требует адаптации исследовательских подходов.

Таким образом, экономико-демографический подход представляет собой методологически обоснованную систему теоретических концепций и аналитических инструментов, позволяющую комплексно исследовать взаимосвязь миграционных процессов с экономическим развитием и демографическими изменениями. Интеграция экономического и демографического измерений обеспечивает более глубокое понимание причин и последствий миграции. Теоретический фундамент подхода включает неоклассическую экономическую теорию миграции, теорию человеческого капитала, теорию двойного рынка труда, теорию миграционного перехода и демографические теории миграции. Методологический инструментарий охватывает статистические методы анализа, экономико-математическое моделирование, демографическое прогнозирование, методы оценки экономических эффектов. Практическое применение подхода находит выражение в разработке селективных механизмов регулирования миграции, балльных систем отбора мигрантов, программ привлечения высококвалифицированных специалистов.

Библиография

1. Todaro M.P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // The American Economic Review. 1969. Vol. 59, No 1. P. 138-148.
2. Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. No 60. P. 126-142.
3. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 412 p.
4. Massey D.A. Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration. 2002. No 10. P. 143-153.
5. Simon J.L. The Economic Consequences of Immigration. – 2nd ed. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. 434 p.
6. Chiswick B.R. The Effect of Americanization on the Earnings of Foreign-born Men // Journal of Political Economy. 1978. Vol. 86. No 5. P. 897-921.
7. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л. Доминанта миграционной политики современной России // Социологические исследования. 2017. Т. 401. С. 59-65.
8. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 576 с.
9. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition // Population and Development Review. 2006. Vol. 32, No 3. P. 401-446.
10. Валентей Д.И. О системе демографических знаний (1973) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 4. С. 134-148.
11. Вишневский А.Г. Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21. № 3. С. 3-40.
12. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 6. С. 82-89.
13. Freeman G.P. Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States // International Migration Review. 1995. Vol. 29, No 4. P. 881-902.
14. Joppke C. Selecting by Origin: Ethnic Migration in the Liberal State. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. 330 p.
15. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69-79.

16. Топилин А.В. Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 7. С. 736-744.
17. Регент Т.М. Миграционный круговорот обездоленных // Московский журнал международного права. 2021. № 1. С. 118-123.
18. Цапенко И.П. Регионализация миграционных процессов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 70-85.
19. Сажина В.А., Высоцкая З.Р. Эволюция миграционной политики России в отражении правовых источников политико-идеологического характера // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 196-214.
20. Todaro M.P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // The American Economic Review. 1969. Vol. 59, No 1. P. 138-148.
21. Самойлов В.Д., Селезнева К.В. О государственной миграционной политике // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 54-57.
22. Исламова Б.Б. Влияние внешней трудовой миграции на рынок труда // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3А (12). С. 463.
23. Сухинин С.А. Экономические эффекты международной трудовой миграции в развитии национальной экономики России // Международный демографический форум. 2020. С. 268-273.
24. Вартанова М.Л. Национальные приоритеты и перспективы развития Евразийской экономической интеграции // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. Чебоксары: Среда, 2021. С. 33-74.
25. Мотрич Е.Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27-40.
26. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Аликова А.С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 12. С. 1156-1163.
27. Ефремов И.А. Региональная картина влияния миграции на старение населения России // OF THE NEW ECONOMIC ASSOCIATION. 2023. 176 с.
28. Аулов А.П., Мамедова Л.И. Проблемы преодоления демографического и миграционного кризисов в странах Европейского Союза в начале XXI века // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки прошлого, угрозы будущего. 2020. 406 с.
29. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Аликова А.С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 12. С. 1156-1163.
30. Гавриленко Ю.Е. Методы устойчивой кластеризации регионов России по занятости населения // Федерализм. 2022. Т. 27. № 3. С. 160-177.
31. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7-25.
32. Гуриева Л.К., Джигоев А.В. Экономика и демография региона: взаимозависимость проблем и возможности их решения // Journal of Economics. 2022. Т. 12. № 12.
33. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Семейная политика в России: эффективность с позиций доказательного подхода // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 3. С. 20-36.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают особенности формирования миграционной политики государства-реципиента в экономико-демографической парадигме, с акцентом на баланс между экономическими потребностями, демографическими вызовами и социальными рисками, такими как изменение этнокультурного баланса и потенциальная дестабилизация межнациональных отношений. Научная актуальность работы обусловлена глобальными изменениями в миграционных потоках, вызванными глобализацией, международной мобильностью, демографическими тенденциями вроде старения населения и снижения рождаемости в развитых странах, включая Россию, где эти проблемы приобретают острый характер и требуют комплексных решений для поддержания экономического роста и социальной стабильности. Практическая значимость статьи заключается в предоставлении методологической основы для адаптации миграционной политики к современным вызовам, включая разработку селективных механизмов регулирования миграции, балльных систем отбора мигрантов и программ привлечения высококвалифицированных специалистов, что позволяет государствам, таким как Россия, компенсировать демографические потери, удовлетворять потребности рынка труда и минимизировать риски дестабилизации общественно-политических процессов. Методологическую основу исследования составил междисциплинарный подход, интегрирующий теоретические концепции неоклассической экономической теории миграции М. Тодаро и Дж. Харриса, теории человеческого капитала Г. Беккера и теории миграционных сетей Д. Массея. В качестве аналитического инструментария применялись статистические методы анализа миграционных потоков, корреляционно-регрессионный анализ взаимосвязей между миграцией и социально-экономическими параметрами, методы демографического прогнозирования и экономико-математического моделирования эффектов миграционной политики. Эмпирическую базу составили данные официальной статистики о демографических и миграционных процессах в Российской Федерации, а также результаты выборочных обследований мигрантов. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о разработанной концептуальной модели экономико-демографического подхода к формированию миграционной политики, которая интегрирует экономические теории миграции с демографическими теориями воспроизводства населения и позволяет учитывать долгосрочные последствия миграционных процессов для развития принимающих государств. Кроме того, в процессе работы выявлена закономерность синергетического взаимодействия демографического кризиса и экономических проблем в современной России, проявляющаяся в формировании «порочного круга», когда естественная убыль населения усиливает дефицит трудовых ресурсов, а экономические трудности стимулируют отток населения из депрессивных регионов. Выявлено, что миграция в условиях демографического кризиса в России не только компенсирует естественную убыль населения, но и трансформирует возрастную структуру, замедляя процессы старения. Доказано, что экономическая интеграция мигрантов оказывает долгосрочное позитивное влияние на рынок труда и пенсионную систему, при условии преодоления барьеров признания квалификаций и дискриминации. Установлено, что российская миграционная политика развивается в направлении синтеза демографических и экономических приоритетов, однако чрезмерная опора на экономические факторы несет риски этнокультурного дисбаланса. Наконец, систематизированы методологические инструменты оценки эффективности миграционной политики, включающие показатели соответствия миграционных потоков плановым параметрам, индикаторы экономической интеграции мигрантов и критерии оценки демографических эффектов замещающей миграции. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное

впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования в контексте глобализации миграционных процессов и демографических вызовов современности, а также формулируется проблематика баланса между экономическими потребностями и социальной стабильностью в миграционной политике; - «Теоретическая основа исследования внешней миграции в экономико-демографической парадигме», где представлен обзор ключевых теоретических концепций миграции и анализируется эволюция научных подходов к пониманию миграционной политики от контрольно-ограничительных мер до современных комплексных стратегий; - «Экономико-демографический подход в исследовании миграционной политики», где раскрывается содержание неоклассических концепций миграции, анализируются экономические эффекты трудовой миграции и демографические последствия миграционных процессов для принимающих стран; - «Современные экономико-демографические предпосылки формирования миграционной политики России», где исследуется специфика демографического кризиса в России, анализируются потребности национальной экономики в трудовых ресурсах и выявляется взаимодействие экономических и демографических факторов в российских условиях; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, обобщаются перспективы развития экономико-демографического подхода, характеризуются тенденции междисциплинарной интеграции и цифровизации в исследовании миграционных процессов, а также формулируются выводы о методологическом потенциале данного подхода. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, неверное управление в предложении «В научных дискуссиях часто высказываются опасения О негативном воздействии...»; или очень длинные предложения, перегруженные придаточными, причастными и деепричастными оборотами, что усложняет понимание текста, например, предложение, начинающееся со слов «При этом излишнее увлечение экономико-демографическим подходом...» содержит 52 слова; и др.) и грамматических (например, пропущенный предлог в предложении «Миграция населения и соответствующие процессы концептуально представлены неоклассической экономической теории миграции...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 33 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при анализе эволюции научных подходов к исследованию миграции. В числе безусловных достоинств рецензируемой статьи можно отметить достаточно глубокую концептуальную проработку исследования, а также перспективы практического применения полученных результатов. Высокий уровень теоретической обоснованности исследования, проявляющийся в систематическом анализе широкого спектра концепций миграции от классических работ Э. Ли и М. Тодаро до современных междисциплинарных подходов, демонстрирует глубокое знание автором предметной области и обеспечивает методологическую целостность работы. Практическая направленность исследования, выражающаяся в конкретном анализе российской ситуации с привлечением актуальных статистических данных о демографических и экономических процессах, позволяет не ограничиваться абстрактными теоретическими построениями, а предложить применимые к реальным условиям аналитические инструменты и рекомендации.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны политологам,

социологам, специалистам в области государственного и муниципального управления, разрабатывающим миграционную политику и стратегии демографического развития, исследователям в сфере экономической демографии и миграционных процессов, работникам аналитических подразделений федеральных и региональных органов власти, занимающихся вопросами трудовых ресурсов и демографического прогнозирования, а также студентам и аспирантам перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Лыков С.А. Процессы и институты энергетической дипломатии: структурно-функциональный анализ //

Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75792 EDN: YRWRJV URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75792

Процессы и институты энергетической дипломатии: структурно-функциональный анализ

Лыков Сергей Алексеевич

ORCID: 0009-0005-1249-9122

аспирант; Сектор истории политической философии; Институт Философии Российской Академии
Наук

г. Москва, Ул. Александры Монаховой, д43.к.1 8 подъезд

✉ Lykov.Degor@yandex.ru

[Статья из рубрики "Мировая политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75792

EDN:

YRWRJV

Дата направления статьи в редакцию:

02-09-2025

Дата публикации:

09-09-2025

Аннотация: Энергетическая дипломатия – одно из важнейших направлений в международных отношениях. Научное исследование этого вопроса чрезвычайно затруднено из-за его высокой политической значимости и, следовательно, ангажированности публикуемых работ. Изучение энергетической дипломатии поэтому должно проводиться с помощью структурно-функционального анализа, то есть выявления участников процессов и их задач. В статье рассматривается содержание энергетической дипломатии как вида международных отношений, рассматриваются процессы и институты энергетической дипломатии, изучается феномен лоббизма в сфере энергетики, оценивается эффективность энергетической дипломатии и её ограничения на примере отношений между Россией и Германией и Россией и Британией в энергетической сфере, оцениваются причины успехов и неудач. Изучается доверие как

один из аспектов неформальных отношений в сфере энергетики, взаимосвязь формальных и неформальных инструментов энергетической дипломатии, особенности функционирования административно-бюрократических структур. Для оценки взаимодействия субъектов энергетической дипломатии используется неинституциональный подход и теория принятия политических решений. Выделяются институты и процессы энергетической дипломатии, указываются их функции, что позволяет прогнозировать поведение игроков, выявлять тенденции и принимать решения. Структурно-функциональный анализ энергетической дипломатии может быть использован для снижения значения ценностно-окрашенных суждений и позволяет получать нейтральное описание отношений между государствами в сфере энергетики. Энергетическая дипломатия состоит из формальных и неформальных процессов, где первые могут измеряться непосредственно по принимаемым нормативно-правовым актам и отчётам, а вторые – опосредованно, по таким проявлениям, как направления и объёмы торговли, активность некоммерческих организаций и СМИ, публичные заявления политиков. Структура отношений энергетической дипломатии включает в себя взаимодействие между международными и национальными компаниями из сферы энергетики, ключевыми потребителями, профильными государственными структурами, ключевыми политическими фигурами стран. Функции участников энергетической дипломатии – давление на лиц, принимающих решение, содействие законодательному процессу, подготовка международных договоров. Результативность энергетической дипломатии различается в зависимости от ресурсного потенциала игроков: те субъекты, которые могут оказать большее влияние на лиц, принимающих решения, будут получать более выгодные условия.

Ключевые слова:

энергетическая дипломатия, лоббизм, политические процессы, политические институты, неинституционализм, принятие решений, структурно-функциональный анализ, группы интересов, политические элиты, политическое доверие

Введение.

Энергетическая дипломатия становится необходимой в процессе переговоров между государствами и компаниями по вопросам экспортно-импортных условий поставок энергоресурсов, электроэнергии, оборудования для топливно-энергетического сектора, а также деятельности зарубежных предприятий. На процесс таких переговоров может воздействовать множество аспектов, таких как геополитическая ситуация, состояние международных отношений, внутренняя политика, экономические показатели и противоречия интересов между экспортирующими и импортирующими сторонами. Анализ энергетической дипломатии обладает высокой научной и практической ценностью, однако объективные академические работы в этой области остаются единичными. Это связано как с важностью темы, так и с общей для общественных наук сложностью: исследования нередко косвенно влияют на изучаемые процессы, что затрудняет сохранение нейтральности.

При этом предложенный в данной работе структурно-функциональный анализ, опирающийся на аппарат неинституционализма и теорий принятия решений, обладает значительным потенциалом для преодоления указанной субъективности. Важно подчеркнуть, что его методологическая ценность не ограничивается рамками российско-европейского энергетического диалога, который служит в данной статье ключевым, но

не исключительным кейсом. Данный подход является универсальным аналитическим инструментом, применимым для изучения широкого спектра региональных и отраслевых конфигураций — от энергетической дипломатии Китая в Африке и странах Латинской Америки до стратегий США на Ближнем Востоке и деятельности многонациональных корпораций в глобальном масштабе. Такой широкий угол зрения позволяет не только глубже понять частные случаи, но и выявлять общие закономерности функционирования институтов энергетической дипломатии в условиях глобальной трансформации энергорынков.

Большое количество статей и монографий, посвященных лоббизму России в Европе, имеют ярко ценностно-окрашенный и ангажированный подход, и публицистический характер, очевидный из заголовков, например «Нефтяная дипломатия. Стратегическое манипулирование и российское энергетическое управление в Евразии» (А.Н. Стульберг, 2007) [\[20\]](#), «Экономическая дипломатия Восточной политики. Происхождение энергетической дилеммы НАТО» (В.Д. Липперт, 2011) [\[14\]](#), «Принудительная дипломатия России. Энергетика, киберпространство и морская политика как новые источники власти» (Р.С. Манесс, Б. Валериано, 2015) [\[15\]](#), «Энергетические цепи России» (М. Бальмасада, 2021) [\[6\]](#). Книга М. Озавы «Доверие и европейско-российские отношения в сфере энергетики: обеспечение энергетической безопасности» (2023) также носит скорее публицистический характер, но имеет большее преимущество перед другими изданиями, поскольку предпринимает попытки анализа отношений доверия и неформальных связей, сложившихся между Россией и другими странами Европы [\[17\]](#), с использованием теорий принятия решений, в частности, гипотез Канемана об ожиданиях и привычках [\[12\]](#).

Количество исследований в отечественной академической литературе по энергетической дипломатии и российскому лоббизму в Европе несоразмерно важности вопроса. Одной из наиболее заметных работ остаётся учебное пособие С.З. Жизнина «Основы энергетической дипломатии» (2017) [\[2\]](#), в которой рассматриваются как отношения между государствами, так и между корпорациями. Диссертационные исследования по вопросу обычно освещают либо существующие проблемы в отношениях между государствами и в отдельных регионах по вопросам энергетики, либо историю этих отношений. Попытки теоретизации энергетической дипломатии предпринимаются чрезвычайно редко. Пример теоретической работы – статья Ю.В. Боровского «Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов» (2022) [\[1\]](#).

Методология.

Изучение структуры и функций энергетической дипломатии целесообразно проводить с помощью инструментария неoinституционализма, который предполагает анализ не только правовых процедур, но и неформальных отношений. Теория Герберта Саймона об ограниченной рациональности и «удовлетворительном» принятии решения объясняет ситуации, когда результатом переговоров становится решение, для сторонних наблюдателей представляющееся субоптимальным, вопреки теории рационального выбора, предполагающей, что субъект будет располагать необходимой информацией и стремиться к максимальной выгоде [\[18\]](#). «Инкрементальный подход» Чарльза Линдблома, говорящий о преимуществе постепенных, небольших решений в условиях неопределенности, объясняет, почему многие решения выглядят незаконченными [\[13\]](#). Подход Джеймса Марча, Йохана Олсена [\[16\]](#), Майкла Хилла [\[11\]](#) и Мишеля Круазье [\[8\]](#) к

анализу внутренней неоднородности административно-бюрократических структур позволяет объяснить противоречия и промедления при принятии решений. Работы Хилла, в частности, акцентируют внимание на роли организационных процедур и стандартных оперативных практик в процессе формирования политики, что также крайне важно для понимания логики поведения бюрократических систем в энергетической дипломатии [\[11\]](#). Последовательность действий административно-бюрократического аппарата при принятии решений объясняет Джеймс Андерсон [\[5\]](#).

Таким образом, представленный теоретический аппарат будет применен в данной работе не в качестве общей рамки, но как конкретный аналитический инструмент для интерпретации эмпирического материала. В частности:

- Теория ограниченной рациональности Г. Саймона будет использована для объяснения кажущихся неоптимальными решений в переговорах, когда стороны действуют в условиях информационного дефицита и когнитивных ограничений [\[18\]](#).
- Инкрементальный подход Ч. Линдблума послужит для анализа процессов принятия поэтапных, «малых» решений (например, пошаговое развитие инфраструктурных проектов), которые зачастую не приводят к финальной и идеальной точке, но являются адаптацией к неопределенности [\[13\]](#).
- Подход М. Круазье [\[8\]](#), Дж. Марча и Й. Олсена [\[16\]](#) к анализу бюрократических систем будет применен для выявления и объяснения внутренних противоречий и конфликтов интересов как внутри национальных правительств и Еврокомиссии, так и между государственными и корпоративными структурами, которые напрямую влияют на исход энергетической дипломатии.

Такой операционализационный подход позволит перейти от описания событий к их глубокому причинно-следственному анализу, раскрывая логику принятия решений, стоящую за внешними фактами.

Институты и процессы энергетической дипломатии.

Торговля энергоресурсами между государствами имеет глубокие исторические корни: ещё в Средневековье и в Новое время Англия поставляла уголь во Францию. Промышленная революция, сопровождавшаяся резким ростом потребления энергоносителей, усилила зависимость стран от международного сотрудничества. Если в конце XIX — начале XX века основой энергетического экспорта оставался уголь, то позднее к нему добавилась нефть, а во второй половине XX столетия — природный газ. Концепция «энергетической дипломатии» сформировалась параллельно с глобализацией рынка энергоресурсов и обострением конкуренции между государствами за контроль над их добычей и сбытом. Термин вошёл в обиход во многом благодаря взаимодействию Великобритании, США и стран Персидского залива в период становления нефтяной отрасли в этом регионе.

В книге «Глобальное управление энергией» (2010) энергетическая дипломатия определяется как использование внешней политики для обеспечения доступа к зарубежным энергоресурсам и развитие сотрудничества в энергетическом секторе. Энергетическая дипломатия предполагает государственную поддержку конкурентоспособности национальных энергетических компаний с помощью международных договоров. Утверждается, что энергетическая дипломатия имеет свои пределы в виде рыночных структур. В энергетической дипломатии заинтересовано и

государство по стратегическим соображениям, и госкомпании по коммерческим мотивам, причём компании могут быть инициаторами процессов. Интересы госкомпаний могут пересекаться, но не совпадать с интересами властей и общими интересами отрасли. Одна из целей энергетической дипломатии – рост присутствия на зарубежных рынках с большей нормой прибыли, которые защищены национальным законодательством. Энергетическая дипломатия зачастую предполагает приобретение инфраструктуры в счёт долгов за потреблённые ресурсы, инвестиции в развитие для доступа к ресурсам, скидки и договорённости в сфере безопасности [\[10\]](#).

Основные институты, связанные с проведением энергетической дипломатии, – это формальный и неформальный лоббизм. Формальный лоббизм возникает во второй половине XX века, многие нормы и правила в странах Европы были введены только во втором десятилетии XXI века. Формальный лоббизм предполагает участие представителей компаний-интересантов в процессе подготовки и принятия решений, в основном, в качестве экспертов, объясняющих в ходе слушаний в законодательных органах целесообразность введения тех или иных правил функционирования отрасли. Регламентация формального лоббизма подразумевает создание списков лоббистов, имеющих право взаимодействовать с представителями органов власти, отчеты о финансировании лоббистских проектов, а также отчеты представителей власти о встречах с лоббистами. Неформальный лоббизм, то есть нерегламентированное и непубличное взаимодействие лиц, принимающих решения, и представителей групп интересов – универсальный феномен, встречаемый повсеместно на протяжении всей записанной истории. Попытки ограничения неформального лоббизма, осуществляемые в США и Европе со второй половины XX века, не устранили феномен из-за неизбежного внутриэлитного взаимодействия лиц, которые по правилам не должны влиять друг на друга.

Процессы энергетической дипломатии – взаимовыгодные сделки и уступки в обмен на контракты в сфере энергетики, кампании в СМИ и публикации ангажированных экспертных мнений, давление на лиц, принимающих решения, подготовка правовых документов и проектов решений. Применение количественных методов анализа при изучении энергетической дипломатии зачастую затруднено в связи с тем, что многие значимые решения принимаются непублично, и могут быть изучены только с ограниченной точностью на основании косвенных признаков, к которым могут быть отнесены публикации в СМИ, объёмы поставок ресурсов, участие иностранных компаний в разработке месторождений полезных ископаемых и их транспортировке.

Первый шаг для структурно-функционального анализа энергетической дипломатии – оценка ресурсной обеспеченности, потребления, экспорта и импорта в сфере топливно-энергетического комплекса, маршрутов транспортировки энергоносителей. Следующий шаг – выявление и категоризация субъектов. Изучение крупнейших игроков – государственных и негосударственных компаний, бюрократических и партийных групп и их интересов, то есть взятия и удержания власти, обеспечение доступности ресурсов и контроль над рынками сбыта. Далее оценивается нормативно-правовая база и история её формирования. Какие договоры подписаны между сторонами, какие правила регламентируют деятельность в энергетической сфере и внешней торговле. Затем рассматриваются доступные для игроков механизмы по улучшению своих условий в торге с другими игроками. Влияние на законодательство и принятие решений в стране игрока или в иностранном государстве, находящемся в сфере интересов игрока, осуществляется с помощью лоббирования, кампаний в СМИ и исследовательской литературе, давления в виде инициации протестной активности или непосредственно

силового давления и экспроприации.

Важнейшим неформальным институтом, определяющим успех или провал энергетической дипломатии, является доверие между игроками. Как показывает М. Озава, оно снижает транзакционные издержки переговоров и позволяет заключать долгосрочные соглашения, выходящие за рамки сиюминутной коммерческой выгоды [\[17\]](#). В рамках структурно-функционального анализа уровень доверия может быть операционализирован через три ключевых параметра:

1. Дискурсивный: Отражение партнера в официальных стратегических документах (как партнер или как угроза).
2. Коммуникативный: Характер взаимодействия между элитами (преобладание формальных или неформальных контактов).
3. Экономический: Степень диверсификации контрактов и маршрутов поставок.

Эффективность энергетической дипломатии.

Энергетическая дипломатия, когда государство ставит задачи национальным нефтяным компаниям, может не приносить выгоды, поскольку политические риски для ведения бизнеса могут быть высокими, а прибыль – низкой, поскольку цены могут оказаться выше рыночных, а контракты могут срывать. Спор энергокомпаний с зарубежными потребителями или поставщиками может вредить внешней политике государства. Не всегда возможно наладить добычу из-за плохого инвестиционного климата, не всегда получается выкупать местных производителей и инфраструктуру из-за того, что сохраняется доступ на рынки компаний из других стран. Энергетическая дипломатия вредит прозрачности и может негативно влиять на инвестиции, когда частные компании отталкиваются большими дипломатическими контрактами, что снижает конкуренцию и повышает цены. Из-за опасений по поводу доминирования одного игрока вследствие применения энергетической дипломатии может возникать ограничение доступа к международным инструментам. Многие исследователи считают, что цены на ресурсы диктует глобальный рынок, а политически-обоснованные решения могут игнорировать экономические факторы. В период низких цен условия диктуют потребители, и использование соглашений в сфере развития или безопасности перестаёт быть привлекательным [\[10\]](#).

Ограничения и возможности энергетической дипломатии могут быть оценены на примере взаимодействия России и европейских стран в сфере энергетики. Хорошие личные отношения Брандта и Брежнева в советский период способствовали развитию «восточной политики» Германии, которая иногда вступала в противоречие с американскими интересами – вопреки запрету США, Германия экспортировала в СССР трубы, необходимые для строительства газопровода из СССР в Германию. Интересы сталелитейной отрасли Германии как потребителя энергии и экспортера, а также немецких энергетических компаний и химических компаний, Wintershall и BASF, совпадали с заинтересованностью СССР в получении технологий и валютной выручки от продажи газа. Аналогично, хорошие отношения Шрёдера и Путина способствовали развитию проекта «Северный поток», напрямую связавшего Россию и Германию. Также доверию между странами содействовало взаимопонимание.

Применяя введённые параметры анализа доверия, можно утверждать, что его уровень в отношениях России и Германии был исключительно высоким. Это подтверждается по всем трём направлениям.

На дискурсивном уровне Россия последовательно фигурировала в ключевых программных документах ФРГ как стратегический партнер в энергетической сфере, в то время как риски, связанные с зависимостью, долгое время артикулировались слабо.

На коммуникативном уровне наблюдалось преобладание неформальных связей и личных договоренностей между политическими и бизнес-элитами двух стран, что иллюстрируется тесными отношениями Брандта и Брежнева, Шрёдера и Путина, а также глубиной взаимодействия между руководством «Газпрома» и CEOs таких компаний, как Wintershall и BASF.

На экономическом уровне обе стороны демонстрировали минимальную склонность к диверсификации, что является ключевым индикатором взаимного доверия: Германия делала ставку на дешёвый российский трубопроводный газ, а Россия рассматривала немецкий рынок как ключевой и надёжный, не развивая в полной мере альтернативные маршруты экспорта на Восток. Именно этот высокий уровень доверия, уходящий корнями в историю «восточной политики», личные связи и взаимные культурные симпатии («остальгия», опыт работы Путина в Германии), позволил сотрудничеству сохранять устойчивость даже на фоне нарастающих политических разногласий между Москвой и Брюсселем [\[17\]](#).

Данный кейс наглядно иллюстрирует действие неформальных институтов, имеющих, в соответствии с методологией неоинституционализма, не меньшую объяснительную силу, чем формальные договоры. Теория ограниченной рациональности Герберта Саймона помогает объяснить, почему обе стороны долгое время считали статус-кво (зависимость Германии от российского газа, а России — от немецкого рынка) «удовлетворительным» решением, несмотря на растущие геополитические риски, очевидные для стороннего наблюдателя [\[1\]](#). Они действовали в рамках привычной и хорошо освоенной парадигмы взаимовыгодного сотрудничества, где издержки поиска альтернатив (диверсификация для Германии, поиск новых рынков для России) казались выше потенциальных выгод. Кроме того, инкрементальный подход Чарльза Линдблума проявляется в поэтапном, «шаг за шагом», развитии сотрудничества — от первых поставок газа в СССР до строительства «Северного потока» и «Северного потока — 2» [\[2\]](#), где каждое последующее решение было лишь небольшим приращением к предыдущему, а не радикальным стратегическим выбором.

Противоположный пример показывает взаимодействие России с Британией, в которых роль доверия была невелика и преобладал коммерческий компонент. Взаимное недоверие Британии и России было связано со сложной историей отношений и геополитической конкуренцией на протяжении последних веков. Также роль России как поставщика энергоресурсов для Британии не была значительной, поскольку Британия располагала собственными энергоресурсами в Северном море, имела выстроенные договорённости со странами Персидского залива и Норвегией, а также возможности по импорту сжиженного природного газа. В свою очередь, значение Британии для России как торгового партнёра не было таким большим, как значение Германии, долгое время бывшей крупнейшим источником импорта для России, а также представленной множеством компаний, работающих на российском рынке. Россия была заинтересована в международном авторитете и компетенциях британских компаний, таких как British Petroleum, которая создала совместное с Тюменской нефтяной компанией предприятие ТНК-ВР, и Shell, которая совместно с японскими Mitsui и Mitsubishi стала инвестором в проект СПГ на Сахалине. На положение британских компаний негативно повлияло отсутствие доверия между российской и британской сторонами. Shell потерял свое

положение в сахалинском проекте после того, как стоимость проекта выросла вдвое, с 10 до 20 миллиардов долларов, за тем последовал экологический скандал. BP не подвергалась давлению вплоть до ухода с должности Джорджа Брауна, после чего из-за конфликта между BP и российской Alpha Access Renova BP был вынужден уступить свою долю в совместном предприятии. Конфликт сопровождался такими инцидентами, как отказ в выдаче рабочей визы новому председателю правления ТНК-BP Роберту Дадли [17].

Противоположная динамика в отношениях с Великобританией идеально объясняется через призму подхода Майкла Хилла [11] и Мишеля Круазье [8] к анализу бюрократических систем. Конфликты вокруг Shell и ТНК-BP были не столько экономическими, сколько следствием столкновения несовместимых административно-корпоративных культур и отсутствия общих неформальных правил игры. Внутренняя неоднородность и конфликт интересов внутри самих корпораций и между ними и государственными аппаратами двух стран не позволили выработать устойчивые модели взаимодействия. В условиях отсутствия доверия как смягчающего механизма рациональная модель принятия решений уступила место силовой, где каждая сторона стремилась к максимальной выгоде (вопреки теории Саймона) [18], что в итоге привело к субоптимальным для всех сторон результатам — выходу BP из совместного предприятия и свертыванию перспективных проектов.

Если по мере нарастания конфликта между Евросоюзом и Россией в 2010-е, Германия способствовала развитию проекта «Северный поток-2», а немецкие лоббисты содействовали тому, чтобы правила «Третьего энергопакета» Евросоюза не затрагивали импорт газа из России, то BP вышел из переговоров по строительству последующих трубопроводов «Северный поток-3» и «Северный поток-4» [17]. «Третий энергопакет» – пример противодействия административно-бюрократической системы энергетической дипломатии, нацеленный как на усиление переговорной позиции через увеличение спектра поставщиков, так и на контроль над взаимодействием энергетических компаний Европы и внешних игроков. Некоторые исследователи отмечают, что в иерархии международных отношений, энергетической дипломатии и национальной безопасности приоритет имеет последняя [7]. С такой расстановкой приоритетов может быть связано принятие решений в сфере энергетики, противоречащее интересам ключевых потребителей, особенно в контексте перехода энергодиалога между Европой и Россией из сугубо коммерческой сферы в политическую [9].

«Третий энергопакет» ЕС является классическим примером того, как формальные институты [3] (законодательные акты) создаются для ограничения влияния неформальных практик (лоббизма, персональных договоренностей) [4]. Его принятие и имплементация могут быть проанализированы через концепцию Джеймса Марча и Йохана Олсена: это результат борьбы и коалиций внутри самой «евробюрократии», где различные директораты Европейской Комиссии, а также интересы разных государств-членов (Польша и страны Балтии vs. Германия) сталкивались между собой. Политическая рациональность (безопасность, суверенитет) в этой борьбе одержала верх над экономической (дешевые энергоресурсы), что демонстрирует примат политических решений в условиях кризиса доверия.

Динамика торговли показывает, что эффективность российской дипломатии на энергорынках Европы можно считать ограниченной. Доля российских угля, нефти, нефтепродуктов и газа в Европе за первую четверть XXI века снизилась с 40-50% до

20% ^[19]. Сила институционального присутствия американского лоббизма была умножена идеологическими и геополитическими обстоятельствами, что обнулило или снизило результаты российского лоббизма в Европе. «Сланцевая революция» в США и экспансия Европейского союза в конце XX-начале XXI века привели к сочетанию экономических и политических факторов, перевешивающих целесообразность торговли энергоресурсами между Россией и Европой. Лоббистский ресурс США оказался гораздо более эффективным как в силу наличия развитой сети лояльных корпорациям-экспортёрам и внешнеполитическому ведомству экспертов и организаций, так и из-за совокупности внешних факторов: значения американского рынка для Европы, зависимости Европы от США в сфере военно-промышленного комплекса, устоявшихся механизмов биржевой торговли и взаимной зависимости финансовых систем Европы и США, а также противоречий между интересами разных государств Евросоюза, интересами евробюрократов, энергетических и промышленных компаний Европы. Недостаточно высокие результаты российского лоббизма в Европе связаны с превосходством американских инструментов давления, но на фоне политических конфликтов неформальный лоббизм остаётся одним из главных инструментов для содействия экспорту энергоресурсов, необходимого для наполнения российского бюджета.

Заключение.

Оценка тенденций в сфере энергетической дипломатии проводится как по артикулированным игроками намерениям, так и с помощью экстраполяции существующей динамики, в том числе в сфере правоприменения. Метод структурно-функционального анализа может быть применён для изучения других сложных социальных, политических и экономических отношений, а не только в контексте энергетической дипломатии, но именно для этого направления исследований он наиболее ценен.

Важную роль в энергетической дипломатии играет противоречие между интересами бюрократических и финансово-промышленных групп, а также между интересами групп влияния из других государств. Если интересы и закрепляются в виде нормативно-правовых актов, то их исполнение может быть затруднено в силу противостоящих интересов бюрократических и финансово-промышленных групп, то есть может существовать разрыв между законами и договорами с одной стороны и фактическим взаимодействием в сфере топливно-энергетического комплекса с другой.

Именно эта особенность, когда фактическое поведение лиц, принимающих решения, расходится с правилами институтов, и привела к появлению неоинституционализма в середине XX века. Но поведение по-прежнему остаётся детерминировано структурами и их функциями. Для прогнозирования этого поведения в сфере энергетической дипломатии следует учитывать артикулированные интересы сильнейших государств и группировок, имеющих отношение к контексту взаимодействия. Для прогнозирования поведения субъектов экономической деятельности нужно оценивать доступность кредитных ресурсов, инвестиции в основной капитал, дивидендную политику и её значение. Также следует учитывать электоральные и финансовые циклы. Многофакторный анализ институтов и процессов может содействовать успешным прогнозам и экспертизе в сфере энергетической дипломатии.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, раскрывающих сущность и специфику энергетической дипломатии как комплексного политико-экономического явления.

Во-первых, энергетическая дипломатия не сводится к официальным

межправительственным договоренностям, а представляет собой гибридный институт, продукт постоянного взаимодействия и конфликта формальных правил и глубоко укорененных неформальных практик (лоббизма, персонального доверия, внутриэлитных связей).

Во-вторых, эффективность энергетической дипломатии в долгосрочной перспективе в решающей степени определяется фактором межгосударственного и межкорпоративного доверия, который зачастую оказывается прочнее и значимее сиюминутной коммерческой выгоды. Именно доверие позволяет преодолевать политические кризисы и выстраивать устойчивые цепочки взаимодействия.

В-третьих, наибольший объяснительный потенциал при анализе решений в сфере энергетической дипломатии демонстрируют теории, отходящие от постулатов классического рационального выбора. Подходы, учитывающие ограниченную рациональность (Г. Саймон), инкрементализм (Ч. Линдблом) и внутреннюю неоднородность бюрократических систем (М. Круазье, Дж. Марч, Й. Олсен), наиболее адекватно описывают ее «иррациональную» с точки зрения рыночной логики природу.

В-четвертых, предложенный в работе алгоритм структурно-функционального анализа (последовательная оценка ресурсов, субъектов, нормативной базы и механизмов влияния) является универсальным диагностическим и прогностическим инструментом. Его применение не ограничивается рамками российско-европейского энергодиалога и может быть экстраполировано на другие регионы и уровни взаимодействия, что открывает широкие перспективы для дальнейших сравнительных исследований.

Библиография

1. Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 12-39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39 EDN: NFRSVX.
2. Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2017. 158 с. EDN: UQHCEM.
3. Кавешников Н.Ю. Развитие энергетического пространства Европейского союза // Политическая наука. 2014. № 2. С. 65-88. EDN: SGGSQF.
4. Курылев К. П., Володина Е. И. Третий энергетический пакет Евросоюза. Последствия и перспективы для России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: экономика и право. 2016. № 7. С. 36-39. EDN: WYRK CJ.
5. Anderson J. Public policymaking. Boston: Wadsworth, 2011. 351 p.
6. Balmeda M.M. Russian energy chains. N.Y.: Columbia University Press, 2021. 421 p.
7. Bovan A., Vučenović T., Perić N. Negotiating Energy Diplomacy and its Relationship with Foreign Policy and National Security // International Journal of Energy Economics and Policy. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 1-6. DOI: 10.32479/ijeep.8754 EDN: TEXVDI.
8. Crozier M. The Bureaucratic phenomenon. Abingdon: Routledge, 2017. 342 p.
9. Galytska K. European-Russian Energy Relations: from Dependence to Interdependence. Firenze: Firenze University Press, 2021. 136 p.
10. Goldthau A. Energy Diplomacy in Trade and Investment of Oil and Gas // Global energy governance / Ed. by A. Goldthau, J.M. Witte. Washington: Brookings University Press, 2010. P. 25-47.
11. Hill M.J. The policy process in the modern state. N.Y.: Prentice Hall, 1997. 254 p.
12. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. No. 2. P. 263-292.

13. Lindblom C.E. The policy-making process. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1980. 131 p.
14. Lippert W.D. The economic diplomacy of Ostpolitik origins of NATO's energy dilemma. N.Y.: Berghahn Books, 2011. 260 p.
15. Maness R.S., Valeriano B. Russia's Coercive Diplomacy. Energy, Cyber, and Maritime Policy as New Sources of Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 250 p.
16. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life // American Political Science Review. 1983. No. 3. P. 734-749.
17. Ozawa M. Trust and European-Russian Energy Relations: Ensuring Energy Security. Cham: Springer, 2023.
18. Simon H.A. Administrative behavior; a study of decision-making processes in administrative organization. N.Y.: Macmillan, 1957. 259 p.
19. Statistical Report on World Energy. No 75. L.: Energy Institute, 2025. 76 p.
20. Stulberg A.N. Well-oiled diplomacy. Strategic manipulation and Russia's energy statecraft in Eurasia. Albany: State University of New York Press, 2007. 365 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают структура, функции и эффективность энергетической дипломатии, с акцентом на роль неформальных институтов (таких как доверие и лоббизм) в формировании и исходах российско-европейских энергетических взаимодействий. Научная актуальность работы обусловлена растущим геополитическим напряжением на глобальных энергорынках, где традиционные подходы к дипломатии не учитывают скрытые механизмы влияния, что приводит к недооценке рисков и возможностей в международных отношениях. С возрастающей ролью энергетических факторов в международных отношениях и недостатком объективных аналитических подходов к изучению данного феномена связана необходимость преодоления субъективности и ангажированности в академических исследованиях энергетической дипломатии. Практическая значимость статьи заключается в предоставлении универсального аналитического инструмента для прогнозирования исходов энергетических переговоров, который может быть использован политиками, дипломатами и корпоративными стратегами для минимизации рисков и оптимизации сотрудничества в условиях неопределенности. Разработанная методология структурно-функционального анализа позволяет прогнозировать поведение субъектов энергетической дипломатии и может быть использована для экспертной оценки перспектив международного энергетического сотрудничества в различных региональных контекстах. В методологическом плане исследование базируется на синтезе неинституционального подхода с теориями принятия решений, что позволяет анализировать как формальные правовые процедуры, так и неформальные отношения в энергетической дипломатии. Автор применяет ставшую уже классической теорию ограниченной рациональности Герберта Саймона для объяснения субоптимальных решений в условиях информационного дефицита, инкрементальный подход Чарльза Линдблума для анализа поэтапного принятия решений в условиях неопределенности, а также концепции Майкла Хилла и Мишеля Крозье для изучения внутренней неоднородности бюрократических структур. Применяется также метод case study при анализе опыта российско-германского и российско-британского сотрудничества. Эмпирическую базу составляет сравнительный анализ российско-германского и российско-британского энергетического сотрудничества, где операционализируется

уровень доверия через дискурсивные, коммуникативные и экономические параметры. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о предложенной трехуровневой операционализации межгосударственного доверия в энергетической дипломатии через дискурсивный (отражение партнера в стратегических документах), коммуникативный (характер взаимодействия элит) и экономический (степень диверсификации) параметры, что позволяет количественно оценивать этот ключевой неформальный институт. Кроме того, в работе доказано, что эффективность энергетической дипломатии определяется не столько формальными договоренностями, сколько гибридным взаимодействием официальных правил с глубоко укорененными неформальными практиками, причем фактор доверия оказывается устойчивее сиюминутной коммерческой выгоды в долгосрочной перспективе. Показано, что эффективность российской энергетической дипломатии в Европе ограничена вследствие институциональной слабости по сравнению с американским лоббизмом, обладающим более сильными каналами влияния и поддержанным геополитическими факторами. Наконец, по результатам исследования обоснована универсальность разработанного алгоритма структурно-функционального анализа (последовательная оценка ресурсов, субъектов, нормативной базы и механизмов влияния), который выходит за рамки российско-европейского контекста и может применяться для изучения энергетической дипломатии в других регионах мира. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность темы энергетической дипломатии, критически анализируется существующая литература и формулируются методологические преимущества предлагаемого подхода; - «Методология», где детально описывается теоретико-методологический аппарат исследования, основанный на принципах неоинституционализма и теорий принятия решений, а также раскрываются особенности их операционализации для анализа энергетической дипломатии; - «Институты и процессы энергетической дипломатии», где описана историческая эволюция концепции, анализируются формальные и неформальные институты лоббизма, а также предлагается алгоритм структурно-функционального анализа с операционализацией фактора доверия; - «Эффективность энергетической дипломатии», где проводится сравнительный анализ российско-германского и российско-британского энергетического сотрудничества, демонстрируется применение разработанной методологии на конкретных кейсах; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы о природе энергетической дипломатии и обосновывается универсальность предложенного аналитического подхода. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, ненужные точки в заголовках разделов; или использование канцеляризованных слов «в силу наличия», «по вопросам» и др.; или злоупотребление однокоренными словами в одном предложении, например: «...Который служит в данной статье ключевым, но не исключительным кейсом...»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «Большое количество статей и монографий, посвященных лоббизму России в Европе, имеют...», «Shell потерял свое положение...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части при критическом анализе литературы по проблемам лоббизма и энергетической дипломатии.

В числе безусловных достоинств рецензируемой статьи следует отметить методологическую строгость и аналитическую глубину. Автор демонстрирует глубокое понимание неинституционального подхода и теорий принятия решений, убедительно операционализируя абстрактные концепции (особенно фактор доверия) через конкретные измеримые параметры, что выгодно отличает работу от описательных исследований в данной области. Исследование выходит за рамки поверхностного описания событий, предлагая комплексное объяснение логики принятия решений в энергетической дипломатии через призму ограниченной рациональности, инкрементализма и бюрократической динамики, что позволяет понять внутренние механизмы кажущихся иррациональными политических решений. В числе неиспользованных резервов для улучшения работы можно упомянуть отсутствующий иллюстративный материал.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на незначительные ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, энергетической безопасности и экономической дипломатии, для экспертов, изучающих процессы принятия решений и институциональную динамику, для аналитиков в области энергетической политики, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Сербина А.С. Национальные перспективы реализации европейской политики «снижения рисков» в отношениях с Китаем // Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75875 EDN: ZIQMXC
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75875

Национальные перспективы реализации европейской политики «снижения рисков» в отношениях с Китаем

Сербина Анна Степановна

кандидат исторических наук

доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, оф. 205

✉ serbina.anna@mail.ru

[Статья из рубрики "Мировая политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75875

EDN:

ZIQMXC

Дата направления статьи в редакцию:

10-09-2025

Дата публикации:

17-09-2025

Аннотация: Опираясь на концепцию хеджирования, проанализирована политика ЕС по «снижению рисков» в отношении Китая, который в постковидный период стал характеризоваться Брюсселем одновременно как партнер, экономический конкурент и системный соперник. Предметом исследования выступили национальные аспекты и перспективы реализации политики «дерискинга», рассматриваемые на примере Германии, Франции, стран Восточной Европы и Италии. Особое внимание в статье уделяется выработке национальных стратегий в отношении Китая и Индо-Тихоокеанского региона в целом, а также практической реализации политики «снижения рисков», в том числе продвижению государствами своих позиций в Совете ЕС. В статье рассматривается применение государствами-членами Евросоюза стратегии хеджирования в ключевых вопросах стратегической конкуренции между США и Китаем.

Методологической основой исследования являются системный подход с применением индуктивно-дедуктивных алгоритмов, а также контент-анализ стратегических документов ЕС и государств-членов, что позволило рассмотреть политику «дерискинга» на общеевропейском и национальном уровнях. Для оценки сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, связанных с реализацией политики «дерискинга» применялся SWOT-анализ. Выявлено, что политика «дерискинга» на уровне Брюсселя тяготеет к конфликтному типу хеджирования, в то время как большинство национальных государств находятся в русле кооперационного хеджирования. Политика «снижения рисков» – длительная и затратная стратегия, стимулирующая европейские страны сохранять конструктивные отношения с Пекином. В ключевых сферах политики государства-члены будут действовать гибко, формируя изменяющиеся коалиции и лавируя между США и Китаем. Национальная практика реализации политики «снижения рисков» имеет ограниченный потенциал и зависит от опыта экономических отношений с Китаем, внутривластной конъюнктуры и глубины взаимоотношений с США. Автор приходит к выводу, что французский подход наиболее объективен, поскольку ориентирован на укрепление стратегической автономии ЕС не только от Китая, но и от США, а также охватывает геоэкономические и геополитические аспекты конкуренции. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе анализа корреляций между сильными и слабыми сторонами, возможностями и угрозами для Европы в отношениях с Китаем, автор вместо «стратегической автономии» предлагает модель «стратегической взаимозависимости».

Ключевые слова:

США, Китай, стратегическая конкуренция, стратегия ЕС, хеджирование, Германия, Франция, страны Восточной Европы, Италия, стратегическая взаимозависимость

Введение

Второе десятилетие XXI-го века было отмечено ростом напряженности между Соединенными Штатами и Китаем, в то время как Европейский Союз (ЕС) оказался заложником этой стратегической конкуренции. Изменение тональности и постепенное ухудшение американо-китайских отношений усилили в Европе чувство неуверенности в отношении китайского партнера, хотя обоснованность такой политики США можно поставить под сомнение, поскольку она выдает запоздалую реакцию на растущую зависимость Вашингтона от Пекина.

Долгое время ЕС не имел официальной общей политики в отношении Китая, а также Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) в целом. Напомним, что Китай выступает против концепции ИТР, которая активно продвигается в западном политическом дискурсе с 2007 г. как альтернатива Азиатско-Тихоокеанскому региону, поскольку она направлена против «китайского экспансионизма» в его политическом, стратегическом, экономическом и культурном измерениях.

В 2019 г. Европейская комиссия представила документ «ЕС-Китай — стратегический взгляд», в котором Китай триедино определяется как «партнер, экономический конкурент и системный соперник». Китай в разных областях политики одновременно считался партнером по сотрудничеству, с которым ЕС необходимо обеспечить баланс интересов, экономическим конкурентом в стремлении к технологическому лидерству и системным соперником, продвигающим альтернативные модели управления [\[1\]](#).

Подобный триптих отражает как всю сложность и многогранность взаимоотношений ЕС-Китай, так и трудности государств-членов ЕС в согласовании действительно общей стратегии для последовательного решения двусторонних проблем.

В сентябре 2021 г. наконец-то была принята Стратегия ЕС по сотрудничеству в ИТР, ставшей основой, определяющей его взаимодействие со странами региона, простирающимся от восточного побережья Африки до островов Тихого океана. В документе отмечается, что будущее ЕС и ИТР неразрывно связано, учитывая взаимозависимость экономик и общие глобальные проблемы [\[2, p.1\]](#). Китай упоминается в документе 13 раз, содержательно в 4 аспектах:

1. Китай — важная часть региона, который значительно нарастил военную мощь. Демонстрация силы и усиление напряженности в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в зоне Тайваньского пролива могут оказать прямое влияние на безопасность и процветание Европы.

2. ЕС намерен продолжать многогранное взаимодействие с Китаем, сотрудничая по вопросам, представляющим общий интерес, в то же время, отмечается, что ЕС продолжит защищать свои основные интересы и продвигать свои ценности, одновременно отступая там, где существуют фундаментальные разногласия с Китаем, например, по правам человека [\[2, p.4\]](#).

3. Прогресс в ратификации Всеобъемлющего соглашения об инвестициях, переговоры по которому с Китаем были завершены в конце 2020 г., отвечает взаимным интересам ЕС и Китая.

4. Китай упоминается как партнер по ряду направлений сотрудничества, в частности, взаимодействие по вопросам окружающей среды, партнерство в области океана и рыболовства в регионе, а также по вопросам безопасности и обороны, включая борьбу с терроризмом, кибербезопасность, нераспространение и разоружение, диалоги по космической и морской безопасности. В этом контексте в структуру делегации Европейского Союза в Китае был включен военный советник — кадровый офицер Аллард Уэйджмейкер, служивший в Анголе, Боснии и Афганистане [\[2, p.9-10\]](#).

По мере нарастания противоречий между США и Китаем риторика ЕС становилась более жесткой, однако практика взаимодействия с Пекином была далека от американского «размежевания». Переход к более решительной позиции ЕС в отношении Китая ознаменовала речь председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен 30 марта 2023 г. в Институте китайских исследований Меркатора, что также нашло своё подтверждение в Европейской стратегии экономической безопасности в июне того же года [\[3\]](#).

По словам фон дер Ляйен, разрыв отношений с Китаем нецелесообразен для Европы и не отвечает её интересам. Вместо этого она предложила курс на дипломатическое и экономическое снижение рисков. Дипломатическое снижение рисков не должно уклоняться от обсуждения сложных вопросов с китайскими коллегами, а напротив, создавать пространство для «обсуждения более амбициозного партнерства и того, как мы можем сделать конкуренцию более справедливой и дисциплинированной» [\[4\]](#). Снижение рисков в экономических отношениях предполагало повышение конкурентоспособности и устойчивости экономики и промышленности ЕС, более эффективное использование существующего инструментария торговых инструментов, разработку новых защитных инструментов для критически важных секторов и стремление

к более тесному сотрудничеству с партнерами по всему миру.

Хеджирование рисков

Одним из способов понимания того, как ЕС видит свое партнерство с Китаем, является теория «средних держав» — представление о том, что влиятельные страны с достаточной проекцией силы могут формировать региональные и глобальные порядки. В рамках этого «великие державы» часто ищут поддержки и сотрудничества «средних держав» для реализации своих более масштабных стратегий.

В какой-то степени можно говорить о применимости теории «средних держав» относительно ЕС. Безусловно, многие европейские страны сами по себе являются значительными державами, и ЕС в целом имеет потенциал конкурировать более или менее на равных с Китаем или США. Но ЕС не является национальным государством и не может полностью реализовать этот потенциал в своей нынешней институциональной конфигурации. В этой связи особого внимания заслуживает термин «стратегическая автономия», впервые зафиксированный в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. и получивший широкое распространение в официальном европейском дискурсе. Достижение «стратегической автономии» подразумевает свободу от внешнего влияния и выдержано как раз в духе теории «средних держав».

Брюссель в определении своего взаимодействия с другими державами пока сохраняет глубокую привязанность американской идее порядка, основанного на правилах, построенного на либеральных ценностях. Однако в условиях нового, более фрагментированного мирового порядка, который формируется усилиями «средних держав», европейцам для защиты своих интересов нужна стратегия, которая подчеркивает связи Европы с рядом других стран, меняющих динамику глобальной власти. Такая стратегия будет увеличивать суверенитет Европы.

С точки зрения реалистической парадигмы у государства или блока государств есть три стратегических варианта поведения, когда они сталкиваются с растущей державой — балансирование, присоединение или хеджирование. Если говорить о сценариях развития отношений ЕС и КНР в перспективе до 2030 г., первые два варианта не соответствует политике Брюсселя в отношении усиливающегося Китая. Стратегия балансирования применяется в отношении враждебных держав, коим Китай в полной мере не является. Переход на сторону Китая также не соответствует интересам ЕС как блока, пытающегося стать независимым центром влияния в мире. Таким образом, хеджирование, т. е. снижение рисков, станет предпочтительным стратегическим вариантом для ЕС. Стратегия хеджирования предполагает развитие тесных связей с КНР, но при соблюдении собственных интересов и диверсификации связей с ним.

Малазийский исследователь Ч. Ч. Куик считает, что хеджирование — не панацея, и влечет за собой негативные последствия. Хеджирование как стратегия поведения направлена на поиск гарантий безопасности в ситуациях высокой неопределенности, когда рациональное государство избегает встать на чью-либо сторону, и принимает противоположные меры по отношению к конкурирующим державам, сохраняя возможность выбора [\[5, p.301\]](#) Слабость ЕС в том, что они будут хеджировать до тех пор, пока этого требуют условия. Если соперничество США и Китая не перерастет в прямой конфликт, или если не возобладает стратегическая определенность, например, если Вашингтон отступит в своей конкуренции с Китаем, то ЕС будет вынужден прекратить хеджирование и начать подстраиваться под Китай; если действия Пекина будут напрямую угрожать большинству, то хеджирование будет заменено балансированием

против Китая.

В условиях новой, мягкой биполярности, когда мир всё больше разделяется на доминирующие сферы влияния Соединенных Штатов и Китая, ЕС будет вынужден действовать гибридно, демонстрируя меняющиеся коалиции государств-членов, плавно лавируя между двумя великими державами. Применяя стратегию хеджирования, ЕС будет склоняться то в одну, то в другую сторону в зависимости от конкретного вопроса как минимум в семи ключевых областях политики (экология и климат, торговля, инвестиции, финансы, инфраструктура, цифровые технологии, военная сфера, а также образовательная, культурная и научная сферы), где наблюдается растущее расхождение позиций США и Китая.

Стратегия «снижения рисков» в отношениях с Китаем стала основой программы Урсулы фон дер Ляйен в качестве председателя Европейской комиссии на 2024-2029 гг. [6] Но потенциал Евросоюза как международного игрока всегда ограничен его внутренними разногласиями. ЕС предпринял определенные шаги в рамках политики «дерискинга», но реализация данной политики затруднена тем, что государства-члены ЕС имеют различные точки зрения на взаимоотношения с Пекином. С другой стороны, именно эти различия в ценностях и практиках, а также в политической воле и политических возможностях государств-членов определяет способность ЕС играть автономную, смягчающую роль в бифуркации мирового порядка.

Кто возглавит политику «дерискинга» — Германия или Франция?

Политика ЕС в отношении стран ИТР всегда была сочетанием внешних политик государств-членов и некоторых общих элементов. В частности, Германия и Франция в большей степени представлены в регионе, обеспечивая защиту интересов своих экономик и бизнеса.

Для Китая Европа выступает ключевым звеном инициативы «Пояс и путь» (BRI), однако Пекин придерживается тактики «разделяй и властвуй», развивая более тесные связи с некоторыми государствами-членами ЕС, в частности и на уровне субрегионов, например, со странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Подобная региональная дипломатия Китая рассматривается Брюсселем как стратегическое вторжение в Европу, которое представляет серьезную угрозу Евросоюзу в целом, а также национальным интересам государств-членов. В этой связи Фон дер Ляйен, выступая 30 марта 2023 г. в Институте китайских исследований Меркатора, призвала к тесной координации между государствами-членами и институтами ЕС, а также быть готовыми противостоять китайской тактике «разделяй и властвуй» [4].

В целом, опасения относительно китайской тактики «разделяй и властвуй» в отношении ЕС не беспочвенны. Желание углублять экономические связи с Пекином демонстрируют многие европейские страны. Это заметно не только в бизнес-секторе, но и среди некоторых политических сил в Германии, Греции, Португалии и Испании. А Греция и Венгрия, куда Китай вложил значительные средства, открыто лоббируют китайские интересы в Европе.

С точки зрения Европейской комиссии, именно Германия и Франция несут особую ответственность за перестройку отношений с Китаем. Кроме того, в интересах Комиссии включить бизнес в этот процесс. Это особенно актуально для немецких компаний, которые в отличие от французских пользуются широкой автономией во внешней торговле.

На протяжении нескольких десятилетий политика Германии в отношении Китая была направлена на расширение экономических связей. Концепция «Wandel durch Handel» (Изменения через торговлю) появилась в начале 1970-х гг. и стала важной частью «новой восточной политики» Вилли Брандта. В дальнейшем данный подход стал определяющим для последующих социал-демократических администраций, достигнув кульминации в период правления канцлера Герхарда Шрёдера в 1998–2005 гг.

В своих мемуарах Г. Шрёдер вспоминает, что с самого начала канцлерства он придавал большое значение улучшению отношений с Китаем, поэтому решил совершать как минимум один официальный визит в эту страну. Для Германии, сильнейшего в мире экспортера, очень важны экономические связи с Китаем. За период с 1999 по 2005 г. объем взаимной торговли увеличились втрое и превысили сумму в 60 млрд. евро. Он был уверен, что общественные изменения в этой весьма противоречивой стране совершаются, в частности, и благодаря экономическому обмену. Колоссальный рост экономики толкает общество к модернизации и делает его более открытым [\[7, с.140-141\]](#). В Берлине верили, что именно так коммунистический Китай может стать рыночной экономикой, что приведет и к политической либерализации.

Эпоха канцлера Меркель также находилась под сильным влиянием лозунга: «Изменения через торговлю». Экономический журналист У. Вайденфельд, оценивая период канцлерства А. Меркель, не раз обращает внимание на экономическую зависимость Германии от КНР. Резкий экономический подъем Китая в новом тысячелетии, с ее точки зрения, стал благоприятным фактором для немецкой экономики во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Экономика Китая за счет государственной инвестиционной программы и программы стимулирования потребительской активности быстро выходит из кризиса, что позволило вновь делать заказы на продукцию немецких компаний [\[8, с.169\]](#). Немецко-китайские отношения давно уже воплощаются в постоянный поток экспортируемых товаров автомобильной и авиационной промышленности, промышленного оборудования. Финансовые поступления из Китая стали важнейшим двигателем немецкой экономики, но и определили зависимость процесса принятий решений от позиции Пекина. Так, в 2012 г. во время визита в Китай и обсуждения с премьером Госсовета Вэнь Цзябао проблем греческой экономики в условиях кризиса еврозоны, А. Меркель поняла, что нужно любой ценой сохранить Грецию в еврозоне, поскольку «китайцы располагают миллиардными запасами евро. Если они решат избавиться от них, сочтя, что ЕС не хватает «уверенности и доверия», евро придет конец» [\[8, с.186\]](#).

Философия «Wandel durch Handel» была принята не только рядом канцлеров и политиков, а также поддерживалась и лоббировалась лидерами промышленности, профсоюзами и журналистами. Однако всё чаще в немецких СМИ говорится о том, что данная философия не оказала на Китай в политическом плане никого влияния. В частности, в 2021 г. на сайте общественной радиостанции Deutschlandfunk вышла статья Рута Киршнера и Штеффена Вурзеля с кричащим заголовком «Никаких изменений через торговлю». В данной статье председатель германо-китайской парламентской группы в бундестаге Ганс-Петер Фридрих подвергся жесткой критике за прокитайские рассуждения. Г.-П. Фридрих заявил, что «Китай — не диктатура. Китай — это государство, которым, по сути, управляет одна партия, а именно Коммунистическая партия. Мы просто должны это принять. Конечно, мы не должны терпеть нарушения прав человека, но я считаю, что не очень продуктивно постоянно осуждать и высокомерно указывать другим, что делать». [\[9\]](#) В целом, современный общественно-политический

дискурс ФРГ направлен на то, чтобы политика Германии в отношении Китая была, во-первых, более проевропейской, а во-вторых, значительно отошла от чистой фиксации на торговле и экономических вопросах.

До начала пандемии коронавируса Федеральное правительство определило отношения ЕС с Китаем в качестве основной темы председательства ФРГ в Совете ЕС (с 1 июля по 31 декабря 2020 г.). Глобальное распространение коронавируса внесло свои коррективы в программу председательства и его основным лейтмотивом ожидаемо стал тезис «сплоченность и солидарность». Однако, презентуя программу председательства, А. Меркель заявила, что желает большего: ЕС обязан нести глобальную ответственность и укрепить свою роль в мировой политике. В числе приоритетных направлений внешней политики Брюсселя она обозначила Китай. Речь шла не только о торговле, но и о признании роли Китая в системе международных отношений [\[10, p.22\]](#).

По данным Федерального правительства приоритеты политики Германии в период её председательства в Совете ЕС включали укрепление единой политики ЕС в отношении Китая, прогресс в реализации противоречивого всеобъемлющего инвестиционного соглашения, защиту климата и расширение сотрудничества в третьих странах, в том числе в Африке, а также в глобальном здравоохранении [\[11\]](#).

Важнейшим итогом председательства ФРГ в Совете ЕС стало согласование проекта Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между Китаем и ЕС, достигнутого 30 декабря 2020 г., всего за несколько дней до окончания ее председательства. Европейская комиссия вела переговоры по инвестиционному соглашению с Китаем с 2013 г. Основное внимание уделялось защите инвестиций и улучшению доступа к рынкам, особенно для европейских компаний. Китай впервые согласился ввести в действие положения об устойчивом развитии. Соглашение также содержало обязательства принять меры в отношении принудительного труда и ратифицировать соответствующие конвенции МОТ.

Подписание инвестиционного соглашения с Китаем является одним из примеров применения Евросоюзом сложной стратегии независимого хеджирования, когда Брюссель занимает ту или иную сторону в зависимости от вопроса в рамках противостояния США-Китай. С одной стороны, китайским руководством инвестиционное соглашение с ЕС рассматривалось как веха на пути глобализации Китая и важный актив в развитии его взглядов на новый мировой экономический порядок. С другой стороны, в Вашингтоне оно воспринималось как серьезное игнорирование намерений администрации Байдена оказать коллективное давление на Китай с целью реформирования его торговой практики. Тем не менее, даже в ходе последующих переговоров это не помешало британским и французским авианосцам провести операции по обеспечению свободы судоходства в Южно-Китайском море, вызывая гнев Китая и получая одобрение от Америки. Подписание инвестиционного соглашения с Китаем, в частности, отражает остаточное нежелание ЕС сотрудничать и вести дела с США, какими они были в эпоху Трампа.

В 2021 г. депутаты Европарламента проголосовали за замораживание инвестиционного соглашения с Китаем в связи с нарушениями прав человека в КНР и введения Пекином контрсанкций. Этот акт знаменует собой изменение стратегии ЕС, поскольку нарушения прав человека всегда были проблемой в отношениях ЕС и Китая, но никогда ранее нормативные ценности не преобладали над экономическими интересами. Этот нормативный сдвиг в политике ЕС также подтверждался риторикой официальных лиц ЕС, которая стала более осуждающей. Это нашло отражение и в торговой политике ЕС. Сам

факт того, что соглашение по инвестициям зашло в тупик, стало тому подтверждением. Однако даже в замороженном состоянии данное соглашение выполняет определенные функции. Изначально Всеобъемлющее соглашение об инвестициях между Китаем и ЕС обсуждалось именно потому, что Пекин имел рычаги влияния в торговых отношениях. Можно утверждать, что заморозив соглашение, ЕС перехватил у Китая эти рычаги влияния.

Германия стала первой страной Евросоюза, разработавшей национальную стратегию в отношении Китая. Документ, опубликованный 13 июля 2023 г., сформулирован в русле общеевропейского подхода по «снижению рисков», хотя определение рисков в Берлине и Брюсселе не полностью совпадают. Стратегия взаимодействия с Китаем и преодоления рисков, создаваемых им, охватывает три измерения: двусторонние отношения с Китаем, укрепление Германии и ЕС в мировой политике и международное сотрудничество. Стратегия Германии в отношении Китая является явным отходом от политики, проводимой правительством Ангелы Меркель, которое рассматривало поддержку двустороннего сотрудничества с Пекином, особенно в экономическом аспекте, как важнейший приоритет [\[12\]](#).

Первая национальная стратегия Германии по Китаю стала результатом 18-месячного переговорного процесса всех заинтересованных сторон, в первую очередь, представителей мощного промышленного лобби. В целом, Стратегия получила принципиальное одобрение большинства. С одной стороны, в тексте документа содержится объективная оценка политики Китая при Си Цзиньпине, с другой стороны, не определены конкретные меры решения существующих проблем. Сам термин «риски» в тексте 64-страничного документа встречается всего семь раз, тогда как слово «возможности» встречается десять раз, причем шесть вариантов упоминания носит негативный контекст, указывая на ограничение возможностей Германии в различных сферах.

В частности, правительство обеспокоено высоким уровнем зависимости ключевых секторов промышленности (автомобилестроение, машиностроение, химическая промышленность) от китайского рынка и призывает принимать бизнес-решения с учетом геополитических факторов. Интересно, что Стратегия предупреждает бизнес не делать ставку на государственную помощь, заявляя, что «в случае геополитического кризиса государственные средства не будут использоваться для спасения компаний» [\[12, s.38\]](#).

В то время как Стратегия выступает в качестве навигатора двусторонних отношений, политическая реальность снижения рисков не так однозначна. Структурные разногласия относительно того, как выстраивать отношения с Китаем, с самого начала характеризовало немецкое правительство при канцлере Олафе Шольце. Например, несмотря на негативную оценку шести соответствующих министерств, немецкое правительство разрешило китайской государственной компании COSCO Shipping Ports приобрести миноритарный пакет акций в контейнерном терминале Tollerort в Гамбурге. Это решение стало ещё более спорным, когда спустя год данный терминал был классифицирован Федеральным управлением по информационной безопасности как критически важная инфраструктура и соответственно подлежал особой защите. Данное решение, противоречащее Стратегии в отношении Китая, во многом стало возможным из-за позиции Олафа Шольца. Он отменил решение своих министров, что в значительной степени рассматривалось как уступка давлению как со стороны Гамбурга (где Шольц ранее занимал пост мэра), так и со стороны Пекина. Китайские дипломаты выступили с едва завуалированными угрозами возмездия немецким компаниям в Китае и

переориентации китайской торговли в другие европейские порты. Ряд политиков обрушились с критикой в адрес канцлера, в частности, по мнению депутата Бундестага от ХДС Штефана Руэнхоффа, контейнерный терминал Tollerort был намеренно отнесен к критически важной инфраструктуре только после заседания кабинета министров 26 октября 2022 г. шесть федеральных министерств, спецслужбы и Комиссия ЕС предостерегали от участия COSCO в сделке. Канцлер проигнорировал эти предупреждения. Как считает Руэнхофф, это не было халатностью потому, что часть федерального правительства, возглавляемая СДПГ, намеренно скрыла факты, чтобы завершить китайскую портовую сделку в Гамбурге [\[13\]](#).

Пример порта Гамбурга, а также использование китайских технологий в немецких сетях 5G (Германия является одним из государств-членов ЕС с самой высокой долей компонентов Huawei и ZTE в своих сетях 5G) стал символом нежелания Германии подкреплять заявления о снижении рисков реальными действиями, когда это служит национальным или индивидуальным политическим интересам. Расхождения в государственной стратегии и политике ФРГ в отношении Китая наносят ущерб как геополитическому, так и экономическому положению Германии в долгосрочной перспективе. Кроме того, они часто препятствуют достижению консенсуса ЕС в отношении Китая.

С точки зрения Брюсселя, Германия всё ещё не готова брать на себя лидерство в проактивной политике «снижения рисков». Страх потерять китайские рынки, по-прежнему, доминирует в немецкой политике, немецкая промышленность ещё не осознала того факта, что эпоха получения колоссальной прибыли от экономического роста Китая завершается. Немецкая промышленность сопротивляется усилиям по дальнейшему регулированию деловых отношений с Китаем. До сих пор Германия, являясь крупнейшей экономикой ЕС, не разработала руководство по снижению рисков, которое могли бы использовать ее европейские партнеры.

Ведущий редактор ИНИОН РАН Т.В. Арзаманова подчеркивает объективный характер этих страхов. Именно амбивалентная позиция по сотрудничеству с Пекином, когда «доктринальный» переход от традиционного балансирования во взаимоотношениях с КНР к проведению более принципиальной политики сочетается с усилиями, направленными на то, чтобы избежать обострения двусторонних отношений, позволяет немецкой экономике избежать катастрофических последствий [\[14, с.240\]](#).

Подобная двойственность становится лейтмотивом внутривнутриполитического кризиса. В феврале 2025 г. парламентская группа ХДС/ХСС направила правительству запрос, состоящий из 68 вопросов о состоянии реализации Стратегии в отношении Китая. В ответ на него Федеральное правительство Германии подчеркнуло необходимость последовательного снижения рисков в отношениях с Китаем, но отвергло идею сегрегации экономик [\[15\]](#).

Внутри «светофорной» коалиции также не наблюдалось единства по некоторым аспектам взаимодействия с Китаем. Свободные демократы выступили против закона ЕС о цепочке поставок, в итоге Германии пришлось воздержаться во время голосования по закону, который требовал от крупных фирм ЕС проводить подробные проверки соблюдения прав человека и охраны окружающей среды в отношении иностранных деловых партнеров, в том числе и в Китае.

Таким образом, правительство Германии стремится поддерживать стабильность в двусторонних отношениях с Китаем, чтобы защитить интересы немецкого бизнеса и

избежать сбоев в цепочке поставок. К усилиям по снижению рисков подходят осторожно, исходя из предположения, что слишком большое снижение рисков само по себе является риском. Кроме того, в условиях внутренних вызовов - от экономической рецессии до подъема крайне правых популистов, а также внешних кризисов на Украине и Ближнем Востоке и неопределенности внешнеполитического курса США, политика по «снижению рисков» рискует утратить свою важность. Политикам проще пока сохранять прежнюю риторику, избегая дорогостоящих действий. С весны 2025 г. при канцлере Фридрихе Мерце отношения Германии с Китаем вступили в фазу осторожной перестройки. Администрация Мерца стремится сократить стратегическую зависимость от Китая, сохраняя при этом прочные экономические связи. Эту политику можно обозначить как «снижение рисков без разрыва связей». В этой связи нет оснований утверждать, что Германия возглавит политику «дерискинга» ЕС в отношении Китая, поскольку сохраняется существенная экономическая взаимозависимость и отсутствует политическая воля.

На этом фоне перспективы Франции выглядят более оптимистичными, хотя политика Э. Макрона в отношении Китая также как и немецкая амбивалентна. Однако на наш взгляд Париж успешнее всех проходит адаптацию к эпохе стратегической конкуренции между Китаем и США. Позиционируя себя как «сбалансированная держава», Франция представляет собой наглядный пример хеджирования. Вступив в должность в 2017 г, Макрон уже стремился придерживаться более сложного, «менее наивного» подхода к Китаю, что впоследствии нашло отражение в принятом в 2019 г. европейском «триптихе». Макрон однозначно отверг идею создания коалиции против Китая, назвав её контрпродуктивной.

Конструктивная политика в отношении Поднебесной, которую продолжает проводить французский президент, не исключает глубинных проблем и напряженности в геоэкономической и геополитической сферах. Что касается экономической безопасности, здесь Париж придерживается более широкого подхода, не связывая свою экономическую уязвимость и Европы в целом только с Китаем. Стремление к технологическому превосходству со стороны США и КНР, их растущая готовность прибегать к экстерриториальному регулированию, экономическому принуждению и использованию стратегической зависимости в качестве оружия делают Францию и Европу ещё более уязвимыми. Выступая на конференции французских послов в августе 2023 г., Макрон еще раз подчеркнул, что «нам нужна наступательная промышленная политика, в рамках которой мы будем активно инвестировать, пока этим занимаются китайцы и американцы. Сегодня Европа склонна к чрезмерному регулированию и недостаточному инвестированию» [\[16\]](#).

Франция входит в число наиболее деиндустриализированных стран Европы. Ограниченные производственные мощности Франции заставляют ее балансировать между экономической зависимостью, снижением рисков и реиндустриализацией, ориентированной на переход к «зелёной» экономике и цифровизации. Определенный вклад в решение данной задачи должен внести разработанный в 2021 г. инвестиционный план «Франция 2030». Этот план, бюджет которого составляет 54 млрд. евро, призван помочь восстановить промышленную базу, осуществить масштабные инвестиции в инновационные технологии и поддержать экологический переход [\[17\]](#). Несмотря на это Китай остаётся неизбежным игроком в ряде областей, где на карту поставлены жизненно важные французские и европейские интересы. В частности, Китай является ключевым производителем технологий, без которых невозможен энергетический переход. В этой связи Париж нацелен на достижение определённого уровня конструктивного

взаимодействия с Пекином, при этом открыто увязывая свои интересы с интересами ЕС.

Франция была одним из основных сторонников создания и углубления европейского механизма проверки инвестиций, за который она выступала ещё в 2010 г. Во время своего председательства в Европейском Совете в 2022 г. Франция продвигала разработку общеевропейских инструментов, призванных выравнять экономические условия и корректировать искажающее рыночное поведение, которое нарушало цепочки поставок и приводило к усилению экономической зависимости.

Председательство Франции в Совете ЕС 2022 г. стало своего рода рубежом в отношениях ЕС и Китая, которые с позиции Брюсселя должны были стать более реалистичными и справедливыми для европейских стран. В программе председательства Китай упоминается только дважды. Причем, ни одно из двух упоминаний не являлось уникальным. В первом случае, Франция была намерена продолжать реализацию общей европейской позиции по отношению к Китаю, второе упоминание касается углубления внешнеполитического диалога с Соединенными Штатами, в частности по Китаю и ИТР» [\[18\]](#). Несмотря на определенную сдержанность документа, риторика и политика президента Э. Макрона в отношении Китая была более смелая.

Накануне председательства Э. Макрон в телефонном разговоре с Си Цзиньпином призвал Пекин к дальнейшей переориентации евро-китайских отношений в сторону большей взаимности, особенно в плане доступа на рынки. Он также призвал Китай занять конструктивную позицию, отменив принудительные меры в отношении государств-членов Европейского союза и представителей европейских институтов и парламента, а также выполнив свои обязательства по ратификации конвенций МОТ и борьбе с принудительным трудом [\[19\]](#).

Хотя инструменты торговой политики остаются исключительной компетенцией Европейского союза, Франция стремится усилить координацию на уровне ЕС по таким вопросам, как проверка инвестиций, экспортный контроль и меры по снижению рисков в области кибербезопасности сетей 5G. Что касается последнего, то в августе 2019 г. Франция приняла закон, который фактически обязывает операторов связи перед заключением контракта с поставщиком получать разрешение Агентства национальной кибербезопасности при канцелярии премьер-министра. Это ограничило присутствие Huawei, на него приходится всего 20% оборудования для инфраструктуры 5G во Франции. Французские сети полностью освободятся от оборудования Huawei не раньше 2028 г.

Стремясь к реализации столь амбициозной программы экономической безопасности, и в частности к снижению рисков в отношении Китая, Франция всё же учитывает произошедший сдвиг в технологическом транзите. Способность, которую демонстрирует Пекин к инновациям в критически важных отраслях будущего, меняет ситуацию в сфере трансфера технологий. Возникает объективная потребность в передаче ноу-хау из Китая в Европу. Показательна в этом контексте сфера цифровых технологий и телекоммуникаций. Несмотря на то, что доступ к французским сетям 5G фактически контролируется, Huawei по-прежнему располагает шестью научно-исследовательскими центрами во Франции. Компания также планирует открыть завод по производству оборудования 5G недалеко от Страсбурга для поставок на европейский рынок.

Схожая ситуация складывается и в секторе электромобильности. На севере Франции в регионе О-де-Франс происходит масштабная промышленная трансформация за счет создания специальной экономической зоны, получившей название «долина

аккумуляторов». Этот некогда депрессивный регион превращается в один из центров производства аккумуляторов для электромобилей. «Долина аккумуляторов» нацелена на использование преимуществ разных стран, включая китайских игроков, имеющих заметное преимущество в данных технологиях. В регионе запланировано создание четырех гигантских заводов. В мае 2023 г. была запущена в эксплуатацию первая «Гигафабрика», принадлежащая компании Automotive Cells Company (ACC) – совместное предприятие французского энергетического гиганта TotalEnergies, немецкой Mercedes-Benz и американо-европейской компании Stellantis. Инвесторами остальных трёх заводов выступили китайская группа Envision AESC, французский стартап Verkor и тайваньская компания Prologium, специализирующаяся на производстве твёрдых аккумуляторов. Кроме того, в конце 2023 г. китайская группа XTC New Energy, лидер в производстве катодов (компонента аккумуляторных батарей), и французская группа ядерного топливного цикла Orano объявили о проекте по производству катодов и переработке аккумуляторных батарей недалеко от заводов Verkor и Prologium.

С другой стороны, там, где зависимость от Китая критическая, например, в сфере редкоземельных элементов (РЗЭ), используемых в электромобилях и ветряных турбинах, Франция стремится укрепить свои позиции на европейском рынке. Исторически являясь лидером среди стран Западной Европы по запасам и переработке РЗЭ, Франция в настоящее время усиливает свою роль в процессе диверсификации от китайских поставок. В частности, в 2026 г. в бассейне ЛАК французская компания Carester планирует возобновить переработку постоянных магнитов и концентратов редкоземельных элементов.

В конечном итоге, Франция стремится предотвратить сценарий, при котором переход к цифровому будущему с нулевым уровнем выбросов углерода приведет к усилению стратегической зависимости от кого-либо, в том числе и от Китая. Поддерживая прочные отношения с Соединёнными Штатами, Франция также стремится избежать сценария, при котором подход ЕС к Китаю будет определяться Вашингтоном. В ближайшие годы подобное балансирование, вероятно, станет ещё более сложным.

Париж также стал лидером ЕС по вопросам безопасности в ИТР. Франция первой из стран ЕС разработала в 2018 г. Индо-Тихоокеанскую стратегию. В Стратегии Китай занимает ключевое положение, поэтому упоминается 18 раз (в том числе 4 раза применительно к Южно-Китайскому морю, 9 раз при описании существующих экономических центров силы или при характеристике экологической ситуации, 2 раза на глобальной карте ИТР, 1 раз для указания на то, что Китай является наступательной страной в конкурентной борьбе с точки зрения исследований и разработок, и 2 раза для характеристики важности Китая в регионе [\[20\]](#)).

В разделе «Геополитический баланс сил меняется» французская стратегия дважды подчеркивает вес Китая в регионе. В первом случае, территориальные претензии Китая упоминаются весьма осторожно, равно как и его соперничество с Соединёнными Штатами, которое ставится на один уровень с соперничеством с Индией: «Индо-Тихоокеанский регион сегодня является ареной глубоких стратегических изменений. Рост мощи и территориальные претензии Китая, выражаемые всё более настойчиво, усиление китайско-американского соперничества, напряжённость на китайско-индийской границе и на Корейском полуострове изменяют региональный баланс сил и усложняют стратегическое уравнение». Вторая цитата подчёркивает китайско-американское соперничество в регионе, подтверждая приверженность Франции многостороннему, основанному на праве порядку. Она разделяет эту цель со своими основными

партнёрами в ИТР, включая Индию, Австралию, Японию и АСЕАН. Стратегия подчеркивает сближение их позиций по этому вопросу.

В отличие от США, которые сосредоточены на борьбе с китайской гегемонией, Франция выступает за видение «свободного и открытого» Индо-Тихоокеанского региона, включающего Китай. Одним из приоритетов является обеспечение морской безопасности, гарантия свободы судоходства в открытом море при одновременном поддержании прагматичного диалога с Китаем. Такой подход разделяет и Германия. Франция сыграла ведущую роль в принятии общеевропейской стратегии сотрудничества в ИТР, в которой также нет прямого указания на соперничество с Китаем, тем не менее, некоторые пункты стратегии ЕС поднимают китайский вопрос, в частности, когда речь идет о важности международного порядка, основанного на правилах или о защите прав человека и демократии.

Следуя стратегическому видению, Франция значительно усилила своё присутствие в Южно-Китайском море. Несмотря на немногочисленные заявления, Франция твёрдо придерживается принципа свободы судоходства в Южно-Китайском море, где французские ВМС проводят регулярные учения, и в Тайваньском проливе, через который также проходят французские военные корабли, что вызывает недовольство Пекина. И хотя Франция подтверждает приверженность «политике одного Китая», она без колебаний игнорирует китайские предупреждения, в том числе и по вопросу продажи оружия Тайваню.

Эту амбивалентность можно интерпретировать как ещё один пример стратегии хеджирования, а выражение «*en même temps*» (и в то же время) стало визитной карточкой Макрона. Французское правительство при президенте Макроне, в частности, тщательно искало баланс между более взвешенным управлением отношениями с Китаем, направленным на снижение рисков, с одной стороны, и, с другой стороны, избеганием ненужного антагонизма с Пекином и разжигания глобальных разногласий и поляризации, например, противодействие Франции открытию офиса связи НАТО в Токио.

Франции крайне важно быть более напористой в своих отношениях с Китаем - как на национальном, так и на европейском уровне. На национальном уровне такой тренд был поддержан населением и частью администрации, включая Министерство экономики, чье восприятие Китая существенно изменилось за последние несколько лет [\[21\]](#).

Что касается французского общественного мнения, то оно антикитайски настроено ещё с эпохи COVID-19. В сентябре - октябре 2020 г. в 13 европейских странах было проведено масштабное исследование общественного мнения в отношении Китая. Основные результаты этого исследования были опубликованы в отчете «Европейское общественное мнение о Китае в эпоху COVID-19: различия и общие черты на континенте». Согласно данному отчету 62% французских респондентов выразили негативное или очень негативное отношение, и только 16% — позитивное. Для большинства опрошенных (53%) их отношение к Китаю за последние годы ухудшилось. Китай является второй наименее уважаемой страной во Франции после Северной Кореи, опережая Россию, Израиль и США. Данные отчета также демонстрируют отсутствие связи между чувствами респондентов по отношению к Китаю и их политической ориентацией. Суммарное количество отрицательных мнений составляет от 58% до 69% независимо от политической партии. Уникальной особенностью Франции является чувствительность французского общественного мнения к политическим вопросам (воздействие Китая на окружающую среду, его военная мощь и влияние на демократию), гораздо более выраженная, чем к экономическим детерминантам [\[22\]](#).

В целом, население поддерживает политику «снижения рисков», что обеспечивает внутреннюю консолидацию вокруг этой темы. Чего нельзя сказать о европейском уровне трансформации политики ЕС в отношении КНР, так во время своего председательства в Совете ЕС 2022 г. Франция была вынуждена проводить тесные консультации с новыми властями в Берлине, которые несколько разочаровались в Китае, но чья промышленность, по-прежнему, была ориентирована на китайский рынок.

В отличие от Германии, для Франции политика «снижения рисков» вписывается в более широкую концепцию экономической безопасности, которая выходит за рамки конкретных опасений по поводу Китая, что является преимуществом французской стратегии. Несмотря на тесные связи с США Париж стремится сохранить самостоятельность в формировании политики в отношении Китая. Помимо экономического аспекта «дерискинга» Франция демонстрирует более ранний и системный подход и к вопросам безопасности, связанных со стратегическим соперничеством Китая и США в ИТР. Таким образом, проводя более реалистичную и взвешенную политику в отношении Китая, которая лишена иллюзий, как по отношению к Пекину, так и к самой себе, Франция становится наилучшим претендентом на роль лидера европейской политики «дерискинга».

Проблемы «Восточного фронта»

Определяющим фактором реализации единого подхода ЕС в отношении Пекина выступает сплоченность всех государств-членов. Отношения стран Центральной и Восточной Европы с Пекином долгое время рассматривались Брюсселем как препятствие для формирования единого подхода ЕС к Китаю. В настоящее время мы наблюдаем снижение интереса среди европейских стран к формату «17+1», посредством которого Китай пытался распространить свои инициативу «Пояс и путь» на Европу, что должно способствовать повышению сплоченности в ЕС. Будущее самого формата отношений ставится под вопрос из-за роста скептицизма относительно перспектив взаимодействия Китая со странами ЦВЕ. Кроме того, как отмечает вице-президент Румынского института изучения Азиатско-Тихоокеанского региона А. Бринза, степень участия стран ЦВЕ в формате «17+1» зависит и от меняющихся приоритетов их политического руководства, что добавляет ещё больше неопределенности в будущее формата [\[23, p.213\]](#).

Отечественные исследователи С.М. Юн и В.С. Пакулин, анализируя недостатки формата «17+1», приходят к выводу, что изначально уровень вовлеченности стран региона в формат был относительно неравномерен. Они выделили четыре группы стран в зависимости от интенсивности их участия в формате. Только крупные страны, такие как Польша, Сербия и Венгрия, получили китайские инвестиции на реализацию инфраструктурных проектов, другие же разочаровались и заняли более прагматичный подход к сотрудничеству [\[24, с.244\]](#). Яркий пример невовлеченности — Литва, долгое время критиковавшая политику Китая и в мае 2021 г. покинувшая платформу «17+1». Однако отсутствие экономических выгод оказалось лишь одной из нескольких причин этого решения. Оно, по-видимому, было связано также с противоречивым характером Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между Китаем и ЕС. Во время, когда решение о выходе из формата «17+1» обсуждалось в сейме, литовские СМИ освещали нарастающее недовольство в политических кругах Литвы относительно справедливости крупнейших стран ЕС, а именно Германии и Франции, выступающих от имени всего Союза по вопросу инвестиционного соглашения с Китаем. Напомним, что окончательное согласование проекта проходило в формате видеоконференции, в которой приняли

участие президент Европейского совета Ш. Мишель, председатель Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, председатель КНР Си Цзиньпин, канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Э. Макрон.

Вслед за Литвой из формата «17+1» вышли Латвия и Эстония. Страны Балтии в отличие от других стран ЦВЕ не имели проектов в рамках BRI и не могли похвастаться значительными объемами товарооборота с Пекином. В условиях политизации отношений ЕС-Китай они без существенных экономических потерь встали на сторону Брюсселя, тем более, что в бюджете ЕС на 2021-2027 гг. было запланировано выделение дополнительных средств на развитие инфраструктуры стран ЦВЕ.

Политика Чехии в отношении Китая — одна из самых агрессивных в Европе. Причинами напряженности отношений выступает поддержка Китаем России и активное взаимодействие Праги с Тайбэем. Китайское присутствие в Чехии стало возможным благодаря позитивно настроенному политическому истеблишменту, который, прежде всего, представляли президент Милош Земан и его социал-демократическое правительство.

При президенте Земане чешско-китайские отношения, достигнув пика в 2016 г., стали постепенно ухудшаться. Как отмечает М.В. Ведерников: «с одной стороны, это можно объяснить общим сокращением с 2016 г. китайских инвестиций в ЕС. С другой – внутри Чехии начали набирать обороты антикитайские настроения, вызванные предположениями о злоупотреблениях Пекина на территории страны» [\[25, с.89\]](#).

Корпорация CEFC была основным каналом китайских инвестиций в Чехии. В 2018 г. глава CEFC Е Цзяньмин, который также являлся экономическим советником Земана, был задержан в Китае, а акции CEFC в чешских предприятиях были переданы государственной CITIC, что привело к общему сокращению китайских инвестиций в страну. Кроме того, комплекс политических факторов, таких как изменения в политическом дискурсе стране, рост атлантических настроений в чешском истеблишменте и визит председателя Сената М. Выстрчила на Тайвань, привел к тому, что к 2022 г. отношения между Прагой и Пекином утратили свой особый статус.

В Стратегии безопасности Чешской Республики 2023 г. уже говорится о социально-экономическом давлении Пекина, его доминировании в ключевых цепочках поставок, китайской дезинформации и рисках академического сотрудничества с Китаем, а также о широко обсуждаемых в обществе инвестициях в критически важную европейскую инфраструктуру [\[26\]](#).

В Чехии вопрос контроля прямых иностранных инвестиций (ПИИ) был поставлен еще в 2018 г. Созданная при Министерстве промышленности и торговли рабочая группа разработала Билль о контроле ПИИ, предусматривающий право государства ограничивать или запрещать некоторые рискованные для государства иностранные инвестиции. Чешская Республика ввела соответствующий механизм проверки иностранных инвестиций на основе закона «О проверке иностранных инвестиций» [\[27\]](#), вступившего в силу 1 мая 2021 г. Акт соответствует законодательству ЕС о проверке отдельных иностранных инвестиций по соображениям безопасности, установленному Регламентом № (ЕС) 2019/452. Закон вводит обязанность для иностранных инвесторов из стран, не входящих в ЕС, инвестирующих в стратегические секторы чешской экономики, получать предварительное разрешение Министерства промышленности и торговли. По мнению Брюсселя, созданный в Чехии механизм проверки ПИИ является одним из самых строгих в Европе и может служить потенциальным ориентиром для других государств-

членов ЕС. Он охватывает не только критически важную инфраструктуру, но и медиасектор.

Таким образом, в настоящее время страны Балтии, а также Чехия сосредоточены на «системном соперничестве» с Китаем, что приводит к изменению их подходов к взаимодействию с Пекином. Вопросы безопасности выходят на первый план и становятся важнее экономических выгод. Однако подобная политизация не характерна для большинства стран ЦВЕ, таких как Польша, Болгария, Кипр, Мальта, Словакия и Словения, следующих стратегии ЕС по снижению рисков в отношении Китая только в том случае, если на этом настаивает Брюссель. В условиях давления со стороны Европейской комиссии национальные правительства пытаются маневрировать [\[28, p.8\]](#).

В частности, Варшава в своей политике в отношении Китая стремится лавировать между проблемами безопасности и экономическими надеждами. Несмотря на смену правительства по итогам парламентских выборов 2023 г. администрация проевропейского премьер-министра Дональда Туска видит определенный экономический потенциал в отношениях с Пекином.

Несмотря на неутешительный опыт сотрудничества Китая со странами ЦВЕ (в настоящее время уже в формате 14+1), которое не принесло Варшаве экспортных возможностей и инвестиций, Польша рассчитывает получить дивиденды, прежде всего, от логистических услуг и таможенных сборов, связанных с пунктом пропуска Малашевиче. Этот небольшой населённый пункт на востоке Польши, расположенный на границе ЕС, стал одним из крупнейших сухопутных перевалочных портов Европы. Он является обязательной остановкой для грузовых поездов, обслуживающих экспресс «Китай-Европа», и важным узлом в рамках инициативы «Пояс и путь».

Варшава надеется увеличить экспорт мяса, молочной продукции и фруктов в Китай, а также привлечь китайских производителей электромобилей. Акцент Варшавы на расширении экспорта сельскохозяйственной продукции в Китай ограничивает её потенциал для эффективной координации действий с ЕС.

По оценке Европейской комиссии механизм проверки ПИИ в Польше не охватывает всю рекомендованную критически важную инфраструктуру и сектор СМИ, в частности, необходим пересмотр и ограничение китайских инвестиций в порт Гдыня и снижение зависимости Польши от импорта из Китая редкоземельных металлов для её аккумуляторной отрасли. Однако Варшава не проводила публичных оценок зависимости и запаздывает с другими политическими мерами, такими как регулирование 5G или упоминание Китая в стратегических документах.

На протяжении более десяти лет присутствие Huawei в Польше неуклонно росло как в потребительском секторе, так и в сфере инфраструктуры. С 2006 г. она участвовала в строительстве польских сетей 2G и 3G, в результате большинство польских операторов связи и их сети были построены в основном с использованием оборудования и решений Huawei. В 2019 г. один из директоров польского отдела концерна Вэйцзин В., а также сотрудник Агентства внутренней безопасности Польши Петр Д. были арестованы в Варшаве по подозрению в шпионаже в пользу КНР. Эти события ускорили внутренние дебаты о роли Huawei в строительстве сетей 5G. Помимо этого, поскольку США остаются ключевым союзником Польши, китайско-американское стратегическое соперничество привело к растущему скептицизму Варшавы в отношении безусловного сотрудничества с Пекином. Во время визита вице-президента США Майка Пенса в Польшу в сентябре 2019 г. была подписана Совместная американско-польская декларация о 5G, содержащая

критерии оценки поставщиков услуг [\[29\]](#). Премьер-министр Польши Моравецкий также продвигал концепцию «европейского реализма 5G», что на практике означало большую осведомленность о рисках, возникающих в результате технологического сотрудничества с субъектами из недемократических государств [\[30\]](#).

В январе 2020 г. Европейская комиссия одобрила и опубликовала единый комплекс мер по снижению рисков в области кибербезопасности сетей 5G (5G Toolbox), который определяет риски и меры, которые государства-члены и операторы связи должны принять для их устранения. Все государства-члены ЕС должны были внедрить рекомендации этого инструментария в своё национальное законодательство. Несмотря на активную риторику Польша до сих пор полностью не внедрила комплекс мер т. н. 5G Toolbox. Министерство цифровых технологий признает, что Польша одна из последних стран Евросоюза, где отсутствует горизонтальное регулирование процедуры определения поставщика с высокой степенью риска.

В марте 2025 г. Европейская комиссия призвала государства-члены ЕС запретить или ограничить использование оборудования китайской компании Huawei в своих сетях 5G по соображениям безопасности. Решение отказаться от технологий, поставляемых Huawei, и предпринять шаги в этом направлении приняли лишь 12 европейских стран (Эстония, Дания, Франция, Германия, Италия, Латвия, Литва, Португалия, Румыния, Швеция, Словения и Великобритания). В свою очередь, Министерство цифровых технологий Польши заявило, что не планируется вводить запрет или ограничение на использование оборудования или программного обеспечения в польских телекоммуникационных сетях. В Польше реализация такого решения потребует от операторов перестроить свои системы и заменить устройства более дорогими западными аналогами. Учитывая, что польские сети 4G и 5G от 50% до 90% в зависимости от оператора созданы на базе технологий Huawei, такое решение будет принято ещё нескоро.

Дружественный трек на «Восточном фронте» представляет Будапешт. Венгрия проводит самую последовательную пропекинскую политику среди всех стран ЕС. Только за период с 2016 по 2022 г. она шесть раз наложила вето на заявления ЕС с критикой в адрес Китая. В 2024 г. Пекин и Будапешт подписали «Всепогодное всеобъемлющее стратегическое партнерство», один из самых высоких уровней партнерства Китая. Политическая и экономическая открытость Венгрии позволила Китаю частично смягчить негативные последствия ухудшения отношений с ЕС. Венгрия является единственной страной ЕС, которая открыто поддержала интересы Китая в Европе и продолжила активное участие как в BRI, так и в формате «14+1».

На фоне ужесточения позиции ЕС по отношению к Китаю китайско-венгерские отношения получили новый импульс. За счет инвестиций крупнейших китайских компаний (CATL и BYD Co Ltd) в сектор электромобильности, Венгрия может стать центром производства китайских электромобилей в Европе и одним из ведущих мировых производителей литий-ионных аккумуляторов. Венгрия готова углублять свои экономические отношения с Китаем, несмотря на политику «снижения рисков», которую пропагандирует Европейская комиссия.

Сотрудничество с Пекином рассматривается Будапештом исключительно как экономическая возможность для страны. Выступая на форуме BRI в Пекине в октябре 2023 г. Орбан охарактеризовал европейскую политику «снижения рисков» как ещё один шаг к созданию биполярного мира и заявил, что Венгрия больше заинтересована в построении мира, основанного на взаимосвязанности, а не на экономической изоляции

[\[31\]](#).

Позиция В. Орбана в отношении Китая находит поддержку внутри страны. Так министр экономического развития Мартон Надь называет чудом в условиях политизированной мировой экономики китайский инвестиционный бум в стране и скептически оценивает перспективы реализации стратегии Германии в отношении Китая, считая, что на практике она окажется более мягкой [\[32\]](#). А вот на уровне Брюсселя и среди ближайших соседей подобная позиция не получает одобрения. Так аналитики Центра восточных исследований имени Марека Карпа Гизиньска И. и Узнаньская П. отмечают, что роль Венгрии как адвоката Китая только ослабила ее позиции, как в ЕС, так и в НАТО. В свою очередь, Китай не сможет использовать свое сотрудничество с Венгрией, чтобы переломить негативную тенденцию в отношениях с ЕС [\[33\]](#).

Официальный Будапешт рассматривает сотрудничество с Китаем как возможность снизить зависимость от общеевропейской конъюнктуры и укрепить экономический суверенитет страны. По мнению Л.А. Юрасовой именно «неортодоксальная экономическая политика», проводимая внутри страны, и политика «открытия на восток» как новый вектор внешнеэкономической стратегии Венгрии стали наиболее эффективными инструментами правительства Орбана по расширению национального экономического суверенитета [\[34, с. 101\]](#).

Парадоксально, но более тесное сотрудничество Венгрии с Китаем помогает другим государствам-членам ЕС, не в последнюю очередь Германии, снизить свою прямую зависимость от Китая. Очевидно, что китайские производители аккумуляторов, например CATL, который инвестировал более 7 млрд. евро в строительство завода по производству литиевых батарей на востоке Венгрии, будут поставлять продукцию немецким автопроизводителям, а китайские автозаводы, в частности BYD, будут продавать свою продукцию на европейских рынках. Объем китайских инвестиций в венгерский сектор электромобилей составляет 5–6% валового внутреннего продукта и 20–25% экспорта. Поэтому можно ожидать, что венгерское правительство продолжит свою прокитайскую политику не только внутри страны, но и в рамках европейской системы принятия решений.

1 июля 2024 г. Венгрия заняла пост председателя в Совете ЕС. В программе председательства отношения с Китаем представлены в более широком контексте. В целом, венгерское председательство нацелено на укрепление отношений между ЕС и Азией, в частности, со странами ИТР, что обусловлено значительным влиянием азиатского континента на стабильность и конкурентоспособность Европы. Особое внимание необходимо уделить развитию торговли, привлечению инвестиций и взаимосвязанности между двумя континентами. В связи с этим особенно важна реализация инициатив ЕС, актуальных для региона, таких как Индо-Тихоокеанская стратегия и региональных проектов инициативы «Глобальные ворота». Основная цель венгерского председательства — обеспечение прагматичного и сбалансированного подхода к Китаю как важнейшему торгово-экономическому партнёру и поддержание конструктивного диалога в сфере экономики и стратегической безопасности в отношениях между ЕС и Китаем [\[35, p.11\]](#).

В первые дни председательства В. Орбан совершил визиты на Украину, в Россию, Китай и США. Председатель Европейского совета Шарль Мишель и верховный представитель Жозеп Боррель заявили, что не рассматривают Орбана в качестве переговорщика от ЕС в рамках данных визитов. Как отмечает Л.Н. Шишелина «свою несогласованную с

руководством ЕС поездку В. Орбан объяснил намерением не отсиживаться в кресле председателя, а действовать в поиске решения самых острых проблем, которые тормозят развитие ЕС» [\[36, с.17\]](#). В первую речь шла об урегулировании украинского кризиса и о том, что только три глобальных игрока (ЕС, США и Китай) способны влиять на развитие событий в данном контексте.

Самопровозглашенная «дипломатия мира» В. Орбана вновь указывает на проблемы, связанные с внешним представительством ЕС. С правовой точки зрения Ж. Боррель прав, так как в соответствии со статьей 17 договора о Европейском союзе [\[37\]](#) ротация председательства в Совете имеет только внутреннюю представительскую функцию, в том смысле, что она представляет Совет в его отношениях с другими институтами ЕС, но не играет никакой формальной роли на международной арене (с момента подписания Лиссабонского договора). Поэтому визиты Орбана следует рассматривать как выражение венгерской, а не европейской внешней политики. Однако при осуществлении своих национальных компетенций государства-члены обязаны соблюдать законодательство ЕС. Это применимо и в отношении Общей внешней политики и политики безопасности, которая является неотъемлемой частью правового порядка ЕС. Так статья 29 договора о Европейском союзе предусматривает, что государства-члены обеспечивают соответствие своей национальной политики позициям Союза. Конкретное выражение обязательства лояльности можно найти в статье 32, которая, в частности, предусматривает, что перед тем, как предпринять какие-либо действия на международной арене или взять на себя какие-либо обязательства, которые могут затронуть интересы Союза, каждое государство-член должно консультироваться с другими в рамках Европейского совета или Совета» [\[37\]](#). Систематическое несоблюдение государствами-членами своих обязательств в рамках ОВПБ может привести к искам в суд, хрестоматийными примерами такого сценария являются дела Комиссии ЕС против Швеции (2007) и Греции (2009) о разделении полномочий между Сообществом и государствами-членами.

Трудно предположить, насколько далеко Орбан готов зайти, чтобы ограничить действия на уровне ЕС, направленные на снижение экономической зависимости от Китая, если он столкнется с давлением со стороны Берлина или других крупных европейских столиц. В целом, правительство надеется, что внутренние дебаты в этих странах в конечном итоге смягчат любые действия, связанные с политикой «снижения рисков», без необходимости для венгерского правительства активно накладывать на них вето, в то же время, извлекая экономические и политические выгоды из прочных деловых отношений с Пекином.

Динамика взглядов на Китай в странах ЦВЕ может меняться в зависимости от результатов парламентских и президентских выборов. В преддверии парламентских выборов в Венгрии в 2026 г. наблюдается большой разрыв в восприятии Китая между сторонниками правящей партии «Фидес» и её главного оппонента — партии «Тиса», которой эксперты прогнозируют победу. Среди сторонников «Фидес» к Китаю положительно относятся 47,5% респондентов и отрицательно — 27,8%, тогда как среди сторонников партии «Тиса» этот показатель составляет 24,6% и 58,1% соответственно. Если в правительстве действительно произойдут перемены, китайская ориентация Будапешта может оказаться под угрозой. Аналогичные поляризованные взгляды присутствуют и в Словакии, где существуют значительные расхождения в восприятии Китая между сторонниками правящей партии Smer-SD и ведущей оппозиционной партии «Прогрессивная Словакия» [\[38\]](#).

В Чехии в октябре 2025 г. также пройдут парламентские выборы, партия ANO Андрея

Бабиша лидирует по опросам общественного мнения. Негативное восприятие Китая среди сторонников АНО не исключает прагматичного подхода к Пекину, о котором АНО заявляет в оппозиции. Исключение в этом ряду составляет лишь Польша, где взгляды на Китай сравнительно менее поляризованы между правящей Гражданской коалицией и главной оппозиционной партией «Право и справедливость», что отражается в относительной преемственности политики Варшавы в отношении Китая.

Поскольку Восточная Европа сталкивается с растущим давлением, как со стороны ЕС, так и Китая, в экономическом, технологическом, и всё больше в нормативном аспектах, то вопрос о том, как позиционировать себя становится всё более актуальным. Страны ЦВЕ в ответе на этот вопрос демонстрируют высокую степень амбивалентности.

Кейс Италии

В 2019 г. Италия стала инструментом китайского влияния в Европе, когда был подписан Меморандум о взаимопонимании по реализации инициативы «Пояс и путь» [\[39\]](#). Италия была единственной страной «Большой семерки», официально поддержавшей инициативу Си Цзиньпина, что стало дипломатической победой Китая. Хотя документ преследовал преимущественно коммерческие цели, международное общественное мнение в основном подчеркивало его политическое значение. Таким образом, Рим выступил как субъект, который в одностороннем порядке нарушил европейское единство по отношению к Китаю.

Связи между Пекином и Римом достигли своего пика при втором правительстве Конте (2019–2021 гг.). Пересмотр политики в отношении Китая начался с правительства Марио Драги в феврале 2021 г. и ускорился с приходом к власти национально-консервативной коалиции во главе с Джорджи Мелони в сентябре 2022 г. Мелони и ее партия последовательно выступали против Меморандума о взаимопонимании с Китаем, однако официально её правительство начало публично обсуждать возможность выхода Италии из BRI только весной 2023 г. Сдержанный выход Италии из инициативы «Пояс и путь» в декабре 2023 г. стал результатом переоценки её двусторонних отношений с Китаем.

Решение Италии отказаться от геополитического проекта, продвигаемого председателем Си Цзиньпином, было обусловлено совокупностью факторов: давлением со стороны Соединенных Штатов; повышенным вниманием итальянских спецслужб к китайским инвестициям в секторах, представляющих стратегический интерес; и увеличением дефицита торгового баланса Италии с КНР.

Соответственно, выход Италии из BRI стал результатом не только отсутствия экономических выгод, но и был обусловлен давлением со стороны США. Италия до выборов в Европарламент 2024 г. и председательства в «Большой семёрке» должна была продемонстрировать, что приняла определенные меры в отношении Китая, учитывая, что он будет ключевой темой двусторонних переговоров.

В июне 2023 г. итальянское правительство ограничило права крупнейшего китайского акционера Pirelli — ChemChina. Изменение структуры собственности компании в пользу итальянской инвестиционной группы Camfin вызвано опасениями ограничения доступа на американский рынок, где Pirelli реализует четверть своих глобальных продаж. Напомним, что с 2027 г. США планируют ввести запрет на импорт программного обеспечения для автоматизированного вождения, а с 2030 г. на оборудование для систем подключения автомобилей от производителей, аффилированных с Китаем или Россией. В этом контексте, в США особую тревогу вызывает технология «умных» шин Pirelli.

Выдвинутый тезис о важности США для поведения Италии на международной арене подтверждается рядом экспертов, в частности, Е.А. Маслова считает, что для Италии «значимым Другим» являются, прежде всего, США, а атлантизм стал маркером «нормальности» и конвенциональности в итальянской политике [\[40, с.282\]](#).

Однако правительство Дж. Мелони не собиралось идти на полный разрыв отношений с Пекином. В рамках её официального визита в Китай в июле 2024 г. был обнародован План действий по укреплению всеобъемлющего стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Итальянской Республикой (2024–2027 гг.), в котором обозначены шесть приоритетных секторов сотрудничества: торговля и инвестиции, финансы, научные и технологические инновации и образование, зелёное и устойчивое развитие, медицина и здравоохранение, а также культурные связи и обмены между людьми [\[41\]](#).

Таким образом, вместо формального членства Италии в BRI было возобновлено стратегическое партнёрство, зародившееся в 2004 г., это продемонстрировало, что отношения между Италией и Китаем выходят за рамки Меморандума. Безусловно, за последние пять лет Рим частично или полностью блокировал определенные инвестиции из КНР в стратегические сектора, такие как порты, сети 5G, робототехника, агропродовольствие и беспилотники. Однако китайские компании по-прежнему играют важную роль в морских портах, электро- и газоснабжении страны, причём часть этих инвестиций были сделаны ещё до введения в 2012 г. т.н. «золотых полномочий» (Golden Power), которые предоставляют итальянскому правительству право ограничивать или накладывать вето на ПИИ или сделки, связанные со стратегическими активами.

«Золотые полномочия» могут быть реализованы в секторах обороны и национальной безопасности, к которым недавно добавились технологии 5G, а также в стратегически важных областях в сфере энергетики, транспорта и связи. В соответствии с европейским законодательством, в частности, Регламентом ЕС № 452 от 2019 г., итальянский законодатель, расширяя и углубляя особые полномочия, ввёл дополнительные стратегические направления, такие как водоснабжение, страхование, искусственный интеллект, биотехнологии, агропродовольственный сектор, плюрализм СМИ и т. д.

Следование европейским регламентам, однако, не помешало министру предпринимательства Адольфо Урсо в начале июля 2024 г. вести переговоры о совместных инвестициях итальянской Renexia и группы Ming Yang в морские ветровые электростанции, подписании соглашений с CCIG, заинтересованной в производстве электробусов в Италии, а также с JAC Motors и Chery, крупным игроком на мировом рынке в сфере электромобильности.

Электромобили для Китая — одна из стратегических экспортных отраслей, входящая в число «трех новых» секторов (вместе с аккумуляторами и фотоэлектрическими системами), которые вытеснили «три старых»: одежду, бытовую технику и мебель. В условиях введения со стороны ЕС в октябре 2024 г. дополнительных пошлин на импорт китайских электромобилей, которые могли достигать 45,3% сверх стандартной импортной пошлины в размере 10%, крупнейшие китайские производители, такие как BYD и Leapmotor скорректировали свою европейскую стратегию. С одной стороны, они стали продавать на европейский рынок больше гибридных автомобилей, с другой стороны, чтобы обойти пошлины, китайские компании ищут новые площадки для автомобильных заводов, что усилило конкуренцию среди европейских стран за локализацию китайского производства.

Основным пунктом назначения этих инвестиций является Венгрия, однако в последние годы китайские инвестиции в сектор электромобилей также были направлены во Францию, Германию, Швецию и Великобританию. Италия стала одной из 12 стран ЕС, которая поддержала введение тарифов на импорт китайских электромобилей, рассчитывая, что ряд китайских производителей откроют заводы в Италии с обязательством использовать преимущественно отечественные комплектующие.

Позиция Рима в этом контексте понятна. Его интерес заключается в защите занятости внутри страны, стимулировании развития производственных мощностей и сохранении последовательной позиции в отношениях с европейскими партнёрами и Европейской комиссией. Исходя из этого, Италия инициировала диалог Stellantis, которая контролирует производственные площадки, ранее принадлежавшие историческому итальянскому автопроизводителю Fiat, с Dongfeng Motors. Стратегия итальянского правительства заключается, с одной стороны, в том, чтобы подтолкнуть Stellantis к увеличению годового производства автомобилей в Италии как минимум до одного миллиона единиц и, в то же время, обеспечить необходимый уровень занятости за счет китайских производственных мощностей.

Таким образом, локализация китайского автомобильного производства в Европе может рассматриваться как меньшее зло: несмотря на возможные трудности для местных компаний из-за конкуренции, есть надежда на сохранение рабочих мест и стимулирование технологического перетока, что в перспективе может способствовать развитию стартапов по производству автокомпонентов. Этот аспект становится ещё более значимым для европейских правительств в контексте транснационализации местных производителей, которых всё меньше заботят социальные последствия их деятельности.

Хотя усилия министра Урсо по привлечению китайских производителей электромобилей на территорию Италии не увенчались успехом, в конце марта 2025 г. китайский гигант BYD подписал соглашение о поставке запасных частей с Intergea. В апреле того же года China Merchants объявила о сделке на 1,3 млрд. долларов с итальянской компанией Grimaldi на строительство девяти новых судов. А Nuctech, китайский гигант в области сканирования, находящийся под санкциями в США и считающийся высокорискованным, выиграл два тендера Таможенного управления на поставку шести мобильных сканеров для двух итальянских портов.

Развивая отношения с Китаем, итальянское правительство в первую очередь заинтересовано в их экономическом и торговом измерении, особенно в нестратегических секторах, таких как автомобилестроение, текстильная и фармацевтическая промышленность и др., в то время как китайское правительство — в их потенциальных геополитических последствиях. Пекин заинтересован в повышении способности «суверенных» правительств сдерживать инициативы Брюсселя, в частности политику «дерискинга», инициированную Комиссией ЕС во главе с Урсулой фон дер Ляйен.

В пользу ограниченной реализации политики «сокращения рисков» на территории Италии говорит сложный межпартийный консенсус и отсутствие четкой стратегии в отношении Китая. Популистское «Движение пяти звёзд» и часть левоцентристской Демократической партии традиционно более дружественны к Китаю, а члены правящей партии «Братья Италии» в июле 2024 г. не поддержали повторное назначение фон дер Ляйен на пост председателя Европейской комиссии из-за недовольства её «зеленым» курсом.

SWOT-анализ отношений ЕС и Китая

Отношения ЕС с Китаем стремительно меняются. На динамику взаимоотношений влияет глубина экономических связей государств-членов с Китаем, американский фактор и степень давления со стороны Брюсселя. ЕС в настоящее время сталкивается с рядом угроз и возможностей в своих отношениях с Китаем. На основе проведенного исследования сделан swot-анализ, в рамках которого были выделены сильные и слабые стороны, а также определены возможности и угрозы для Европы в отношениях с Китаем в краткосрочной перспективе.

Сильные стороны	Возможности
1. ЕС является крупнейшим в мире единым рынком и одной из крупнейших экономик мира.	1. Сотрудничество в области климата и инноваций для решения глобальных проблем.
2. Технологический и инновационный потенциал ЕС.	2. Продвижение европейских ценностей и стандартов.
3. Нормативная сила Европы.	3. Разработка последовательной политической стратегии ЕС в отношении Китая и Азии в целом, в том числе, за счет расширения знаний о Китае.
4. Международные альянсы и партнерства.	4. Диверсификация партнерских отношений с третьими странами в условиях соперничества США и Китая.
Слабые стороны	Угрозы
1. Внутренние разногласия и слабый мандат общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).	1. Фрагментация Европы и инертность общей внешней политики.
2. Экономическая и технологическая зависимость от Китая и США.	2. Гибридные и системные угрозы, включая кибератаки и дезинформацию.
3. Гибридные угрозы, связанные с влиянием Китая через СМИ и коммуникации.	3. Геополитическая напряженность между США и Китаем, снижение политического влияния ЕС в третьих странах.
4. Недостаток знаний и плохое восприятие Китая. Европейский догматизм и высокомерие по отношению Китая; а также культурные различия между Европой и Китаем усложняют взаимодействие.	4. Зависимость от китайских цепочек поставок, уязвимость инфраструктуры и технологическое отставание.

Выделенные преимущества ЕС, определяющие его возможности в отношениях с Китаем, недолговечны. Макроэкономические показатели ЕС пока позволяют Брюсселю оказывать давление на Китай, вводя определенные условия доступа китайских компаний на европейский рынок, но в краткосрочной перспективе Пекин может переломить эту тенденцию. Схожая ситуация наблюдается и в научно-технологической сфере, где сотрудничество дополнительно обременено необходимостью для ЕС защищать важнейшие ноу-хау.

Нормативная сила ЕС является одним из слабых преимуществ Брюсселя в отношениях с Китаем. Она не столь эффективна по отношению к Китаю по сравнению с другими странами. ЕС, по мнению Пекина, не обладает достаточной легитимностью, чтобы быть нормативной силой, и не воспринимается таковой в Китае. Ещё одной причиной отсутствия у ЕС нормативной силы в Китае — это противоречивые позиции государств-членов ЕС и его институтов. Разобщенность перерастает в непоследовательность, что делает ЕС ненадёжным в глазах партнёра. Показательной здесь будет беседа А. Меркель с Вэнь Цзябао по греческому вопросу, о чем речь шла выше.

За счет поддержания альянсов и партнерств с западными странами ЕС получает определенные возможности влиять на Китай, защищая свои интересы. Но в условиях формирования нового мирового порядка, эти возможности сокращаются. Если европейцы хотят решать глобальные проблемы и продвигать свои интересы, то они должны конструктивно взаимодействовать и с незападными игроками.

Заметна определенная корреляция между возможностями и угрозами в отношениях ЕС и КНР: использование возможностей одной стороны зачастую увеличивает риски для другой. Эффективное управление этой корреляцией предполагает развитие механизмов диалога, доверия и правил игры, позволяющих минимизировать негативные последствия и максимально использовать потенциал сотрудничества.

Заключение

Политика «дерискинга» ЕС в отношении Китая нуждается в «интегрированном» видении, включающем все сферы политики, четкую дефиницию угроз и слабых сторон, и реальную оценку роли Китая в мировой экономике и политике. Политика «снижения рисков» ЕС обречена на низкую эффективность, поскольку она всегда будет сталкиваться с дилеммой интересов государств-членов. Снижение экономической зависимости от Китая посредством инвестиций в промышленную политику и диверсификации цепочек поставок — это длительная и дорогостоящая стратегия, которая подталкивает европейские страны к минимизации расходов и сохранению конструктивных отношений с Пекином.

Вместо того, чтобы объединить Союз вокруг одной задачи, политика «дерискинга» рискует усилить национальную разобщенность, поскольку каждое государство реализует ее на своих условиях. Существует широкий спектр позиций по Китаю — Венгрия и отчасти Германия находятся на самом дружественном по отношению к Пекину фланге, в то время как Чехия и страны Балтии составляют противоположный фронт. При этом взгляды государств-членов ЕС на Китай могут меняться в зависимости от результатов предстоящих парламентских и президентских выборов. Политическая фрагментация заметна и на уровне Европейского парламента. Результаты выборов 2024 г. продемонстрировали существенные изменения в политическом ландшафте: центристские партии уступили позиции крайне правым группам, таким как «Идентичность и демократия» и «Европейские консерваторы и реформисты». Эта политическая перестройка, несомненно, повлияет на подход ЕС к Китаю, представляя более разнообразные и потенциально противоречивые политические взгляды.

Для того чтобы избежать усугубления политической фрагментации, ЕС должен сосредоточиться на внутренних проблемах - инвестировать в промышленную политику и инфраструктуру, продвигать и совершенствовать свои инновационные разработки, диверсифицировать поставки РЗЭ, в том числе за счет внутренних ресурсов.

В настоящее время Брюссель и другие европейские столицы склоняются к поддержке подхода президента Франции Макрона, рассматривая «стратегическую автономию» ЕС в

более широком контексте как независимость не только от Китая, но и от США. В противном случае его автономия будет оставаться скорее риторической, чем реальной.

Однако с нашей точки зрения, чтобы выйти за рамки логики соперничества великих держав, Брюсселю стоило бы выбрать модель «стратегической взаимозависимости». «Стратегическая взаимозависимость» — это средний путь между стратегической автономией, которая грозит расколоть ЕС и отдалить от него остальной мир, и полным растворением в антикитайском блоке во главе с США. «Стратегическая взаимозависимость» предполагает, что два субъекта зависят друг от друга в достижении своих целей и стратегий. Это означает, что действия одного субъекта могут оказывать значительное влияние на другого, и наоборот, что требует от них учета интересов и возможных ответных действий друг друга.

В стратегии ЕС довольно четко определены его интересы в отношениях с Китаем, а интересы другой стороны не принимаются во внимание. Неслучайно недостаток знаний и плохое восприятие Китая выделено в качестве слабого места европейско-китайских отношений. Отсутствие комплексного анализа внутренней ситуации в Китае и его внешней политики приводит к тому, что китайская стратегия ЕС формируется на основе ошибочных представлений и стереотипов. К сожалению, европейцы не всегда верно интерпретируют основные события внутренней политики Китая, проводя аналогии с европейской политикой.

В условиях глобальной взаимозависимости разъединение экономик просто нереально и нанесет ущерб национальным интересам, хотя, безусловно, есть области, где имеет смысл избегать чрезмерной зависимости от других стран. Отдельные страны, например Италия или Франция, по факту уже идут этим средним путем. В конечном итоге, будущее отношений ЕС и Китая будет зависеть от способности ЕС выработать единый подход, сочетающий экономические интересы с интересами безопасности, а также уметь ориентироваться в сложных условиях меняющихся трансатлантических отношений.

Библиография

1. European Commission. Joint Communication to The European Parliament, The European Council and The Council EU-China – A strategic outlook. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52019JC0005> (дата обращения: 14.01.2025).
2. European Commission. Joint Communication to The European Parliament and The Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
3. European Commission. Joint Communication to The European Parliament, The European Council and The Council on "European Economic Security Strategy". 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023JC0020> (дата обращения: 07.09.2025).
4. European Commission. Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/hu/speech_23_2063 (дата обращения: 07.09.2025).
5. Kuik C.C. Getting hedging right: a small-state perspective // China International Strategy Review. 2021. №3. P. 300-315. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-021-00089-5> (дата обращения: 09.09.2025). DOI: 10.1007/s42533-021-00089-5. EDN: SHYWTR.
6. Europe's choice. Political guidelines for the next European Commission 2024–2029.

- Ursula von der Leyen. Candidate for the European Commission President. 2024. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf (дата обращения: 07.09.2025).
7. Шредер Г. Решения. Моя жизнь в политике / Герхард Шрёдер; [пер. с нем. Г. Леоновой]. М.: Издательство "Европа", 2007. 552 с. EDN: QPHSSF.
8. Вайденфельд У. Ангела Меркель. Женщина-канцлер. Портрет эпохи / пер. с нем. яз. К.С. Чесноковой. М.: Издательство АСТ, 2022. 320 с.
9. Kirchner R., Wurzel S. Deutsche China-Politik. Kein Wandel durch Handel // Deutschlandfunk. 27.04.2021. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/deutsche-china-politik-kein-wandel-durch-handel-100.html> (дата обращения: 09.09.2025).
10. Programm der deutschen EU-Ratspräsidentschaft "Gemeinsam. Europa wieder stark machen" 1. Juli bis 31. Dezember 2020. URL: <https://www.eu2020.de/resource/blob/2360246/d0e7b758973f0b1f56e74730bfdaf99d/pdf-programm-de-data.pdf> (дата обращения: 18.01.2025).
11. Deutscher Bundestag. China und deutsche EU-Ratspräsidentschaft. 2020. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/presse/hib/2020_07/704892-704892 (дата обращения: 16.02.2025).
12. China Strategie der Bundesregierung // Auswärtiges Amt. 2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2608578/810fdade376b1467f20bdb697b2acd58/china-strategie-data.pdf> (дата обращения: 09.09.2025).
13. Hat das Kanzleramt in der China-Politik etwas zu verbergen? // Pressemitteilung. 19.04.2023. URL: <https://www.cdusu.de/presse/pressemitteilungen/hat-das-kanzleramt-der-china-politik-etwas-zu-verbergen> (дата обращения: 09.09.2025).
14. Арзаманова Т. В. Китайская головоломка в контексте "смены эпох" (Zeitenwende) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 240-259. DOI: 10.31249/ape/2024.04.13. EDN: INMEZU.
15. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Fraktion der CDU/CSU – Drucksache 20/14577. Stand der Umsetzung der China-Strategie der Bundesregierung. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/149/2014941.pdf> (дата обращения: 17.02.2025).
16. Conférence des Ambassadrices et des Ambassadeurs: le discours du Président Emmanuel Macron. Elysée. 28 août 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/08/28/conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs-le-discours-du-president-emmanuel-macron> (дата обращения: 09.09.2025).
17. France 2030: un plan d'investissement pour la France // Le ministère de l'Économie, des Finances et de la Souveraineté industrielle et numérique. 13.10.2023. URL: https://www.economie.gouv.fr/france-2030?__cf_chl_tk=oYdbqc1ihXc5kRLSx1HipbC39UfK5wxE7LZ2LJcshYw-1756625595-1.0.1.1-kA5IhzOToSxdx_IKAycjkYrBG0DR_Qj3HYur3K0P5nM (дата обращения: 09.09.2025).
18. French presidency of the Council of the EU // European Economic and Social Committee. URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/french-presidency-council-eu> (дата обращения: 17.02.2025).
19. Entretien téléphonique avec M. XI Jinping, Président de la République populaire de Chine. Publié le 26 octobre 2021. // Elysée. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/10/26/entretien-telephonique-avec-m-xi-jinping-president-de-la-republique-populaire-de-chine-2> (дата обращения: 09.09.2025).
20. France's Indo-Pacific Strategy // Ministry for Europe and Foreign Affairs. URL: https://ambafrance.org/IMG/pdf/en_indopacifique_web.pdf (дата обращения: 13.09.2025).
21. Bondaz A. The French EU Presidency Must Be More Ambitious with China Agenda //

- China Observers in Central and Eastern Europe. 26.01.2022. URL: <https://chinaobservers.eu/the-french-eu-presidency-must-be-more-ambitious-with-china-agenda/> (дата обращения: 13.09.2025).
22. Julienne M., Turcsanyi R.-Q., Simalcik M., Kironka K., Sedlakova R. French public opinion on China in the age of COVID-19. Political distrust trumps economic opportunities // Institut français des relations internationales. 24.11.2020. URL: [https://www.ifri.org/fr/publications-exterieures/lopinion-publique-francaise-sur-la-chine-leredu-covid-19-lamefiance](https://www.ifri.org/fr/publications-exterieures/lopinion-publique-francaise-sur-la-chine-lereducovid-19-lamefiance) (дата обращения: 09.09.2025).
23. Brinza A. The "17+1" Mechanism: Caught Between China and the United States // China Quarterly of International Strategic Studies. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 213-231.
24. Юн С.М., Пакулин В.С. Взаимодействие Китая и стран Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы "Пояса и пути" и формата "17+1" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 241-253. DOI: 10.21638/spbu06.2021.207. EDN: QJPXPQ.
25. Ведерников М.В. Динамика отношений с Китаем: ценностный подход во внешней политике Чехии // Современная Европа. 2022. № 6. С. 82-97. DOI: 10.31857/S0201708322060067. EDN: GPLFGC.
26. Security Strategy of the Czech Republic 2023. // Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. URL: https://mzv.gov.cz/file/5161068/Security_Strategy_of_the_Czech_Republic_2023.pdf (дата обращения: 13.09.2025).
27. ACT of 19 January 2021 on the screening of foreign investments and amendment of related laws (Foreign Investments Screening Act) // Investment Policy Hub. UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-laws/laws/434/czechia-foreign-investments-screening-act> (дата обращения: 13.09.2025).
28. EU-China relations: De-risking or de-coupling – the future of the EU strategy towards. China Study requested by European Parliament's Committee on Foreign Affairs. 15.03.2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU\(2024\)754446_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU(2024)754446_EN.pdf) (дата обращения: 13.09.2025).
29. U.S.-Poland Joint Declaration on 5G // The White House. 2.09.2019. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/u-s-poland-joint-declaration-5g/> (дата обращения: 13.09.2025).
30. Prime Minister Mateusz Morawiecki 's article in 'The Telegraph' – Clean path to a new model of globalization: time for European 5G realism" // Gov.pl. 16.07.2020. URL: <https://www.gov.pl/web/usa-en/prime-minister-mateusz-morawieckis-article-in-the-telegraph---clean-path-to-a-new-model-of-globalization-time-for-european-5g-realism> (дата обращения: 09.09.2025).
31. Address by Prime Minister Viktor Orbán at the "One Belt, One Road" Forum // Abouthungary. 18.10.2023. URL: <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/address-by-prime-minister-viktor-orban-at-the-one-belt-one-road-forum> (дата обращения: 09.09.2025).
32. Nagy Márton csodának nevezte a magyar-kínai gazdasági kapcsolatokat // Infostart. 25.07.2023. URL: <https://infostart.hu/gazdasag/2023/07/25/nagy-marton-csodanak-nevezte-a-magyar-kina-gazdasagi-kapcsolatokat#> (дата обращения: 09.09.2025).
33. Gizińska I., Uznańska P. China's European bridgehead. Hungary's dangerous relationship with Beijing // Centre for Eastern Studies. 2024. №590. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-04-12/chinas-european-bridgehead-hungarys-dangerous-relationship> (дата обращения: 17.02.2025).
34. Юрасова Л.А. Политика венгерского суверенитета // Вестник МГИМО-Университета.

2016. №4(49). С. 99-116. EDN: WXOKHX.

35. Az Európai Unió Tanácsa 2024. második félévi magyar elnökségének programja. URL: <https://pozsony.mfa.gov.hu/asset/view/185469/Eln%C3%B6ks%C3%A9giProgram0618.pdf> (дата обращения: 09.09.2025).

36. Шишелина Л.Н. Венгрия: два председательства в Совете ЕС // Современная Европа. 2024. № 7. С. 17-29. DOI: 10.31857/S0201708324070027. EDN: CCGKQC.

37. Consolidated Version of the Treaty on European // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 09.09.2025).

38. Šimalčík M., Šebok F. Navigating uncertainty. Central European public opinion on geopolitics in 2025 // Central European Institute of Asian Studies. URL: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2025/04/EMIF_Report1_Print.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

39. Memorandum of Understanding between the Government of the Italian Republic and the Government of the People's Republic of China on cooperation within the framework of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road Initiative. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_EN.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

40. Маслова Е.А. Италия – Китай: стратегическое партнерство продолжается? // Актуальные проблемы Европы. 2024. №4. С. 278-294. DOI: 10.31249/ape/2024.04.15. EDN: EZOCJQ.

41. Piano d'azione per il rafforzamento del Partenariato Strategico Globale Cina-Italia (2024–2027). URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Piano_Azione_Italia-Cina_2024-2027_1.pdf (дата обращения: 09.09.2025). ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает эволюция подходов государств-членов Европейского союза к реализации политики «дерискинга» в отношении Китая в условиях трансформации глобального порядка. Научная актуальность работы обусловлена эскалацией глобальной биполярности между США и Китаем, которая усиливает уязвимости ЕС в экономической, технологической и геополитической сферах, требуя переосмысления европейской внешней политики для сохранения автономии и влияния в многополярном мире. Исследование отражает современные вызовы европейской интеграции в контексте растущего стратегического соперничества между США и Китаем, требующего от ЕС выработки собственной позиции. Практическая значимость заключается в разработанных автором рекомендациях по оптимизации политики «дерискинга» для институтов ЕС и национальных правительств, включая переход к модели «стратегической взаимозависимости», что может помочь в диверсификации партнерств, снижении зависимости от Китая и укреплении внутренней сплоченности Союза. Результаты исследования могут быть использованы при формировании внешнеполитических стратегий ЕС и его государств-членов в отношении азиатских партнеров. К сожалению, сам автор ничего не говорит об использованной в процессе исследования методологии. Но из контекста можно понять, что в работе фактически применялся сравнительный анализ национальных подходов к китайской политике (на примере Германии, Франции, стран ЦВЕ, Италии), изучение эволюции официальных документов ЕС и отдельных государств, а также SWOT-анализ для оценки

сильных и слабых сторон европейско-китайских отношений. Использовался дискурс-анализ для анализа риторики ключевых фигур, таких как Урсула фон дер Ляйен и Эмманюэль Макрон (что позволило выявить сдвиги в нарративах от партнерства к соперничеству), а также сравнительный метод для оценки позиций стран-членов ЕС (Германия vs. Франция, страны ЦВЕ, Италия), что способствовало выделению паттернов амбивалентности и разногласий. Кроме того, автор использовал метод case study для детального анализа трансформации политики отдельных стран, опираясь на изучение первичных источников – официальных стратегий, заявлений политических лидеров и экспертных оценок. Вполне корректное применение описанных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, в работе выявлено, что среди ведущих государств-членов ЕС отсутствует единый подход к реализации политики «дерискинга», что создает структурные препятствия для формирования общеевропейской стратегии в отношении Китая. Показано, что стратегия «снижения рисков» не является универсальной, а в реальности трансформируется в зависимости от национальных интересов, что приводит к амбивалентности европейской политики. Установлено также, что Франция обладает большим потенциалом для лидерства в европейской политике снижения рисков по сравнению с Германией благодаря меньшей экономической зависимости от китайского рынка и более последовательной внешнеполитической линии. Наконец, по результатам исследования обоснована концепция «стратегической взаимозависимости» как практическая альтернатива «стратегической автономии», позволяющая ЕС избежать логики блокового противостояния и учесть интересы всех участников отношений. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где обосновывается актуальность исследования европейско-китайских отношений в контексте американо-китайского соперничества, формулируется исследовательская проблема, но отсутствует описание и аргументация теоретико-методологического выбора автора; - «Хеджирование рисков», где анализируются теоретические основы политики ЕС через призму теории средних держав и стратегий поведения государств в условиях неопределенности; - «Кто возглавит политику "дерискинга" – Германия или Франция?», где сравниваются подходы двух ведущих европейских держав к отношениям с Китаем, выявляются преимущества французской модели; - «Проблемы "Восточного фронта"», где исследуются позиции стран Центральной и Восточной Европы, демонстрируется их неоднородность и влияние на общеевропейскую политику; - «Кейс Италии», где показывается пример трансформации национальной политики от сближения к дистанцированию от Китая; - «SWOT-анализ отношений ЕС и Китая», где систематизируются факторы, определяющие перспективы европейско-китайских отношений; - «Заключение», где резюмируются итоги проведенного исследования, делаются выводы и формулируются рекомендации по развитию более сбалансированной европейской стратегии. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, встречаются перегруженные конструкции с множеством уточняющих причастных и деепричастных оборотов придаточных предложений и т.д., из-за чего теряется ясность; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «За период с 1999 по 2005 г. объем взаимной торговли увеличились втрое и превысили сумму в 60 млрд. евро», «В сентябре 2021 г. наконец-то была принята Стратегия ЕС по сотрудничеству в ИТР, ставшей основой, определяющей...», «Ряд политиков обрушились с критикой в адрес канцлера...», «Китай упоминается в документе 13 раз, содержательно в 4 аспектах...»; или отсутствие обособляющих вводный оборот запятых в предложении «Однако на наш взгляд Париж

успешнее всех проходит адаптацию к...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 41 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы. В числе безусловных достоинств рецензируемой статьи можно отметить глубокое знание автором эмпирического материала, подтверждаемое обширным использованием первичных источников – от официальных стратегических документов до мемуаров политических деятелей, что придает исследованию высокую степень достоверности; а также успешное сочетание теоретического анализа с практическими кейсами, что позволило не только выявить общие закономерности, но и показать их конкретные проявления в политике отдельных государств, создавая объемную картину современного состояния европейско-китайских отношений. Отдельно следует отметить приложение со SWOT-анализом.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, для исследователей европейской интеграции и международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для практикующих работников внешнеполитических ведомств стран ЕС, для аналитиков, специализирующихся на китайской внешней политике, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Англоязычные метаданные

Continuity and innovation of Xi Jinping's foreign policy ideas

You Yuanjie

Postgraduate student; Faculty of International Relations; Saint Petersburg State University

6 Pobedy St., Saint Petersburg, 196070, Russia

✉ you_yuanjie@126.com

Abstract. The author examines in detail aspects of the topic such as the continuity and innovation of Xi Jinping's foreign policy ideas. Xi Jinping's foreign policy concept embodies the ideological principles in the field of international politics formulated by the Central Committee of the Communist Party of China under Xi Jinping's leadership, serving as the foundation and guidance for China's modern diplomatic activities. This approach reflects both the continuity of the foreign policy course of previous leaders of New China and the new theoretical ideas that reflect contemporary trends and the specifics of the current international situation. The study of the foreign policy ideas that remain unchanged and the innovations introduced by Xi Jinping is of great practical significance for understanding the development of the guiding ideology and determining the vector of innovative changes in China's foreign policy. The article employs comparative-historical and discourse analysis (systematic comparison of official documents such as white papers, reports from CPC congresses, and key speeches and statements by leaders from different periods of the PRC on foreign policy themes). Since the founding of New China, from Mao Zedong to Xi Jinping, Chinese diplomatic thought has combined both continuity and development of traditions with innovations adapted to a new historical stage in accordance with the characteristics of the era. The first generation of the party's central leadership, led by Mao Zedong, implemented a new policy of independence and peaceful diplomacy. Deng Xiaoping introduced the new idea that peace and development are the main themes of the modern era. Jiang Zemin added the form of "promoting common development" to China's diplomatic goals and articulated the thesis of the unacceptability of a unipolar world. Hu Jintao advocated for the "path of peaceful development of China" and proposed the concept of a "harmonious world." Xi Jinping, based on adherence to the diplomatic ideas of previous generations of leaders, proposed to implement a major power diplomacy with Chinese characteristics, launched the initiative of building a community with a shared future for humanity, and is constructing a new type of international relations, thereby writing a new chapter in the history of China's independent and peaceful diplomatic theory and practice.

Keywords: Chinese specificity, community of shared future, major power diplomacy, peaceful development, Xi Jinping, foreign policy course, CPC Central Committee, foreign policy, China, foreign policy ideas

References (transliterated)

1. Mao Tszedun. Izbrannye diplomaticheskie proizvedeniya Mao Tszeduna / Tsentral'noe izdatel'stvo dokumentov, Izdatel'stvo "Mirovye znaniya". – Pekin, 1994. – S. 80-269.
2. Izbrannye vazhnye dokumenty s momenta osnovaniya gosudarstva. Tom 1. – Pekin: Tsentral'noe izdatel'stvo dokumentov, 1992. – S. 3.
3. Gun Li. Razvitie i innovatsii v rukovodyashchikh ideyakh vneshnei politiki novogo Kitaya // Issledovaniya po modernizatsii gosudarstva. – 2025. – T. 4, № 1. – S. 19-31.

- DOI: 10.20200/j.cnki.gjxdh.2025.01.007.
4. Izbrannye diplomaticheskie proizvedeniya Chzhou En'laya. – S. 63.
 5. Guan Yupin. Prodvizhenie printsipov mirnogo sosushchestvovaniya i sodeistvie postroeniyu novogo tipa mezhdunarodnykh otnoshenii [Gazeta] // Narodnaya gazeta. – 2024. – 28 iyunya (№ 002). – S. 19. – DOI: 10.28655/n.cnki.nrmrb.2024.009028.
 6. Sobranie sochinenii Mao Tszeduna. Tom 8. – Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 1999. – S. 343.
 7. Biografiya Mao Tszeduna (1949–1976). Tom 2. – Pekin: Tsentral'noe izdatel'stvo dokumentov, 2008. – S. 1688.
 8. Se Syaotszyun'. Sokhranenie traditsii i innovatsii: posledovatel'nost' i razvitie vneshnepoliticheskikh idei Mao Tszeduna Si Tszin'pinom // Issledovaniya Mao Tszeduna. – 2024. – № 2. – S. 15. – DOI: 10.14130/j.cnki.mzr.2024.02.002.
 9. Mir i razvitie – dve glavnye problemy sovremennogo mira (4 marta 1985 goda) // Izbrannye proizvedeniya Den Syaopina. Tom 3. – Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, [god izdaniya, esli izvesten]. – S. 105.
 10. Chzhao Tszyyan. Doklad na XIII s'ezde Kommunisticheskoi partii Kitaya [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva KNR. – 2008. – Rezhim dostupa: https://www.gov.cn/test/2008-07/01/content_1032279.htm (data obrashcheniya: 01.05.2025).
 11. Van Ivei, Duan' Minnun. Kitaiskaya mudrost' v diplomaticheskoi strategicheskoi mysli Den Syaopina // Mezhdunarodnyi forum. – 2024. – T. 26, № 6. – S. 88. – DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2024.06.005.
 12. Si Tszin'pin. Vystuplenie na zasedanii, posvyashchennom 120-letiyu so dnya rozhdeniya tovarishcha Den Syaopina [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva KNR. – 2024. – Rezhim dostupa: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202408/content_6969972.htm (data obrashcheniya: 01.05.2025).
 13. Razmyshleniya Tszyan Tszeminya o sotsializme s kitaiskoi spetsifikoi (sbornik tematiceskikh vyderzhhek). – Pekin: Tsentral'noe izdatel'stvo dokumentov, 2002. – S. 512–527.
 14. Khronologiya zhizni i deyatelnosti Den Syaopina (1975–1997). Tom 2. – S. 1323.
 15. Izbrannye vazhnye dokumenty so vremeni XIV s'ezda (chast' pervaya). – Pekin: Tsentral'noe izdatel'stvo dokumentov, 1996. – S. 35.
 16. Izbrannye proizvedeniya Tszyan Tszeminya. Tom 1. – Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 2006. – S. 413.
 17. Izbrannye proizvedeniya Tszyan Tszeminya. Tom 2. – Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 2006. – S. 315.
 18. Li Baochzhen'. Pervye shagi v izuchenii idei "garmonichnoi" diplomatii v izbrannykh proizvedeniyakh Tszyan Tszeminya // Teoreticheskii obzor. – 2007. – № 10. – S. 36–38. – DOI: 10.19632/j.cnki.11-3953/a.2007.10.012.
 19. Put' mirnogo razvitiya Kitaya: belaya kniga (izdanie 2005 goda) [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva KNR. – 2005. – 22 dekabrya. – Rezhim dostupa: https://www.gov.cn/zwgk/2005-12/22/content_134060.htm (data obrashcheniya: 12.05.2025).
 20. Izbrannye proizvedeniya Khu Tszin'tao. Tom 2. – [gorod]: [izdatel'stvo], [god]. – S. 650.
 21. Leksyutina Ya.V., Yuan'tsze Yu. Kontsept mezhdunarodnoi diskursivnoi sily v ideologii

- vneshnei politiki Kitaya // Rossiisko-kitaiskie issledovaniya. – 2023. – T. 7, № 4. – S. 367-380. – DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380. – EDN PFSLWE.
22. Si Tszin'pin o gosudarstvennom upravlenii. Tom 2. – Pekin: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 2017. – S. 443.
 23. Tszin' Tsan'zhun, Van Khei. Diplomatiya Kitaya v novuyu epokhu: novoe pozitsionirovanie i novye korrektyrovki // Mezhdunarodnoe obozrenie. – 2019. – № 4. – S. 44-57.
 24. Si Tszin'pin o gosudarstvennom upravlenii. Tom 3. – Pekin: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 2020. – S. 45-475.
 25. Sbornik dokumentov XX s'ezda Kommunisticheskoi partii Kitaya. – Pekin: Narodnoe izdatel'stvo, 2022. – S. 11-52.
 26. Leksyutina Ya.V. O dvoynoi mezhdunarodnoi identichnosti sovremennogo Kitaya // Mezhdunarodnaya analitika. – 2024. – T. 15, № 1. – S. 63-76. – DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76. – EDN HSKCFL.
 27. Tret'e plenarnoe zasedanie Tsentral'nogo komiteta Kommunisticheskoi partii Kitaya XX sozyva proshlo v Pekine // Zhen'min' zhibao. – 2024. – 19 iyulya. – S. 1.
 28. Si Tszin'pin o nastoichivom prodvizhenii postroeniya soobshchestva s obshchim budushchim dlya chelovechestva. – Pekin: Tsentral'noe izdatel'stvo dokumentov, 2018. – S. 38.
 29. Leksyutina Ya.V. Uchastie KNR v global'nom upravlenii: istoricheskii fon i sovremennyy etap // Problemy Dal'nego Vostoka. – 2020. – № 2. – S. 18. – DOI: 10.31857/S013128120009750-6. – EDN ROPQZM.
 30. Si Tszin'pin v vystuplenii v MGIMO podcherknul neobkhodimost' postroit' mezhdunarodnye otnosheniya novogo tipa na osnove vzaimovыgodnogo sotrudnichestva [Elektronnyi resurs] // Ministerstvo inostrannykh del KNR. – 2013. – 23 marta. – Rezhim dostupa: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zzjg/dozys/xwlb/201304/t20130401_931994.html (data obrashcheniya: 12.05.2025).

The role of Russia in inter-Palestinian settlement and the prospects of the Palestinian factor in world politics

Ryzhov Igor Valerevich

Doctor of History

Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory "Study of World and Regional socio-political processes" of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603022, Russia

✉ ivr@fmo.unn.ru

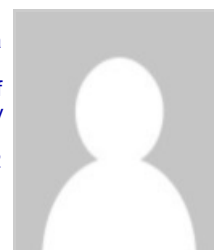

Borodina Mariya Yur'evna

Senior Lecturer; Institute of International Relations and World History; Department of History and Politics of Russia; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022

✉ borodina.m-u@yandex.ru

Margaryan David Lyovaevich

Graduate student; Institute of International Relations and World History; Department of World Diplomacy and International Law, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia, Nizhny Novgorod Region

✉ dartvader2595@mail.ru

Pavlov Andrei Georgievich

Graduate student; Institute of International Relations and World History; Department of Modern and Contemporary History, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia, Nizhny Novgorod Region

✉ larkenstonel@gmail.com

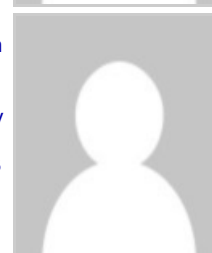

Sabirov Radmir Il'darovich

Graduate student; Institute of International Relations and World History; Department of Socio-Political Communications; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, ave. Gagarina, 23

✉ sabirovradmir184@gmail.com

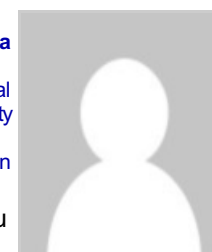

Hohlisheva Ol'ga Olegovna

Professor; Institute of International Relations and World History; Department of World Diplomacy and International Law, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia, Nizhny Novgorod Region

✉ olga11973@mail.ru

Abstract. The article focuses on the role of the Russian Federation in the negotiation process between the main Palestinian political forces, Fatah and Hamas, as it is through its efforts that consultations with the opposing forces are conducted on a regular basis. Special attention is given to the political divide between the main Palestinian parties as the main obstacle to intra-Palestinian reconciliation. This divide has not only led to fierce clashes between followers of different political factions but has also significantly impacted the prospects for resolving the Israeli-Palestinian conflict. In the nearly two decades since the split in 2007, Fatah and Hamas have signed several reconciliation agreements, yet calls for reconciliation from both sides have largely been rhetorical in nature. Deep mistrust, as well as substantial ideological differences, have led to the failure of all reconciliation attempts, and tensions between the two key Palestinian political parties continue to this day. The methodology employed includes a comprehensive analysis of political documents (such as statements from Fatah and Hamas, as well as official Russian positions), a comparative analysis of the foreign policy approaches of Russia and Western countries, and empirical observations of diplomatic initiatives, including negotiations in Moscow and Beijing. The scientific novelty of the study lies in being one of the first attempts in recent years to systematize and analyze Russia's efforts to bring the positions of leading players on the intra-Palestinian track closer together. The results indicate that deep ideological and political disagreements between Fatah and Hamas remain the main obstacle to the creation of a unified Palestinian state and stable conflict resolution. At the same time, Russian diplomacy occupies a unique position by maintaining regular dialogue with both sides, setting it apart from many Western nations. An analysis of recent events and negotiations, including meetings in Moscow and Beijing, reveals the prospects for the gradual restoration of national unity among Palestinians with the active involvement of Russia and China.

Keywords: Hamas, Russia, Palestinian-Israeli settlement, inter-Palestinian settlement, State of Israel, The Palestinian National Authority, negotiations, Fatah, regional security, international politics

References (transliterated)

1. Swart M. Palestinian Reconciliation and the Potential of Transitional Justice. Brookings Dohacenter, 2019. 44 p.
2. Makhmutova M.I. Mezhpalestinskii konflikt FATKh i KhAMAS (2006–2019 gg.) // Konfliktologiya / nota bene. 2019. № 2. S. 33-46. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.2.30203 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30203
3. Makhmutova M.I. Ideologicheskaya konkurentsia FATKh i KhAMAS // LOCUS: People, Society, Culture, Meanings. 2020. Vol. 11. No. 3.
4. Satanovskii E.Ya. Rossiya i Blizhnii Vostok. Kotel s nepriyatnostyami. M.: Eksmo, 2012. 384 s.
5. Chen J. et al. Evolution of China's interaction with Middle Eastern countries under the Belt and Road Initiative // Plos one. 2023. T. 18. № 11.
6. Khan M. Rising Chinese Influence in the Middle East: Implications for the Israel-Palestine Conflict // Al-NASR. 2024. Vol. 3, No. 2. P. 75-96.
7. Tekst deklaratsii v Sane, podpisannoi FATKh i KhAMAS, dlya vozobnovleniya dialoga mezhdu dvumya pravitel'stvami. Palestinskie dokumenty za 2008 god. Tsentr issledovaniy i konsul'tatsii Al'-Zeituna. Beirut, 2011. S. 234. (نص إعلان صنعاء الموقع بين فتح وحماس الستئناف . الزيتون مركز . لسنة الفلسطينية الوثائق . الحكومتين بين حوار)
8. Schanzer J. Hamas vs. Fatah: The Struggle for Palestine. St. Martin's Press, 2008. 239 p.
9. Gosudarstvo Palestina: pravo na budushchee: monografiya / A.V. Fedorchenko, A.V. Krylov, V.M. Morozov; Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenii (un-t) M-va inostr. del Ros. Federatsii, Tsentr blizhnevostochnykh issledovaniy In-ta mezhdunar. issledovaniy. M.: MGIMO-Universitet, 2018. EDN: YPLHCO.
10. Singh S. Origin and Growth of HAMAS (Islamic Resistance Movement) in Palestine. Samaj Vigyan Shodh Patrika. 2013. Vol. 2 (Part II). No. XX. Pp. 223-236.
11. Informatsionnyi byulleten' ot 25 aprelya 2014 g. // Departament informatsii i pechaty MID Rossii. M., 2014. 41 s.
12. Alivaivi M.A. Otnosheniya mezhdu palestinskoi natsional'noi avtonomiei i Rossiiskoi Federatsiei: etap prezidentstva V. V. Putina // Vestnik Tambovskogo universiteta. Politicheskie nauki i pravo. 2015. № 2(2). S. 74-81.
13. National security strategy, October 2022 // The White House. 48 p.
14. Paskhal'nyi P.I. Primenit li Islamabad atomnuyu bombu pervym // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2018. № 49. S. 4-5.

International space law in the context of regulating the activities of private space companies, using the example of the United States

Tikhomirova Karina Sergeevna

Graduate student; Department of Foreign Regional Studies and Local History; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603022, Russia

✉ ariafan1013@gmail.com

Ruchina Valeriya Mikhailovna

Graduate student; Department of Foreign Regional Studies and Local History; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia, Nizhny Novgorod Region

✉ v.ruchina2016@gmail.com

Medonova Anastasiya Aleksandrovna

Graduate student; Department of Foreign Regional Studies and Local History; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University
Chief Specialist, Consultant; Ministry of Energy and Housing and Communal Services of the Nizhny Novgorod Region

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia, Nizhny Novgorod Region

✉ anastasiyamedonova@yandex.ru

Abstract. The authors examine in detail the issues of regulation of international space activities by international law. The subject of the study examines international treaties that regulate the activities of states and their private companies in outer space. The absence of comprehensive regulations for space activities and the absence of legislation to control private companies lead to the fact that the activities of states in space are focused more on its monopolization, rather than on collective security. Particular attention is paid to private space companies of the United States, since the most serious challenge in the space arena is their rapid development. In turn, their activities are only indirectly regulated by international space law, and do not have any international standardization, but at the same time pose a real threat to international security. The study is based on comparative legal and institutional methods used to identify contradictions between international and national space law. Comparative analysis and case studies were used to study competition in outer space between state actors and between state and private company in order to identify gray areas in international space law. The novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the existing space legislation, such as: the Outer Space Treaty, the Convention on International Liability for Damage Caused by Space Objects, the Convention on Registration of Objects, the Moon Agreement; consideration of the imperfections of their provisions and proposals for improving the norms of international space law. A comparative analysis of the norms of international space law with the US legislation in the space industry is provided. The article considers the influence of private companies on the development of international space activities, and also identifies the risks that their activities pose. The authors come to the conclusion about the need for an international comprehensive modernization of space law: development of cybersecurity standards and regulations for the use of nuclear facilities in space, creation of unified international standards for private companies with the establishment of a global registry of these companies; reform of the UN COPUOS, introduction of mechanisms for the implementation of norms through national legislation.

Keywords: International space law, Satellites, Spacecraft, NASA, Blue Origin, SpaceX, USA, PPP, Private space companies, Orbital launches

References (transliterated)

1. Teeratanabodee W. The Outer Space Business: The Impact of Private Actors on Space Governance // RSIS Commentary. Singapore: S. Rajaratnam School of International

- Studies (RSIS), 2024. N. 6. Pp. 1-6.
2. Hertzfeld H. Current And Future Issues In International Space Law // ILSA Journal of International & Comparative Law. 2009. No. 15 (2). Pp. 325-335.
 3. Tolochko O.N. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie osvoeniya kosmicheskogo prostranstva // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. № 2. S. 21-26. DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-2-3 EDN: OOXEXM.
 4. Antonov A.I. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie voenno-kosmicheskoi deyatel'nosti // Vestnik MGIMO. 2012. № 4. S. 190-195. EDN: PYMQYX.
 5. Bhat B., Sandeepa, Dilip Ukey, Adithya Variath (eds). International Space Law in the New Space Era: Principles and Challenges. Oxford: Oxford University Press, 2024.
 6. Bartóki-Gönczy B., Ganczer M., Sulyok G. Space sustainability: Current regulatory challenges // Hungarian Journal of Legal Studies. 2024. Vol. 65. No. 2. Pp. 260-281. DOI: 10.1556/2052.2024.00552 EDN: LDNYXI.
 7. Teeratanabodee W. Public-Private Partnerships in Outer Space: Implications for the Defence and Security Sector // RSIS Working Paper. 2025. No. 344. Pp. 51-54.
 8. Kuo Y. The Outer Space Business: The Impact of Private Actors on Space Governance // RSIS Commentary. 2024. No. 6. P. 18-27.
 9. Linden A. National Space Legislation: Balancing Innovation and Regulation // Journal of Science Policy & Governance. 2016. N. 8(1). Pp. 160-164.
 10. Commercial Orbital Transportation Services: A New Era in Spaceflight // NASA Report. 2014. 146 p.
 11. Danilin I.V. NASA, "astroprenery" i rynki budushchego: novye modeli innovatsionnoi politiki SShA v kosmicheskoi sfere // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2018. № 2. S. 166-170. EDN: UVNSHU.
 12. Start-up Space: Update on Investment in Commercial Space Ventures // BryceTech, 2023. 36 p.
 13. Report to Congress: Evaluation of Commercial Human Space Flight Safety Frameworks and Key Industry-Indicators // FAA, 2021. 42 p.
 14. Goessler A. The Private Sector's Assessment of U.S. Space Policy and Law // CSIS, 2022. Pp. 1-16.
 15. Montgomery L. The Outer Space Treaty and Prohibited Military Space Activities // Nonproliferation Policy Education Center Occasional Paper. 2023. No. 2304. Pp. 1-23.
 16. Nikitin A.I., Klinova M.V. Doktrinal'nye aspekty politiki SShA, NATO i ES v oblasti voennogo kosmosa // Sravnitel'naya politika. 2022. № 4. S. 45-51. DOI: 10.24833/2221-3279-2022-4-13-45-64 EDN: JLBTCV.
 17. Makarova D. Yu. Razvitie chastnogo biznesa v raketno-kosmicheskoi otrasli: tendentsii i perspektivy // Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika. 2015. № 25 (424). C. 57-63. EDN: UCBRIL.
 18. Korobushin D. V., Veiko A. V., Dadashyan A. E. Chastnyi kosmos v SShA: tendentsii razvitiya // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. 2018. № 3. S. 109-113. EDN: XSNCT.
 19. Davidian K. Operationalizing the definition of "Commercial Space" // Acta Astronautica. 2022. No. 198(4). Pp. 541-549. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.06.040 EDN: YMKXVC.
 20. Kravchenko D.B, Baurov A.Yu. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sfere kosmicheskoi deyatel'nosti v period strukturnoi reformy otrasli // n-Economy. 2016. № 3 (245). S. 48-52.
 21. Popova S.M., Uvarov V.B., Yanik A.A. Regulirovanie distantsionnogo zondirovaniya

Zemli iz kosmosa: mezhdunarodnyi opyt // Mezhdunarodnoe pravo. 2022. № 3. S. 1-27.

DOI: 10.25136/2644-5514.2022.3.38577 EDN: QLBQXQ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38577

22. Kamolov S. G., Sholokhov A. N. Strategiya kommersializatsii kosmicheskoi deyatel'nosti SShA // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2019. № 1A. S. 564-572. DOI: 10.25799/AR.2019.80.1.057 EDN: EYTBCU.
23. Ashcheulova E. S., Farafontova E. L. Pravovoi aspekt militarizatsii kosmosa // Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики. 2015. № 11. S. 421-423. EDN: VSCPFN.
24. Mal'tsev S. C., Stanislavovich R. E. Opyt i perspektivy kommersializatsii uslug mnogosputnikovyykh gruppirovok svyazi na primere Starlink // Ekonomika kosmosa. 2025. № 12. S. 73-78.
25. Alekseenko A.P. Razvedka i dobycha kosmicheskikh resursov: opyt zakonotvorchestva SShA // Yuridicheskie issledovaniya. 2016. № 5. S. 34-41. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.5.18968 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18968
26. Agapova M. A. Natsional'noe pravo Soedinennykh Shtatov Ameriki o kommersializatsii kosmicheskoi deyatel'nosti... i ego sootnoshenie s normami mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2025. № 4 (173). S. 167-174.
27. Gells V.I. Sovremennoe sostoyanie mirovogo kosmicheskogo prava // Obrazovanie i pravo. 2023. № 10. S. 45-49. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-10-43-49 EDN: BVNBWO.

Realism and Constructivism in the Relations between Turkey and the Fanar Patriarchate: Security, Identity, and Normative Conflicts

Peksen Celal

Postgraduate Student; Department of Comparative Political Science; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ celalpeksen@yandex.com

Abstract. The subject of the research is the relationships between Turkey and the Fanar Greek Patriarchate in the context of international theories – realism and constructivism. The object of the study consists of the political-legal and ideological foundations of interaction between the parties, shaped by historical memory, normative discourses, and security considerations. The author examines in detail aspects such as Turkey's perception of the Patriarchate as a threat to national sovereignty, its claims to an "ecumenical" status and international recognition, as well as the role of the USA, the European Union, and Greece in supporting these claims. Special attention is given to how realism explains Turkey's defensive reflexes through the lens of security and balance of power, while constructivism reveals the processes of identity formation and legitimization of discourses. Collectively, the work demonstrates the multilayered nature of the problem, situated at the intersection of power struggles, normative conflicts, and identity contradictions. The research methodology is based on a comparative theoretical analysis of realism and constructivism, a discursive approach, and consideration of historical memory. Examples such as the Treaty of Lausanne, the closure of the Halki Theological School, and international reports are used to identify the interconnection between security, identity, and norms. The main conclusions of the conducted research reveal the relationship between security issues, identity, and international normative

pressure in the relations between Turkey and the Phanariot Patriarchate. A particular contribution of the author to the research is the application of both realist and constructivist perspectives, allowing for a demonstration of the limitations of one-dimensional explanations and the necessity of theoretical pluralism. The novelty of the study lies in considering the Patriarchate's issue not only as a religious or legal matter but as a multilayered phenomenon encompassing historical memory, the construction of national identity, and normative discourses. The work emphasizes that realism explains Turkey's desire to maintain the status quo, while constructivism reveals the mechanisms of legitimizing this status quo through norms and identity. Thus, the research contributes to a deeper understanding of the role of religious institutions in international relations.

Keywords: Halki seminary, Sovereignty, Phanariot Greek Patriarchate, Türkiye, Norms, Identity, Security, Constructivism, Realism, International Relations

References (transliterated)

1. Morgenthau, H. J., Thompson, K. W. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 6th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 659 p.
2. Yaşın, G. K. Phanariot Rum Patrikhanesi'nin Hukuki Statüsü // *Avrasya İncelemeleri Merkezi (AVİM) Analiz*. 2022. № 2022/23. S. 1-7.
3. Koç, Y. Emperyalizm ve Patrikhane // *Jeopolitik Dergisi*. 2007. № 1. S. 1-5.
4. Waltz, K. N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York: Columbia University Press, 2018. 263 p.
5. Şahin, S. Phanariot Rum Ortodoks Patrikhanesi // *Diyanet Dergisi*. 1992. T. 28. S. 37-73.
6. Mearsheimer, J. J. The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994–1995. Vol. 19, № 3. P. 5-49.
7. Çelik, M. Phanariot Patrikhanesi'nin Batı Destekli Ökumeniklik İddialarının Siyasal Açidan Türkiye İçin Doğurduğu Tehlikeler // *Beşinci Askeri Tarih Semineri Bildirileri*. T. 1. 1996. S. 226-242.
8. U.S. Department of State. *Turkey 2021 International Religious Freedom Report*. Washington, DC: Office of International Religious Freedom, 2022. 26 p.
9. European Commission. *Türkiye 2023 Report*. Brussels: European Commission, 2023. 141 p.
10. Yalçın, E. Heybeliada Ruhban Okulu Yeniden Açılabilir mi? // *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD)*. 2013. T. 9, № 17 (Bahar). S. 105-134.
11. Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 433 p.
12. Vryonis, S. *The Mechanism of Catastrophe: The Turkish Pogrom of September 6-7, 1955, and the Destruction of the Greek Community of Istanbul*. New York: Greekworks, 2005. 659 p.
13. Ahmad, F. *Modern Türkiye'nin Oluşumu*. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1995. 296 p.
14. Özel, S. Hukuki Açidan Heybeliada Ruhban Okulu Meselesi // *İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası*. 2011. T. 64, № 1 (Temmuz). S. 25-48.
15. Finnemore, M., Sikkink, K. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. 1998. Vol. 52, № 4 (Autumn: International Organization at Fifty). P. 887-917.
16. Yellice, G. The Halki Theological School Issue: The Closure of the School Amidst the Cyprus Crisis and Its Repercussions in Greece, 1955–1971 // *Vakanüvis – Uluslararası*

Tarih Araştırmaları Dergisi. 2024. T. 9. S. 2437–2480. DOI: 10.24186/vakanuvis.1557727.

17. Gökçen, S. Fener Rum Patrikhanesi'nin Hukuki Statüsü ve Heybeliada Ruhban Okulu'nu Açtırma Girişimleri // Atatürk Dergisi. 2010. T. 5, № 1 (Şubat). S. 185-222.
18. Yalçın, E. Heybeliada Ruhban Okulu'nun Yeniden Açılması // Atatürk Yolu Dergisi. 2008. T. 11, № 41 (Ocak). S. 125-158.
19. Yıldırım, Y. D. D. M. Dünden Bugüne Heybeliada Ruhban Okulu Sorunu ve Etrafındaki Tartışmalar // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2006. T. 15. S. 383-399.
20. Macar, E., Gökaçı, M. A. Heybeliada Ruhban Okulu'nun Geleceği Üzerine Tartışmalar ve Öneriler. İstanbul: TESEV Yayınları, 2005. 56 p.
21. Özel, S. Avrupa Konseyi Parlamenterler Meclisinin Türkiye ve Yunanistan'daki Azınlıklarla İlgili Din Özgürlüğü ve Diğer İnsan Hakları ile İlgili Kararı Üzerine Bir Değerlendirme // Avrupa Araştırmaları Dergisi. 2010. № 18. S. 1-35.

Migration policy of the modern state: economic and demographic approach

Mutovkina Anastasiya Dmitrievna

Head of the youth department of the NGO 'Union of Orthodox Women'; NGO 'Union of Orthodox Women'

4A Promyshlennaya str., Solntsevo district, Moscow, 119619, Russia

✉ mutovkina1996@mail.ru

Abstract. Migration policy today is one of the most significant areas of research in public governance, as globalization processes and economic crises generate mass population movements that require comprehensive regulation. The demographic issues faced by developed countries—such as an aging population and a declining working-age cohort—transform migration flows into a strategic resource, although their utilization remains a subject of intense debate among researchers. Consequently, migration processes are gaining increasing importance in the modern world, significantly affecting economic development, demographic situations, and social stability in states. This influence is particularly evident in countries that serve as recipients of migration flows. Formulating an effective migration policy for such countries is not merely a component of public governance but a strategic necessity that requires a deep understanding of economic and demographic patterns. The economic-demographic approach allows for the identification of key factors that determine the nature and direction of migration policy. Methodologically, this research relies on systemic, institutional, and comparative approaches, enabling a comprehensive analysis of the migration system of the modern state using the example of the Russian Federation, as well as a comparison of the economic and demographic components of external migration. In this regard, the theoretical foundation of the research is based on the economic theory of migration and the human capital migration theory. The novelty of the study lies in the identification of the features of applying the economic and demographic approach at the current stage of implementing state migration policy in the Russian Federation, expressed in the need to develop a set of measures aimed at stimulating the influx of economically demanded foreign migrants, primarily labor migrants, while simultaneously countering illegal migration and other national security risks to ensure harmonious interaction between foreign citizens and the host society, as well as to maintain harmonious interethnic relations. The complex influence of economic and demographic factors on the formation of migration policy is reflected in the necessity of considering numerous interrelated aspects. On one hand,

migration policy should be aimed at attracting labor resources to compensate for demographic losses and meet the needs of the economy.

Keywords: Russian Federation, international interaction, labor market, state, public administration, economy, demography, migration policy, migration processes, migration

References (transliterated)

1. Todaro M.P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // The American Economic Review. 1969. Vol. 59, No 1. P. 138-148.
2. Harris J., Todaro M. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // The American Economic Review. 1970. No 60. P. 126-142.
3. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 412 p.
4. Massey D.A. Synthetic theory of international migration // World in the mirror of international migration. 2002. No 10. P. 143-153.
5. Simon J.L. The Economic Consequences of Immigration. – 2nd ed. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. 434 p.
6. Chiswick B.R. The Effect of Americanization on the Earnings of Foreign-born Men // Journal of Political Economy. 1978. Vol. 86. No 5. P. 897-921.
7. Vorob'eva O.D., Rybakovskii L.L. Dominanta migratsionnoi politiki sovremennoi Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. T. 401. S. 59-65.
8. Ryazantsev S.V. Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie. M.: Formula prava, 2007. 576 s.
9. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition // Population and Development Review. 2006. Vol. 32, No 3. P. 401-446.
10. Valentei D.I. O sisteme demograficheskikh znaniy (1973) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. 2016. № 4. S. 134-148.
11. Vishnevskii A.G. Rossiya: demograficheskie itogi dvukh desyatiletii // Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. 2012. T. 21. № 3. S. 3-40.
12. Karachurina L.B., Florinskaya Yu.F. Migratsionnye namereniya vypusnikov shkol malykh i srednikh gorodov Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2019. № 6. S. 82-89.
13. Freeman G.P. Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States // International Migration Review. 1995. Vol. 29, No 4. P. 881-902.
14. Joppke C. Selecting by Origin: Ethnic Migration in the Liberal State. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. 330 p.
15. Mukomel' V.I. Migranty na rossiiskom rynke truda: zanyatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda // Statistika i ekonomika. 2017. № 6. S. 69-79.
16. Topilin A.V. Trudovoi potentsial Rossii: demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie problemy formirovaniya i ispol'zovaniya // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2019. T. 89. № 7. S. 736-744.
17. Regent T.M. Migratsionnyi krugovorot obezdolennykh // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2021. № 1. S. 118-123.
18. Tsapenko I.P. Regionalizatsiya migratsionnykh protsessov // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2017. T. 10. № 4. S. 70-85.
19. Sazhina V.A., Vysotskaya Z.R. Evolyutsiya migratsionnoi politiki Rossii v otrazhenii

- pravovykh istochnikov politiko-ideologicheskogo kharaktera // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. 2020. № 81. S. 196-214.
20. Todaro M.P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // The American Economic Review. 1969. Vol. 59, No 1. P. 138-148.
 21. Samoilov V.D., Selezneva K.V. O gosudarstvennoi migratsionnoi politike // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 8. S. 54-57.
 22. Islamova B.B. Vliyanie vneshnei trudovoi migratsii na rynek truda // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. № 3A (12). S. 463.
 23. Sukhinin S.A. Ekonomicheskie efekty mezhdunarodnoi trudovoi migratsii v razvitii natsional'noi ekonomiki Rossii // Mezhdunarodnyi demograficheskii forum. 2020. S. 268-273.
 24. Vartanova M.L. Natsional'nye priority i perspektivy razvitiya Evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii // Ekonomika i pravo: monografiya / gl. red. E.V. Fomin. Cheboksary: Sreda, 2021. S. 33-74.
 25. Motrich E.L. Migratsiya v demograficheskom razvitii rossiiskogo Dal'nego Vostoka // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2022. T. 18. № 1. S. 27-40.
 26. Vorob'eva O.D., Topilin A.V., Alikova A.S. Sotsial'no-demograficheskie posledstviya vnutrennei migratsii trudovykh resursov // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2020. T. 90. № 12. S. 1156-1163.
 27. Efremov I.A. Regional'naya kartina vliyaniya migratsii na starenie naseleniya Rossii // OF THE NEW ECONOMIC ASSOCIATION. 2023. 176 s.
 28. Aulov A.P., Mamedova L.I. Problemy preodoleniya demograficheskogo i migratsionnogo krizisov v stranakh Evropeiskogo Soyuza v nachale XXI veka // Rossiya i mir: razvitie tsivilizatsii. Uroki proshlogo, ugrozy budushchego. 2020. 406 s.
 29. Vorob'eva O.D., Topilin A.V., Alikova A.S. Sotsial'no-demograficheskie posledstviya vnutrennei migratsii trudovykh resursov // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2020. T. 90. № 12. S. 1156-1163.
 30. Gavrilenko Yu.E. Metody ustoichivoi klasterizatsii regionov Rossii po zanyatosti naseleniya // Federalizm. 2022. T. 27. № 3. S. 160-177.
 31. Akhapkin N.Yu. Rossiiskaya ekonomika v usloviyakh sanktsionnykh ogranichenii: dinamika i strukturnye izmeneniya // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk. 2023. № 6. S. 7-25.
 32. Gurieva L.K., Dzhioev A.V. Ekonomika i demografiya regiona: vzaimozavisimost' problem i vozmozhnosti ikh resheniya // Journal of Economics. 2022. T. 12. № 12.
 33. Kapoguzov E.A., Chupin R.I. Semeinaya politika v Rossii: effektivnost' s pozitsii dokazatel'nogo podkhoda // Terra Economicus. 2021. T. 19. № 3. S. 20-36.

Processes and Institutions of Energy Diplomacy: Structural-Functional Analysis

Lykov Sergei Alekseevich

Postgraduate student, Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Alexandra Monakhova St., d43.k.1, 8th entrance

✉ Lykov.Degor@yandex.ru

Abstract. Energy diplomacy is one of the most important areas in international relations.

Scientific research on this issue is extremely difficult due to its high political significance and, consequently, the bias in published works. The study of energy diplomacy should therefore be conducted using structural-functional analysis, that is, identifying the participants in the processes and their tasks. The article examines the content of energy diplomacy as a type of international relations, discusses the processes and institutions of energy diplomacy, studies the phenomenon of lobbying in the energy sector, evaluates the effectiveness and limitations of energy diplomacy using the examples of relations between Russia and Germany and Russia and Britain in the energy sphere, and assesses the reasons for successes and failures. Trust is analyzed as one of the aspects of informal relations in the energy sector, the interconnection of formal and informal tools of energy diplomacy is explored, as well as the peculiarities of the functioning of administrative and bureaucratic structures. The neo-institutional approach and decision-making theory are used to assess the interaction of subjects of energy diplomacy. The institutions and processes of energy diplomacy are distinguished, and their functions are indicated, which allows for the prediction of player behavior, identification of trends, and decision-making. Structural-functional analysis of energy diplomacy can be used to reduce the significance of value-laden judgments and provides a neutral description of relations between states in the energy sector. Energy diplomacy consists of formal and informal processes, where the former can be measured directly through normative legal acts and reports, while the latter can be assessed indirectly through manifestations such as trade directions and volumes, the activity of non-profit organizations and media, public statements by politicians. The structure of energy diplomacy relations includes interaction between international and national energy companies, key consumers, relevant state structures, and key political figures from countries. The functions of participants in energy diplomacy include exerting pressure on decision-makers, facilitating legislative processes, and preparing international treaties. The effectiveness of energy diplomacy varies depending on the resource potential of players: those subjects that can exert greater influence on decision-makers will obtain more favorable conditions.

Keywords: interest groups, structural-functional analysis, decision making, neo-institutionalism, political institutions, political processes, lobbying, energy diplomacy, political elites, political trust

References (transliterated)

1. Borovskii Yu.V. Stolknovenie energeticheskikh interesov Rossii i Zapada: ob''yasnitel'nyi potentsial realistskogo i liberal'nogo teoreticheskikh podkhodov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2022. № 2. S. 12-39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39 EDN: NFRSVX.
2. Zhiznin S.Z. Osnovy energeticheskoi diplomatii: ucheb. posobie. M.: MGIMO-Universitet, 2017. 158 s. EDN: UQHCEM.
3. Kaveshnikov N.Yu. Razvitie energeticheskogo prostranstva Evropeiskogo soyuza // Politicheskaya nauka. 2014. № 2. S. 65-88. EDN: SGGSQF.
4. Kurylev K. P., Volodina E. I. Tretii energeticheskii paket Evrosoyuza. Posledstviya i perspektivy dlya Rossii // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: ekonomika i pravo. 2016. № 7. S. 36-39. EDN: WYRKCI.
5. Anderson J. Public policymaking. Boston: Wadsworth, 2011. 351 p.
6. Balmaceda M.M. Russian energy chains. N.Y.: Columbia University Press, 2021. 421 p.
7. Bovan A., Vučenović T., Perić N. Negotiating Energy Diplomacy and its Relationship with Foreign Policy and National Security // International Journal of Energy Economics

- and Policy. 2020. Vol. 10. No. 2. P. 1-6. DOI: 10.32479/ijeep.8754 EDN: TEXVDI.
8. Crozier M. The Bureaucratic phenomenon. Abingdon: Routledge, 2017. 342 p.
 9. Galytska K. European-Russian Energy Relations: from Dependence to Interdependence. Firenze: Firenze University Press, 2021. 136 p.
 10. Goldthau A. Energy Diplomacy in Trade and Investment of Oil and Gas // Global energy governance / Ed. by A. Goldthau, J.M. Witte. Washington: Brookings University Press, 2010. P. 25-47.
 11. Hill M.J. The policy process in the modern state. N.Y.: Prentice Hall, 1997. 254 p.
 12. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. No. 2. P. 263-292.
 13. Lindblom C.E. The policy-making process. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1980. 131 p.
 14. Lippert W.D. The economic diplomacy of Ostpolitik origins of NATO's energy dilemma. N.Y.: Berghahn Books, 2011. 260 p.
 15. Maness R.S., Valeriano B. Russia's Coercive Diplomacy. Energy, Cyber, and Maritime Policy as New Sources of Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 250 p.
 16. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: organizational factors in political life // American Political Science Review. 1983. No. 3. P. 734-749.
 17. Ozawa M. Trust and European-Russian Energy Relations: Ensuring Energy Security. Cham: Springer, 2023.
 18. Simon H.A. Administrative behavior; a study of decision-making processes in administrative organization. N.Y.: Macmillan, 1957. 259 p.
 19. Statistical Report on World Energy. No 75. L.: Energy Institute, 2025. 76 p.
 20. Stulberg A.N. Well-oiled diplomacy. Strategic manipulation and Russia's energy statecraft in Eurasia. Albany: State University of New York Press, 2007. 365 p.

National prospects for the implementation of Europe's "Derisking" policy in relations with China

Serbina Anna Stepanovna

PhD in History

Associate Professor; Department of World Economy, International Relations and Law; Novosibirsk State University of Economics and Management

630099, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Kamenskaya str., 52/1, office 205

✉ serbina.anna@mail.ru

Abstract. Based on the concept of hedging, the EU's risk-reduction policy regarding China has been analyzed, characterizing China in the post-COVID period as a partner, economic competitor, and systemic rival simultaneously. The study focuses on the national aspects and prospects of implementing the "derisking" policy, examined through the lens of Germany, France, Eastern European countries, and Italy. The article pays particular attention to the development of national strategies towards China and the Indo-Pacific region as a whole, as well as the practical implementation of the risk reduction policy, including states promoting their positions within the EU Council. It discusses how EU member states apply the hedging strategy in key issues of strategic competition between the US and China. The methodological basis of the research comprises a systemic approach using inductive-deductive algorithms, as well as content analysis of strategic documents from the EU and member states, which allowed for the examination of the "derisking" policy at both the European and national levels.

A SWOT analysis was applied to assess the strengths and weaknesses, opportunities, and threats associated with the implementation of the "derisking" policy. It has been revealed that the "derisking" policy at the Brussels level leans towards a conflictual type of hedging, while most nation-states remain within the framework of cooperative hedging. The "risk reduction" policy is a long-term, costly strategy that encourages European countries to maintain constructive relations with Beijing. In key areas of policy, member states will act flexibly, forming changing coalitions and maneuvering between the US and China. The national practice of implementing the "risk reduction" policy has limited potential and depends on the experience of economic relations with China, domestic political conjuncture, and the depth of relations with the US. The author concludes that the French approach is the most objective, as it is oriented towards strengthening the EU's strategic autonomy not only from China but also from the US and encompasses the geopolitical and geo-economic aspects of competition. The scientific novelty of the research lies in the fact that based on the analysis of correlations between strengths and weaknesses, opportunities, and threats for Europe in its relations with China, the author proposes a model of "strategic interdependence" instead of "strategic autonomy."

Keywords: Eastern European countries, France, Germany, hedging, EU strategy, strategic competition, China, USA, Italy, strategic interdependence

References (transliterated)

1. European Commission. Joint Communication to The European Parliament, The European Council and The Council EU-China – A strategic outlook. 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52019JC0005> (data obrashcheniya: 14.01.2025).
2. European Commission. Joint Communication to The European Parliament and The Council. The EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific. 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (data obrashcheniya: 07.09.2025).
3. European Commission. Joint Communication to The European Parliament, The European Council and The Council on "European Economic Security Strategy". 2023. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023JC0020> (data obrashcheniya: 07.09.2025).
4. European Commission. Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre. 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/hu/speech_23_2063 (data obrashcheniya: 07.09.2025).
5. Kuik C.C. Getting hedging right: a small-state perspective // China International Strategy Review. 2021. №3. P. 300-315. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-021-00089-5> (data obrashcheniya: 09.09.2025). DOI: 10.1007/s42533-021-00089-5. EDN: SHYWTR.
6. Europe's choice. Political guidelines for the next European Commission 2024–2029. Ursula von der Leyen. Candidate for the European Commission President. 2024. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf (data obrashcheniya: 07.09.2025).
7. Shreder G. Resheniya. Moya zhizn' v politike / Gerkhard Shreder; [per. s nem. G. Leonovoi]. M.: Izdatel'stvo "Evropa", 2007. 552 s. EDN: QPHSSF.

8. Vaidenfel'd U. Angela Merkel'. Zhenshchina-kantsler. Portret epokhi / per. s nem. yaz. K.S. Chesnokovoi. M.: Izdatel'stvo AST, 2022. 320 s.
9. Kirchner R., Wurzel S. Deutsche China-Politik. Kein Wandel durch Handel // Deutschlandfunk. 27.04.2021. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/deutsche-china-politik-kein-wandel-durch-handel-100.html> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
10. Programm der deutschen EU-Ratspräsidentschaft "Gemeinsam. Europa wieder stark machen" 1. Juli bis 31. Dezember 2020. URL: <https://www.eu2020.de/resource/blob/2360246/d0e7b758973f0b1f56e74730bfdaf99d/pdf-programm-de-data.pdf> (data obrashcheniya: 18.01.2025).
11. Deutscher Bundestag. China und deutsche EU-Ratspräsidentschaft. 2020. URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/presse/hib/2020_07/704892-704892 (data obrashcheniya: 16.02.2025).
12. China Strategie der Bundesregierung // Auswärtiges Amt. 2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/resource/blob/2608578/810fdade376b1467f20bdb697b2acd58/china-strategie-data.pdf> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
13. Hat das Kanzleramt in der China-Politik etwas zu verbergen? // Pressemitteilung. 19.04.2023. URL: <https://www.cdusu.de/presse/pressemitteilungen/hat-das-kanzleramt-der-china-politik-etwas-zu-verbergen> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
14. Arzamanova T. V. Kitaiskaya golovolomka v kontekste "smeny epokh" (Zeitenwende) // Aktual'nye problemy Evropy. 2024. № 4. S. 240-259. DOI: 10.31249/ape/2024.04.13. EDN: INMEZU.
15. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Fraktion der CDU/CSU – Drucksache 20/14577. Stand der Umsetzung der China-Strategie der Bundesregierung. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/149/2014941.pdf> (data obrashcheniya: 17.02.2025).
16. Conférence des Ambassadrices et des Ambassadeurs: le discours du Président Emmanuel Macron. Elysée. 28 août 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/08/28/conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs-le-discours-du-president-emmanuel-macron> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
17. France 2030: un plan d'investissement pour la France // Le ministère de l'Économie, des Finances et de la Souveraineté industrielle et numérique. 13.10.2023. URL: https://www.economie.gouv.fr/france-2030?__cf_chl=tk=oYdbqc1ihXc5kRLSx1HipbC39UfK5wxE7LZ2LJcshYw-1756625595-1.0.1.1-kA5IhzOToSxdx_IKAycjkYrBG0DR_Qj3HYup3K0P5nM (data obrashcheniya: 09.09.2025).
18. French presidency of the Council of the EU // European Economic and Social Committee. URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/french-presidency-council-eu> (data obrashcheniya: 17.02.2025).
19. Entretien téléphonique avec M. XI Jinping, Président de la République populaire de Chine. Publié le 26 octobre 2021. // Elysée. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/10/26/entretien-telephonique-avec-m-xi-jinping-president-de-la-republique-populaire-de-chine-2> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
20. France's Indo-Pacific Strategy // Ministry for Europe and Foreign Affairs. URL: https://ambafrance.org/IMG/pdf/en_indopacifique_web.pdf (data obrashcheniya: 13.09.2025).
21. Bondaz A. The French EU Presidency Must Be More Ambitious with China Agenda // China Observers in Central and Eastern Europe. 26.01.2022. URL: <https://chinaobservers.eu/the-french-eu-presidency-must-be-more-ambitious-with->

- china-agenda/ (data obrashcheniya: 13.09.2025).
22. Julien M., Turcsanyi R.-Q., Simalcik M., Kironka K., Sedlakova R. French public opinion on China in the age of COVID-19. Political distrust trumps economic opportunities // Institut français des relations internationales. 24.11.2020. URL: <https://www.ifri.org/fr/publications-exterieures/lopinion-publique-francaise-sur-la-chine-lere-du-covid-19-la-mefiance> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 23. Brinza A. The "17+1" Mechanism: Caught Between China and the United States // China Quarterly of International Strategic Studies. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 213-231.
 24. Yun S.M., Pakulin V.S. Vzaimodeistvie Kitaya i stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v ramkakh initsiativy "Poyasa i puti" i formata "17+1" // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 14. Vyp. 2. S. 241-253. DOI: 10.21638/spbu06.2021.207. EDN: QJPXPQ.
 25. Vedernikov M.V. Dinamika otnoshenii s Kitaem: tsennostnyi podkhod vo vneshnei politike Chekhii // Sovremennaya Evropa. 2022. № 6. S. 82-97. DOI: 10.31857/S0201708322060067. EDN: GPLFGC.
 26. Security Strategy of the Czech Republic 2023. // Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. URL: https://mzv.gov.cz/file/5161068/Security_Strategy_of_the_Czech_Republic_2023.pdf (data obrashcheniya: 13.09.2025).
 27. ACT of 19 January 2021 on the screening of foreign investments and amendment of related laws (Foreign Investments Screening Act) // Investment Policy Hub. UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-laws/laws/434/czechia-foreign-investments-screening-act> (data obrashcheniya: 13.09.2025).
 28. EU-China relations: De-risking or de-coupling – the future of the EU strategy towards. China Study requested by European Parliament's Committee on Foreign Affairs. 15.03.2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU\(2024\)754446_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/754446/EXPO_STU(2024)754446_EN.pdf) (data obrashcheniya: 13.09.2025).
 29. U.S.-Poland Joint Declaration on 5G // The White House. 2.09.2019. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/u-s-poland-joint-declaration-5g/> (data obrashcheniya: 13.09.2025).
 30. Prime Minister Mateusz Morawiecki 's article in 'The Telegraph' – Clean path to a new model of globalization: time for European 5G realism" // Gov.pl. 16.07.2020. URL: <https://www.gov.pl/web/usa-en/prime-minister-mateusz-morawieckis-article-in-the-telegraph---clean-path-to-a-new-model-of-globalization-time-for-european-5g-realism> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 31. Address by Prime Minister Viktor Orbán at the "One Belt, One Road" Forum // Abouthungary. 18.10.2023. URL: <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/address-by-prime-minister-viktor-orban-at-the-one-belt-one-road-forum> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 32. Nagy Márton csodának nevezte a magyar-kínai gazdasági kapcsolatokat // Infostart. 25.07.2023. URL: <https://infostart.hu/gazdasag/2023/07/25/nagy-marton-csodanak-nevezte-a-magyar-kinai-gazdasagi-kapcsolatokat#> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 33. Gizińska I., Uznańska P. China's European bridgehead. Hungary's dangerous relationship with Beijing // Centre for Eastern Studies. 2024. №590. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-04-12/chinas-european-bridgehead-hungarys-dangerous-relationship> (data obrashcheniya: 17.02.2025).
 34. Yurasova L.A. Politika vengerskogo suvereniteta // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016.

- №4(49). S. 99-116. EDN: WXOKHX.
35. Az Európai Unió Tanácsa 2024. második félévi magyar elnökségének programja. URL: <https://pozsony.mfa.gov.hu/asset/view/185469/Eln%C3%B6ks%C3%A9giProgram0618.pdf> (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 36. Shishelina L.N. Vengriya: dva predsedatel'stva v Sovete ES // Sovremennaya Evropa. 2024. № 7. S. 17-29. DOI: 10.31857/S0201708324070027. EDN: CCGKQC.
 37. Consolidated Version of the Treaty on European // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 38. Šimalčík M., Šebok F. Navigating uncertainty. Central European public opinion on geopolitics in 2025 // Central European Institute of Asian Studies. URL: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2025/04/EMIF_Report1_Print.pdf (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 39. Memorandum of Understanding between the Government of the Italian Republic and the Government of the People's Republic of China on cooperation within the framework of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road Initiative. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_EN.pdf (data obrashcheniya: 09.09.2025).
 40. Maslova E.A. Italiya – Kitai: strategicheskoe partnerstvo prodolzhaetsya? // Aktual'nye problemy Evropy. 2024. №4. S. 278-294. DOI: 10.31249/ape/2024.04.15. EDN: EZOCJQ.
 41. Piano d'azione per il rafforzamento del Partenariato Strategico Globale Cina-Italia (2024-2027). URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Piano_Azione_Italia-Cina_2024-2027_1.pdf (data obrashcheniya: 09.09.2025).